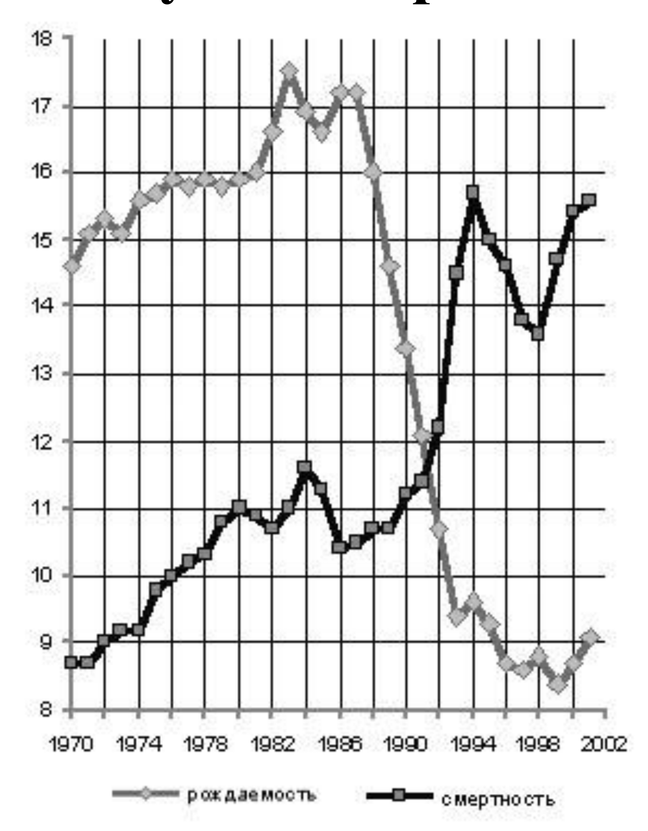

Москва, 2005

Содержание

Русский крест

Мы несем свой исторический крест – страдания, которые соединяют русскую нацию в единое целое и приводят ее к победам. Зная боль утрат, мы знаем и восторг подвига, триумф исторического успеха. Наши беды – следствие наших успехов, которые нам простят, только если мы сочтем свою миссию слишком тяжкой и бросим крест, возложенный на нас.

Сегодня, наш крест лежит у дороги, по которой в небытие тянутся миллионы наших современников, забывших смысл жизни и память предков. Они уходят с позором – под улюлюканье подлой своры русофобов, заклятых врагов России. И лишь немногие взывают к долгу: мы должны нести свой крест! Чтобы на нас не поставила крест неумолимая история.

«Русский крест» - это факт русской демографической катастрофы, когда взлет смертности сошелся в одной точке с обрушением рождаемости. Две зыбкие кривые пересеклись, символически обозначив отступничество нынешних русских поколений от самого простого, чем они обязаны своей земной жизни – деторождения и заботы о телесном здоровье.

Разговоры о демографической катастрофе уже многие годы остаются у нас только разговорами. Власть, враждебная всему русскому, разумеется не может озаботиться воспроизводством русских поколений. Ею могут озаботиться русские – прежде всего те, кто чает свержения этой власти и замены ее теми, кто готов будет голову положить – лишь бы остановить процесс вымирания России.

Данные научных исследований говорят о том, что 2009-2010 годы – это так называемая «точка невозврата», после которой происходят необратимые

процессы, демографический коллапс. Прохождение этой «точки» означает развал Российской Федерации и российской нации, остановить который не будет ни средств, ни сил. Сохранение нынешних тенденций и нынешнего отношения власти к демографическим проблемам означает, что за «точкой невозврата» неизбежно наступит 2015 год, который можно будет считать годом смерти российской нации. Такое мрачное именование связано с тем, что к этому моменту ожидается двукратное уменьшение количества рождений даже в сравнении с тем невысоким (мягко говоря) уровнем, который мы имеем сегодня. К этому моменту одновременно станут действовать два взаимосвязанных фактора – привычка к низкой рождаемости (преимущественно однодетные семьи) и уменьшение (по причине ранее состоявшегося уменьшения рождаемости) количества тех, кто способен рожать по возрасту и здоровью.

Зная о «точке невозврата», мы должны понимать, что 2008 год – это последний шанс спасти Россию от небытия. Если его не использовать, то останется лишь возможность самоспасения – хотя бы своей собственной семьи. О спасении нации, государственного суверенитета уже не может быть речи. В связи с этим обстоятельством следует сделать выводы политического характера, программирующие деятельность патриотических сил и планирующих самые решительные их действия в ближайшие 2-3 года.

Мы самым решительным образом должны противостоять планам Кремля разрешать демографические проблемы путем массированного привлечения мигрантов. Эта стратегия заведомо порочна, поскольку численность мигрантов, которые способны переехать в Россию в ближайшие десять лет и готовы адаптироваться к российской социокультурной среде, не превышают четырех-пяти миллионов человек. Примерно столько переселилось в Россию за предшествующее десятилетие. Но это не остановило катастрофу. Более того, адаптация и ассимиляция этих переселенцев отнимет огромные средства и обнажит традиционную территорию расселения русского народа, которые таким образом останутся навсегда вне Российской Федерации. Если же следовать замыслам Кремля, то неизбежна «китаизация» России – переселение на наши земли десятков миллионов тех, кто не хочет и не может жить в России по-русски и будет расчленять наши пространства на инородческие анклавы, вымывая из них все историческое наследие, все русское, все истинно российское. Это не просто план отступления. Это план предательства исторической России и попытка продлить существование коррумпированной бюрократии за счет массового завоза иностранных рабов, которые через одно-два поколения станут хозяевами в России.

Чтобы преодолеть демографическую катастрофу, необходимы кардинальные изменения в мировоззрении - такие, которые возможны только у человека, обладающего высоким духовным потенциалом. Только одухотворенный , верующий человек знает, что есть ценности за пределами его физического существования. Только такой человек может признать химерой либеральное мировоззрение, которым нас потчуют, по крайней

мере, последние 15 лет. Перед лицом демографической катастрофы и реальной возможности крушения России в ближайшие годы сильные духом должны отбросить все эти химеры - все, что мешает воспроизводству нации. И напротив, все, что когда-либо имело позитивное влияние на развитие нации, должно вернуться в нашу жизнь.

Нам придется привыкнуть к тому, что враги России и нравственные калеки будут навешивать нам самые жуткие ярлыки. Не желая возрождения России, они буду называть всех, кто ради этого возрождения готов пойти на самые радикальные меры, фашистами. Мы не должны обращать на это внимание – лишь фиксировать, откуда и от кого идет этот гнусный навет. И знать, что этот навет – от самых отъявленных врагов нашего Отечества.

Мы должны перестать бояться и обязаны проявить беспредельную решимость и готовность к самым радикальным средствам преодоления демографической катастрофы. Потому что научное знание дает нам прямое задание на духовный подвиг в защиту Родины.

В плане философского осмысления ситуации можно переиначить известный принцип и сказать, что наше сознание должно определиться нашим знанием о небытии (*небытие определяет сознание*), о том, что нация может скончаться в самое ближайшее время, и мы с вами сможем увидеть конец русской истории, оставив детей и внуков на руинах России. Если не добьемся в самое ближайшее время решительных изменений во власти.

Что делать? Прежде всего, изменить принципы жизни – от государственной до частной и повседневной.

Необходимо объявить продолжение рода человеческого на русском историческом пространстве самым высочайшим смыслом бытия каждой семьи и каждого человека. Это не только политическая декларация, но и задание на личный пример. Ведущие силы русского общества должны продемонстрировать повседневным поведением пример воли к жизни, воли продления собственного рода до конца времен. Это возможно только при здоровом духе и здоровом теле. Духовный и телесный аспект личной жизни – важнейшие элементы этики патриота России.

Ориентируясь на прагматический выбор демографической политики, мы должны понять, что наш расчет не может опираться на поддержку многодетных семей, которых очень мало. Главная задача – стимулирование граждан к рождению как правило не только второго, но и третьего ребенка. И только когда демографический кризис будет в основном преодолен, можно рассчитывать на стимулирование многодетности. Сегодня же нам необходимы семьи с двумя и тремя детьми. Причем там, где демографический кризис наиболее жесток – прежде всего, в русских областях и среди оседлого населения, сформировавшего гражданскую общину конкретного поселения.

Задача патриотов России - воссоздание этнодемографического и культурно-религиозного баланса на территории России. Это означает сохранение традиционного для России «лица» - антропологических характеристик, делающих Россию культурно и физиономически узнаваемой

цивилизацией. Отсюда – требование принципиально иного подхода к миграционным процессам, в сравнении с тем подходом, который демонстрирует нынешняя власть. Иначе в стране с названием «Россия» будут жить другие народы, для которых наша культура, наша вера, наша историческая гордость, наши герои и подвижники – ничто, всего лишь музейная пыль. И мы превратимся из национального большинства в третируемое меньшинство, умирающую колонию аборигенов.

Традиция должна быть своеобразной заменой утраченного и упущенного биологического инстинкта, основой жизни нации, потому что именно в традиции заложены те социальные технологии, которые позволяли России развиваться, быть вторым по численности населения государством после Китая, могучей Империей, имевшей самые высокие темпы хозяйственного развития. Подрыв традиции, попытка искусственного формирования новой системы ценностей дорого обошлись нашему государству. Именно забвение Традиции является главной причиной демографической катастрофы.

Наша задача переломить ситуацию и перейти к нормальному воспроизводству нации. Экономическая политика и социальная политика должны рассматриваться как средство для воспроизводства нации. Не по ВВП, а по количеству здоровых детей мы должны оценивать деятельность нашего правительства. Тот, кто будет оценивать ее по ВВП, будет обманут лживой статистикой, а цена ошибки чрезвычайно велика.

Переходя от принципов к вопросу о конкретных мерах, нужно, прежде всего, понять необходимость ориентироваться на карательные меры. У нас нет времени на длительное воспитание добропорядочного чиновника и традиционных семейных ценностей. Времени остались годы, а для воспитания нужны десятилетия. Поэтому мощные карательные меры должны возникнуть немедленно - как только мы будем в силах их реализовать.

Это, прежде всего, меры против абортов, которые убивают миллионы наших не родившихся соотечественников. Речь не о том, чтобы немедленно запретить все аборты. Мы можем сразу запретить пропаганду абортов в средствах массовой информации (а она ведется самым беспардонным образом). Мы можем под угрозой уголовного преследования запретить склонение к абортам в медицинских учреждениях, а это сегодня уже широкомасштабный бизнес. Мы можем в перспективе (но в очень близкой перспективе), запретить аборты без медицинских причин и ценить жизнь не от рождения, а от зарождения.

Мы должны ввести в наше законодательство цензуру. Не надо бояться этого слова. При цензуре развивалась великая русская литература. Без цензуры – только беспринципность и бесстыдство нынешних средств массовой информации, порнографии, культа насилия. Цензура должна сказать: ничего против семьи, ничего против детей, ничего против здорового образа жизни, ничего против Традиции! Если это не будет сделано немедленно, нация будет разрушена. Перед опасностью для выживания

нации мы должны отбросить все химеры идеологические либерализма, которые нам навязаны.

Немедленных решений требует прекращение алкоголизации страны. В очень недалекой перспективе нам нужен режим, близкий к сухому закону. Ограничение и уничтожение любой рекламы алкогольсодержащих продуктов. Разнообразные запреты на места и условия употребления спиртных напитков. Резкое ограничение производства и импорта спирта и спиртосодержащих веществ – до среднедушевой нормы, принятой за условно безопасную. Это означает снижение потребления алкоголя в 3-4 раза и самый жесткий контроль за установленным ограничением производства как на общегосударственном, так и на региональном и местном уровне. Такие «драконовские» меры будут означать, что оздоровится духовно и физически – сохранятся полноценные семьи, будут рождаться преимущественно здоровые дети, снизится преступность, интеллект будет защищен от убийства алкоголем и т.д.

Гибель нации – ее физическое вырождение и вымирание (рост смертности и детского слабоумия, снижение рождаемости) - прямо коррелирует с количеством потребления спиртного. Эта закономерность увязана также и с потреблением наркотиков, которое превысило те пределы, за которыми можно с уверенностью говорить о содействии властей наркомафии и соучастии правоохранительных органов в наркотическом умерщвлении нации. Переломить это состояние необходимо самими жестокими и немедленными мерами – ввести смертную казнь за любые формы распространения наркотиков и насильственное лечение для наркоманов, любыми средствами перекрыть южные границы – не распахиванием следовых полос на тысячи километров, а созданием «зоны смерти», в которой любой незваный гость должен уничтожаться пограничными разъездами. Путь героина и опия, начинающийся в «американском» Афганистане должен обрываться на нашей границе, а каждый наркомафиози ждать пули от наших спецслужб в любой точке мира.

Необходимо вводить связь любых карьерных перспектив госчиновника с заданием по воспроизводству нации. Лица, не имеющие детей, опасны во власти и в политике. Мы должны это понимать. Те же, кто биологически не способен иметь детей и не хочет воспитывать детей приемных, могут заняться иным делом, но не управлять государством.

Необходимо вернуть налог на бездетность – причем такой, который точно учитывал бы, что каждый гражданин должен нести равные материальные затраты на воспроизводство нации. Здесь имеющие детей должны иметь не материальные затруднения и ущерб в сравнении с бездетными, а напротив, быть в выгодном положении. Бездетность и бессемейность взрослых людей - свидетельство их недостаточной гражданской зрелости, неготовности ко многим общественным функциям.

Необходима общенациональная миграционная программа - миграционный диктат вместо свободы выбора места жительства для любых переселенцев. Иначе мегаполисы будут и впредь превращаться в раковые

опухоли, забирающие из регионов России все живое. Миграционная политика должна предполагать стабилизацию численности крупнейших городов и заселение обезлюженных территорий – сначала в центральной России, а потом и в отдаленных провинциях. Здесь материальное стимулирование должно сочетаться с запретительными механизмами. Стимул, который можно предложить: за Уралом налогов нет. Запрет – поселение в городе только с разрешения местной общины (на уровне микрорайона). И никакого больше жилищного строительства в мегаполисах – все новое жилье, как оказывается, предназначается не коренным жителям.

Наряду с карательными мерами должны быть меры материального стимулирования, и они могут быть приняты уже сегодня. Это разовые пособия матерям. Например, – за первого ребенка 10 тысяч рублей, за второго - 20, за третьего - 30. Постоянные ежемесячные пособия – за первого ребенка минимальная оплата труда, за второго – три минимальных оплаты, за третьего ребенка - средняя заработная плата по стране плюс полное пенсионное обеспечение по старости, назначаемое после совершеннолетия детей и после достижения пенсионного возраста. Жилищные субсидии. При условии списания, скажем, за первого ребенка – 10%, за второго – 30%, за третьего - 50%. Причем, за первого ребенка списывается стоимость однокомнатной, за второго – двухкомнатной, за третьего – трехкомнатной квартиры. Но, безусловно, с цензом оседлости и для демографически неблагоприятных регионов, чтобы не распухала раковая опухоль народонаселения там, где вновь родившимся людям в перспективе негде будет работать.

В государстве должны быть введены новые институции.

Необходимо государственное призрение сирот и детдомовцев, которые сейчас брошены на произвол судьбы. Лишившиеся родителей дети должны стать государственными детьми, которые готовятся по специальным образовательным и воспитательным программам для перспективных профессий. Они должны получать от государства не меньше, а значительно больше, чем получают дети в полноценных семьях - при целенаправленной компенсации всех негативных последствий сиротства.

Должна быть введена специальная программа защиты беременности. У нас в обиходе имеется позорное представление о нравственной несостоятельности раннего материнства. С точки зрения демографических перспектив, напротив, ранние рождения позволяют женщине в дальнейшем родить второго и третьего ребенка. Молодым матерям нужна от государства и общества психологическая и материальная поддержка – подготовка к миссии матери в специальных «инкубаторах», где фарисейские упреки не осквернят мир материнства и детства.

Должна произойти миграционная амнистия для всех русскоговорящих (язык – главный и наиболее явный признак культурной идентичности), кто истязается сегодня нашей бюрократией. А ведь 80% переселенцев в Российскую Федерацию за последнее десятилетие - это русские люди. Одновременно нужен запрет на миграцию, в том числе и трудовую, пока

рабочая сила в России недооценена и есть безработица. Необходимы трудовые тюрьмы для нелегалов, чтобы они там зарабатывали деньги на собственную депортацию на территорию прежнего проживания.

У нас должно появиться новое семейное право, которое рассматривает семью как самостоятельную и особо ценную для общества единицу, правовой субъект. В том числе и семью большую, род - начиная со старших родственников, прямых родственников, а также проживающих вместе родственников боковых ветвей, и кончая внуками и правнуками. Большой семье необходимы автоматически, без бюрократической волокиты действующие нормы, позволяющие вести хозяйственную деятельность и выступать консолидировано во всех отношениях с государством и прочими субъектами права.

Исполняясь решимости спасти нацию от деградации и исчезновения, следует видеть, что предлагаемые меры находятся в непримиримом противоречии не только с подлой генерацией либеральной бюрократии, но и с их главным идеологическим документом – с ельцинской Конституцией, принятой на фальсифицированном референдуме в условиях политических репрессий в 1993 году. Выбирая между судьбой нации и Конституцией, мы, безусловно, выбираем нацию. Рано или поздно мы подойдем к задаче отмены ельцинской Конституции, препятствующей нормализации жизни народа и сохранению нашей государственности. Тем более, что нашей тысячелетней Родине не требуется переучреждать себя в качестве «новой России» и декларировать ценности, отличные от тех, которые уже даны в Традиции.

Никакой целевой установки, противоречащей задаче восстановления воспроизводства нации, мы не должны иметь. Именно поэтому лидер партии «Родина» Дмитрий Рогозин сказал: «Наша идеология - это наша Родина». Этот тезис есть концентрированное выражение патриотического мировоззрения, социал-патриотической идеологии.

Помни Беслан

По горячим следам, послушав очевидцев и сравнив их рассказы с сообщениями информационных агентств, надо запомнить, как все было и чем закончилось. Как власть, встрепенувшись, начала оглядываться на общество, а потом успокоилась – ничего опасного не произошло. И все покатилось по наезженной колее – развал государственных институтов, ограбление нации, бесстыдство журналистов, подлость чиновников…

Нападение. Как это было

Бандиты готовились к захвату школы в Беслане заранее. Диспозиция была ясна - было известно сколько и где будет людей, подлежащих захвату, куда они могут бежать от пуль, где надо заложить взрывчатку и разместить огневые точки. Но главное, что знали боевики – что российская власть, спецслужбы, не готовы к противодействию захвату. Они увлечены другим –

стремлением не допустить никакой информации о терактах, пока не закончатся выборы президента Чечни. По тому, как нехотя, с недомолвками и оговорками признавался подрыв террористами сразу двух самолетов, по тому как замяли честный разговор о причинах неготовности Ингушетии к нападению – всего за несколько месяцев до Беслана – бандиты могли рассудить, что Россия беззащитна.

Большая часть оружия, использовавшегося террористами в Беслане, была похищена ими во время июньского рейда на Ингушетию. Данное обстоятельство усугубляет ответственность лиц, допустивших это вторжение, а также тех высших руководителей страны, кто посчитал это событие очередным и уже ставшим привычным эпизодом современной истории. Тем не менее, убийство 92 человек в этой республике было просто проигнорировано всеми «ветвями» раскидистой российской власти. Ясно, что урок Ингушетии, не будучи воспринятым, должен был повториться в более убедительной и убийственной форме и с большими жертвами.

Выдвижение бандгруппы в Беслан состоялось именно с территории Ингушетии, где имелись базы террористов. Известно, что осетинское УБОП неоднократно информировал ФСБ и Москву о расположении множества такого рода баз, где укрываются сотни бандитов, но реакции не было никакой. Спецслужбы словно отвернулись, чтобы не замечать надвигающейся трагедии. Отчасти это объясняется (но не оправдывается) приказом не тревожить боевиков и не вести активных действий, пока в Чечне не пройдут выборы президента. Выборы должны были продемонстрировать единство чеченцев в поддержке нового лидера, а тот – способность добиться в Чечне мира и порядка. Расплата за эту глупость состоялась. Увы, вовсе не для чиновников, игравших в поддавки с бандитами.

Продвижению террористов по Ингушетии и Осетии немало способствовал захваченный ингушский милиционер, который мог сыграть как роль прикрытия, так и роль проводника. Впоследствии этот человек удивительно легко убежал из захваченной школы, хотя людей его профессии бандиты расстреливали сразу и в первую очередь.

Нападение боевиков на школу в Беслане, начавшееся в 8.30 1 сентября 2004 года, было абсолютно внезапным. Школу брали как вражеский бастион – боевики развернулись в цепь и шли от железнодорожной насыпи, охватывая толпу школьников и родителей и расстреливая разбегавшихся. С тыла заложников блокировала группа, помешавшая им выпрыгнуть в окна. Жестокость к заложникам проявлялась сразу – без какой-то стадии нагнетания озлобления. Чтобы шокировать и подавить волю к сопротивлению, а также чтобы поставить самих себя в положение отчаянное - закрыть все пути к отступлению и помилованию. Безоружных милиционеров, случайно оказавшихся в толпе и попавших вместе с ней в школу, тут же расстреляли - включая женщину, работника паспортного стола.

Рядом со школой находилось здание РУВД. Те милиционеры, у которых было оружие, пытались отстреливаться и даже убили одного из

бандитов. Подельники, не церемонясь, за ноги втащили его труп в школу. Друг друга они тоже не жалели. Одного из своих соратников главарь убил, чтобы обеспечить беспрекословное подчинение. Тогда же произошел подрыв двух смертниц с «поясами шахидов». Эта история так и остается неясной. Одни говорят, что подорвалась только одна, а другая нет – она скончалась во время штурма от пулевого ранения. Кто-то говорит, что их казнил главарь, замкнув цепь взрывного устройства. Но один взрыв точно был, и это свидетельствует о напряженности атмосферы – в захваченной школе витала смерть.

Бандиты, не встретив никакого сопротивления, стреляли во все стороны из автоматов и подствольных гранатометов. Люди от школы разбегались во все стороны. Те же, у кого в школе оказались родные и близкие, наоборот, бежали к школе. В городе царила паника и хаос. ОМОН появился только через полчаса. Реакция ФСБ была еще более вялой. Начальника регионального ФСБ Андреева отыскивали 2,5 часа. Президент Ингушетии Зязиков объявил, что он «очень далеко» и бросил телефонную трубку, чтобы уже больше не выходить на связь. Вновь избранный президент Чечни Алханов также устранился от участия в судьбе заложников. Андрееву расслабленность стоила должности, два президента отделались моральным ущербом – всеобщим презрением. Впрочем, в адрес чиновников высокого ранга эти эмоции в народе очень недолговечны.

Организовать штурм по горячим следам не было никакой возможности. Во-первых, по причине явного превосходства бандитов в вооружениях. Они сразу выкатили на позиции тяжелый пулемет ДШК. Через полчаса школа была заминирована, и штурм обещал огромные жертвы. Все пространство вокруг школы простреливалось из подствольных гранатометов. Бандиты постоянно вели тревожащий огонь по площадям. Наши снайперы не могли отвечать, опасаясь за жизнь заложников.

Организацией противодействия боевикам и спасения заложников в первые часы занялись те, кто случайно оказался рядом и сразу бросился на помощь. Это были президент Северной Осетии Александр Дзасохов и депутаты Госдумы от фракции «Родина» Дмитрий Рогозин и Михаил Маркелов. Именно они выстраивали оцепление, выселяли соседние жилые дома и формировали штаб. Подоспел также и президент Южной Осетии Кокойты. Образовалась группа во главе с Дзасоховым. Но ее быстро отстранили от дел фээсбэшники. Потом они же отрицали свое руководство операцией по освобождению заложников.

К 14.00 удалось хоть как-то сформировать штаб. Спецслужбы так и не дали полноценно работать. Что называется, ни себе, ни людям. Ревность со стороны «силовиков» тормозила любые возможности, и это дорого обошлось заложникам. Многие из них погибли именно в силу бюрократической нерасторопности людей в погонах, превратившихся в тупых и неповоротливых чиновников.

Штаб возглавил замдиректора ФСБ Владимир Проничев, обособившийся от группы Дзасохова, которой было предоставлено лишь

право «работать» с родственниками заложников и вести дела с прессой. Но группа Дзасохова решала и более сложную задачу – чтобы родственники заложников не открыли в тылу спецслужб «второй фронт». Такая опасность была, потому что в Беслане действовали провокаторы, которые появлялись на каждой встрече руководства с населением и старались сорвать диалог фразами типа «ты убил наших детей». Кроме того, бандиты выявили среди заложников детей руководства Осетии и по мобильным телефонам требовали, чтобы те организовали живую цепочку вокруг школы, чтобы не допустить штурма здания спецслужбами.

Увлекшись расстрелом убегающих и перестрелкой с милицией, бандиты в первое время плохо контролировали заложников. Многим удавалось сбежать. Один из таких беглецов сообщил Дмитрию Рогозину, что численность боевиков около 17 человек, а заложников – более 800. Потом какие-то умники начали морочить людям голову и говорить о числе заложников «более ста» и устроили информационные игры вокруг цифр. По свидетельству выживших заложников, когда бандиты слышали, что в школе захвачено не более 100-200 заложников, они приходили в бешенство и вымещали свою злобу на захваченных беззащитных людях. Прозвучавшая позднее цифра в 354 заложника была всего лишь указанием на число обратившихся по специальному телефону родственников. Ясно, что в условиях хаоса далеко не все хотели и могли давать такую информацию о себе. Тем не менее, эту цифру мусолили двое суток.

Хаос лиц

С самого начала бандиты демонстрировали нежелание вести переговоры. Вероятно, инструкцией, данной заказчиками, предусматривалась максимальная жестокость без предъявления условий освобождения заложников. В записке, написанной на тетрадном листе бумаги корявым почерком с грамматическими ошибками, значилось лишь требование представить для переговоров президентов Осетии и Ингушетии - Дзасохова и Зязикова, а также врача Рошаля, прославившегося своей миссией гуманиста во время захвата заложников в Москве на Дубровке. Кроме того, бандиты объявили, что будут расстреливать заложников, если будет отключена мобильная связь (то есть, оставляли канал для своего заказчика). Также была объявлена цена жизни бандита – за убитого подельника бандиты назначили цену в 50 жизней заложников, за раненого – 20 жизней.

Террористы не были смертниками. Они, наоборот, очень ценили свою жизнь. И боялись даже детей. Сильных мужчин они отобрали из заложников, отвели в соседнее помещение и там расстреляли. Одного из заложников заставили выбрасывать трупы из окна во двор школы. Он сделал это, а потом, воспользовавшись надвигающимися сумерками, сам выпрыгнул в окно, рискуя поломать ноги, и убежал. Он сообщил, что боевиков около 40-50 человек и рассказал о расстрелянных заложниках. Его слова были подтверждены космической съемкой – во дворе лежали 19 трупов. Иным путем заглянуть в «хозяйство» боевиков не представлялось возможным.

Бандиты были на взводе, поскольку страшно испугались отсутствия сигналов от заказчика. Спецслужбы определили, что по мобильной связи они не вели разговоров и к ним сообщники на связь не выходили. Террористы выполнили определенную часть «работы» - создали атмосферу ужаса, запредельно издеваясь над заложниками, не давая им есть, пить и справлять естественные нужды. Они запугивали детей выстрелами в потолок и оставили заложникам возможность пить только собственную мочу. Наиздевавшись, бандиты ждали операции отхода. Но команда не поступала, отчего террористы еще больше зверели. Потом пытались сами заместить действия заказчика – выпустили часть заложников вместе с Русланом Аушевым (26 человек, включая 3 грудных младенцев) и сформулировали некие «требования».

«Требования» были путанными и абсурдными – их явно готовил растерянный человек, подписавшийся как «Басаев» (такая подпись, сразу определенная как фальшивка, тоже факт растерянности). Требовали свободу для Чечни в сочетании с сохранением ее в рублевой зоне и членством в СНГ. Ясно, что на второй день, когда были выдвинуты эти требования, среди бандитов началась паника. Они поняли, что живым уйти будет крайне сложно. Аушев рассказал, что во время его визита у одного из бандитов началось что-то вроде наркотической ломки – изо рта пошла пена, и его спешно увели. Аушев также сообщил странную информацию, что с ним не стали говорить на вайнахском языке, предпочитая русский. В разговоре чувствовался чеченский и, как показалось Аушеву, арабский акценты.

Существует легенда, что Руслан Аушев пошел на переговоры с бандитами, ни с кем не советуясь – подъехал на машине к школе и, пренебрегая опасностью, пошел к террористам. На самом деле Аушев 2 часа беседовал с работниками штаба и готовился. Тот факт, что бандиты его впустили и даже отдали ему несколько заложников, объясняется тем, что Аушев сам глубоко погружен в ингушские криминальные отношения и среди бандитов, вероятно, было немало тех, с кем он был лично знаком.

Позднее бандиты потребовали к себе также и Асламбека Аслаханова, который также был бандитам чем-то дорог. Но тому был приказ сидеть в Москве. Даже если бы он ослушался приказа, то вылететь не смог бы – рейсы самолетов были отменены. Аслаханов готовился прибыть в Беслан, чтобы вместе с Аушевым вывести еще одну партию дошкольников, но не успел. А вот врач Рошаль появился в Беслане вовремя. Правда, его миссия оказалась позорной. По телефону бандиты сказали ему: «Иди к нам, жидовская морда, мы тебя тут к стенке поставим». Оказалось, что вторично сыграть роль «доброго доктора Айболита», который расскажет потом спецслужбам, где расположена взрывчатка и огневые точки бандитов, не получится.

Ответ на выдвинутые «требования» террористы должны были ждать по истечении трех дней с момента захвата школы. Их «письмо» действительно отправили в Москву. Но трагедия произошла раньше. И здесь телевидение сыграло свою гнусную роль. Буквально за полчаса до трагической развязки в программе «Вести» было продемонстрировано обращение жены одного из

террористов, которая сказала: «Спаси детей. Сделай все по Аллаху, а не по своей воле». И показали ее детей. Это можно было трактовать только так: забудь о жалости и милосердии, на твоей стороне будет Аллах.

Сообщения о том, что «спецслужбы работают по родственной базе террористов» (о чем сказал в эфир генерал Андреев – тот самый, которого долго искали в начале событий) также взвинтили обстановку в захваченной школе. Публикация данных о специфической деятельности по противодействию бандитам спровоцировала еще большую жестокость.

Показательно, что руководители местного ВГТРК продали «сигнал» зарубежной компании CNN, которая начала вещать из Беслана первой. Кто-то погибал от рук бандитов, а кто-то делал свой маленький бизнес.

Постыдными и провокационными были действия отдельных политиков. Руководство «Единой России», вместо того чтобы собирать депутатов на сессию из отпусков, решило прислать в Беслан свою делегацию - пофигурировать на телеэкране. Они бы сделали это, но не успели. Зато успел покрутиться на телевидении Грызлов, рассуждавший, что придется кое-где ограничивать права человека.

Рамзан Кадыров намеревался прислать в Беслан делегацию чеченских женщин для митинга против терроризма. В штабе нашлись люди, которые поняли, что этих женщин родственники заложников просто разорвут на части, а ситуация в городе выйдет из-под контроля.

Террористы провоцировали раскол в оперативном штабе между федеральными силами и осетинским руководством, которое склонялось к объединению с доведенным до отчаяния населением против России – лишь бы спасти своих детей и родственников. Но, надо отдать должное, осетинские лидеры не проявили слабости. Особенно героически повел себя председатель Госсовета республики Теймураз Мамсуров, дети которого оказались в заложниках. Сына и дочь заставляли звонить ему по телефону и говорить: папа, не допусти штурма, иначе нас тут всех взорвут. Когда Аушев шел в школу, он сказал: Руслан, если будут предлагать забрать моих детей, забери лучше маленьких. Позднее, когда начался бой, он схватил оружие, побежал защищать своих детей. Оба ребенка выжили, получив, правда, тяжелые ранения. А вот у прокурора республики двое детей погибли.

События в Беслане характеризуются крайней неразберихой и отсутствием профессиональных действий. За это вся полнота ответственности лежит на сбежавших, исчезнувших министров – на главе МВД Р.Нургалиеве и директоре ФСБ Н.Патрушеве. Беда в том, что и низовой исполнительский уровень спецслужб оказался не на высоте. Личным геройством бойцов спецназа непрофессионализм компенсировать было невозможно.

Рядом со зданием школы, где были заложники, располагалась пристройка для младших классов и деревянный дом. Туда пробрались несколько ополченцев и казаков, которые обнаружили, что здесь прекрасно прослушивается и даже просматривается все, что делается в спортзале, набитом заложниками. Энтузиасты пытались пробиться к заместителю

прокурора С.Фридинскому с предложениями установить прослушки, но их не пустили, пока в пристройку не пробрался депутат Михаил Маркелов. Потом ему удалось пройти к Фридинскому и указать место для прослушки. Можно было уже двое суток знать все, что делается в школе. Спецы были в шоке, поскольку все это время из «слухачи» бегали со специальными приборами по соседним крышам и толком не могли ничего сделать. В результате эта возможность была окончательно упущена, потому что через 15 минут раздался взрыв и состоялся финал драмы.

После трагедии стало известно, что спецслужбы не догадались проверить размещенные рядом со школой гаражи. Выяснилось, что они имели сквозной проход и могли быть использованы для спасения заложников. Но военной бюрократии было не до того – она больше была озабочена обеспечением своего «алиби» в предвкушении неизбежной развязки.

Представители спецслужб все время очень ревниво относились к действиям всех остальных государственных структур. Когда от одного из заложников, освобожденных Аушевым, была получена информация, что в спортзале сидит не менее 1000 человек, последовал чванливый ответ: не надо сеять панику, их там не больше 300.

Примерно такое же отношение было к попыткам организовать подготовку скорой медицинской помощи на случай непредвиденного развития событий и большого числа пострадавших. Поначалу это дало эффект: недалеко от школы выстроились около 40 карет скорой помощи. Но какой-то умник распорядился их оттуда убрать, и когда помощь понадобилась, машины буквально по одной пробивались к школе через людское месиво.

Вокруг школы быстро образовалась вооруженная толпа. Здесь были не только мирные граждане с охотничьими ружьями, но и вытащенные из схронов автоматы. В толпе присутствовали представители криминальных структур. Всю эту массу так и не удалось оттеснить от школы, и она находилась в зоне минометного обстрела бандитов. Все время была опасность, что вооруженные люди сами попытаются предпринять штурм.

Должностные лица в этой страшной ситуации почти поголовно показали себя совершенно несостоятельными - с нравственной и профессиональной точек зрения. Если бы не действия лиц, чья причастность к событиям возникла только в результате личной инициативы, ситуация была бы совершенно безнадежной и гора трупов была бы еще выше.

Развязка

Обстановка в спортзале, куда согнали заложников была самая мучительная и ужасная. Заложники постоянно находились под страхом смерти и терпели невероятные издевательства. На глазах у родителей дети погибали от отсутствия воды и пищи. Детская психика надрывалась от постоянных угроз оружием. Люди вынуждены были мочиться под себя. Пить

не давали никому, хотя вода в кранах школы была. Пить не давали даже когда матерям некоторых детей дали возможность их помыть.

Над массой детей и взрослых, набитых в школьный спортзал, между двумя баскетбольными щитами была натянута веревка с взрывчаткой. Именно она и упала на людей, после чего раздался взрыв, потом еще один. На погибших от взрыва и еще живых упала крыша школы. Это произошло в 13.36 3 сентября – сразу после провокационной телепередачи и в момент, когда сотрудники МЧС подошли к школе, чтобы по договоренности с бандитами забрать тела убитых, лежавшие там с самого начала захвата. Подогнали к зданию учебного учреждения две машины, на которых должны были вывозить убитых. Спасатели успели вынести двоих погибших, после этого произошел взрыв. Бандиты начали беспорядочно стрелять. Два сотрудника МЧС погибли, двое получили тяжелые ранения.

По одной из версий сначала произошел взрыв растяжки – либо в проеме школьных дверей, либо среди трупов. Только через несколько минут, заполненных хаотической стрельбой, взорвался спортзал. Тогда можно предполагать, что террористы заранее планировали именно такое развитие событий – имитацию начала штурма, массовую гибель заложников и хаос, под прикрытием которого можно было выбраться из школы незамеченными. Об этом свидетельствует тот факт, что бандиты все время проверяли готовность стоящей у школы машины.

Выжившие под обломками крыши заложники начали разбегаться. Бандиты стреляли им в спину. Им в ответ стали стрелять ополченцы, бросившиеся прикрывать детей. А в штабе силовиков никто не понимал, что происходит, откуда взрывы. Проничев с побелевшим лицом кричал в телефонную трубку бандитам, что штурма нет. В окна штаба летели шальные пули. Полпред Президента В.Яковлев бросился прятаться в подвал и тщетно бился над амбарным замком, преградившим ему путь. И стремительно юркнул в укрытие, как только кому-то отстрелил из пистолета дужку замка.

Надо было идти на штурм, потому что огонь уже было не остановить. А «Альфы» поблизости не было (вероятно, велась отработка штурма где-то в стороне, а возможно – и по чьей-то злой воле). Только через полчаса удалось предпринять какие-то разумные действия. «Альфовцы» побежали к школе, своими телами прикрывая детей и ведя ответный огонь по окнам, откуда стреляли террористы. Но и тут не обошлось без позорных курьезов. В каком страшном сне можно представить, что один из «альфовцев» потерял свой автомат, а потом опрашивал ополченцев: вы не видели, тут такой лежал с пластиковым прикладом?

Часть бандитов решила воспользоваться суматохой, чтобы скрыться. Около 8 человек вышли из школы переодетыми в спортивную форму и готовы были раствориться в переулках Беслана. Но их встретили несколько ополченцев, сумевших продержаться несколько минут, пока спецназовцы не загнали бандитов обратно в школу. Промедли они, и бандиты ушли бы от возмездия.

Один из очевидцев рассказал автору этих строк, что после взрыва и начала стихийного бегства заложников на него выскочил молодой мужчина в стерильно-белой майке и с гладко выбритым лицом. О то, что он заложник мог свидетельствовать только синяк под глазом. В ситуации общего хаоса этот переодевшийся боевик скрылся.

Участвовавшие в банде женщины также пытались скрыться, переодевшись в медицинские халаты. Предположительно одна из них пыталась пробраться в больницу и взорвать ее, а когда это у нее не получилось, направилась в почти не охраняемый штаб. Работающие там люди чудом не пострадали.

Один из бандитов попытался завести стоявшую у школы «Газель», но ему это не удалось. Еще часть бандитов захватила частный дом, откуда пыталась отстреливаться. В пристройке разом со школой оказались убежавшие из спортзала дети, которые не дышали, лишь бы не быть замеченными пробегавшими мимо террористами.

У террористов, вероятно, была группа прикрытия. Именно ей удалось подбить один из вертолетов. Возможно, они пытались пойти на прорыв к своим, но были уничтожены спецназом. А может быть и не рискнули – просто постреляли и ушли. Этот эпизод так и остался непроясненным.

Спецназ, чтобы проникнуть в спортзал, произвел направленный взрыв – через пролом началась эвакуация заложников. Бандиты стреляли по ним со второго этажа, прикрываясь телами детей. Спецназу приходится также решать задачу отсечения толпы от школы, чтобы люди не попали на линию огня. Подразделения "Альфа" и "Вымпел" потеряли в этой операции убитыми 11 человек. Такие потери у профессионалов практически не встречаются.

Злоба на бандитов была страшная. Офицеры «Альфы» не намеревались брать их живыми. Но обязаны были это сделать. Пришлось выполнить приказ – троих не застрелили. Их затолкали в подвал дома, где работал штаб. Оттуда были слышны страшные крики – террористы не хотели умирать. Вышел из подвала только один бандит. Толпа буквально растерзала еще одного раненного бандита прямо на площади – его не дали погрузить в карету скорой помощи.

Люди с ненавистью относились к лезущим во все щели журналистам с телекамерами. С какого-то момента их просто стали бить – настолько омерзительно было их «профессиональное любопытство». С этим любопытством они совали микрофоны даже обезумевшим от страха детям, даже раненным, даже рыдающим над телами своих детей родителям.

Стрельба в городе улеглась только к вечеру. К половине одиннадцатого вечера все стихло, и над Бесланом повис плач над погибшими.

Интриги вокруг трагедии

Что было после Беслана? Почти ничего. Как только чиновники обнаружили, что общество не делает из трагедии далеко идущих выводов на счет власти, они тут же забрали назад свои резкие заявления. Послание к

нации, с которым выступил Путин, содержало множество прозрачных намеков, но через неделю эти намеки уже были только намеками. Никаких реальных действий президент так и не совершил, никаких выводов о своем месте в системе власти и своей ответственности за случившееся не сделал.

Не случайно организацией траурных митингов занимался не президент и не его соратники. Главным организатором митинга в Москве стал мэр Лужков, превративший акт народного гнева и скорби в личное дело, в пропаганду своей персоны. Когда первый канал телевидения приглашал людей на митинг, все думали, что это идет от имени Путина, что на митинге выступят первые лица государства. Получилось, что на трибуне собралась всякая шушера – как в советские времена в народ вещали никому не ведомые персонажи, а подвел итог пустопорожней болтовне Лужков, раскритиковавший правительство. Последнее особенно симптоматично. Приближающийся конец мэрской власти и реальная опасность пересесть из кресла мэра на скамью подсудимых толкала Лужкова к политическим заявлениям против однопартийцев из «Единой России».

На митинг приехал Дмитрий Рогозин, стремящийся рассказать, как все было на самом деле – он трое суток не спал, работая в штабе рядом с захваченной террористами школе, а теперь гнал машину от далекого Пскова, лишь бы успеть выступить перед взволнованными гражданами. Но лужковские холуи встали стеной и не пустили председателя фракции «Родина» на трибуну.

За трибуной вальяжно ходил Андрей Исаев – одни из руководителей фракции «Единая Россия» в Госдуме. Он не отказал себе в удовольствии задеть смертельно уставшего Рогозина сарказмом: «Вот когда, Дмитрий Олегович, Вы станете мэром Москвы, тогда и будете выступать на московских митингах без ограничения».

Кто же выступал вместо политиков, вместо государственных мужей, вместо очевидцев? Карикатурно изломанный артист Райкин, телеведущий Соловьев, пара второразрядных «представителей конфессий» и еще целый выводок записных ораторов «от народа». Тут же стояли самые важные «отцы города» - глава Мосгордумы (его роль – пресечение каких-либо разговоров даже о временном закрытии Москвы для мигрантов), вечно бубнящий несуразицы адвокат Резник, вечный вице-мэр Шанцев, порхнувшая сюда неизвестно откуда гимнастка Кабаева и еще с дюжину всякой придворной челяди. На этом фоне Лужков должен был выглядеть просто златоустом – только он смог произнести пару-тройку осмысленных фраз, но при этом только едва-едва вышел за пределы бессмысленной и лживой пафосности своих холопов.

Море людское, заполнившее площадь, было обильно разбавлено заказными митинговщиками, которых по приказу Лужкова свозили из муниципальных структур и институтов автобусами. Как только люди увидели состав выступающих, они стали расходиться. Было хорошо видно, что с первыми же словами, произнесенными в микрофон, образовался мощный поток в сторону метро.

По той же схеме были организованы митинги у посольств США и Великобритании, заказанные Администрацией Президента несколько дней спустя. Сюда также свозили чиновников и студентов, толком не зная, что же говорить и чего требовать. Пригласили депутатов, которые успели выйти на работу, пренебрегая отпускным режимом. Но депутатов распугивали откуда ни возьмись взявшиеся голубые флаги ЛДПР. Митинги происходили вяло и скучно. Невооруженным взглядом было видно, что собравшимся совершенно все равно, что там кричат в микрофон.

Власть, напрягшаяся от злого выступления Путина 4 сентября, снова обмякла и принялась за свое – врать и подличать. Сигналом для расслабления было объявление, что расследование трагедии будет происходить в закрытом режиме, а парламентское расследование будет возглавлять ни к чему не пригодный спикер верхней палаты Миронов. Кстати, это был щелчок по носу главе Думы Грязлову, который в глазах Путина, вероятно, выглядел в этой ситуации еще тупее Миронова.

Главной задачей, которую поставили себе власти – не допустить отмщения со стороны осетин, готовых с оружием в руках добраться до бандитских баз на территории Ингушетии. По приказу Путина границы Осетии были блокированы - власть намерилась воевать с теми, кого должна была защитить. Никому в Кремле не пришло в голову создать осетинский батальон из родственников жертв теракта и направить его на разгром банд в Чечне. Эта мысль могла прийти только тому, кто на самом деле стремится добить чеченские банды. В Кремле такая мысль не приходила никому.

Другим симптомом возвращения к пустопорожней болтовне было заявление начальника Генштаба Балуевского, что Россия будет наносить превентивные удары по базам боевиков на территории других государств. Вместо нанесения таких ударов, обществу предложили повод для бесконечных разговоров о том, по кому же будут эти удары нанесены, если до этого дойдет дело. А дело так и не дошло.

Власть занялась своим привычным делом – третированием оппозиции. Но не по делу, а подло, исподтишка. Фракция «Родина», принявшее решение о недоверии правительству и приступившая к процедуре сбора подписей для вынесения этого вопроса на голосование Думы, была подвергнута информационной блокаде. Ни один канал телевидения не сообщил об оценках лидеров «Родины», сделанных в отношении высокопоставленных должностных лиц. Под руководством штатных административных интриганов продолжилась линия «не пускать Рогозина никуда». Лидер «Родины» не должен быть узнан гражданами как активный участник событий, который многое видел и не станет покрывать вранье.

Путин же решил переделать политическую систему, воспользовавшись всеобщим ожиданием от него хоть каких-то действий. Впрочем, создание Миннаца и размещение в нем трусливого Яковлева, от которого Путин почему-то не может избавиться, вполне точно показывает цену всем этим реформам. Они лишь имитируют изменение политической системы, а на самом деле ровным счетом ничего не стоят. Люди остаются теми же –

недееспособными подлецами, коих набрал на разных помойках еще Ельцин. От этой своры Путин избавляться не собирается. Просто устал тратить силы на манипуляции с выборами и решил упростить себе задачу. Прочие же благоглупости – просто от недостатка фантазии. Взять хоть никчемные народные дружины или общественную палату по надзору за властью.

Мы все забудем

Трагедия в Беслане потрясла страну, но не так сильно, как показалось в первый момент. Увы, все это будет забыто через полгода, как забыта московская трагедия на Дубровке и более ранние взрывы домов, как забыт Буденновск, как забыты изгнанные из Чечни русские – все 300 тысяч, а еще раньше – жертвы расстрела российского парламента в 1993 году. Как преданы и забыты тысячи жертв бездарной и преступной политики либеральных догматиков.

У нас есть максимум месяц, чтобы переоценить все ценности, вбитые в голову народа в последние полтора десятка лет, и отбросить их как постыдные. Без того, чтобы такая переоценка произошла, невозможно переварить в национальном сознании трагедию Беслана. Наша жизнь не пойдет по-другому, и мы не отшатнемся от бездны, к которой незаметно придвинулись вплотную. Россия просто закончится.

Понятно, что родители погибших детей Беслана и их родственники никогда не забудут и не простят террористов, никогда уже не будут относиться к чеченцам так, как относились до сих пор – всего лишь настороженно. А мы, русские, простим, забудем? Восприняв сегодня осетинскую трагедию как свою, не станем ли мы жить, как жили до нее? Ведь уже не раз мы все забывали и не извлекали из гибели русских людей ровным счетом ничего. Даже захват заложников в центре Москвы нас ничему не научил. И сегодня отовсюду несутся те же разговоры, что и прежде. Они уже очень скоро утихнут. Как утих первый эмоциональный порыв Президента, вызвавший уважение даже у его противников.

В этом шелесте самобичевания и претензий к власти, президент оказывается чуть ли не новатором, оглашающим новую мировоззренческую концепцию. Никто из чиновников или журналистов не решался сказать, что проблема не в террористах, а в целях их хозяев. Проблема и во власти, которая слаба и уступчива там, где нужно оказать сопротивление и жесткость. Путин это сказал. Но тут же все забыл. Поэтому и не стал ничего не делать.

Президент мог в полной мере прочувствовать свое одиночество, когда в день захвата заложников отправил в Северную Осетию директора ФСБ и главу МВД, а потом обнаружил, что они просто сбежали с места событий, чтобы ни за что не отвечать. Они даже не отдали приказа подготовиться к штурму школы, и в экстренной ситуации спецназ действовал без плана, наугад. Некоторые важные персоны отсутствие такой подготовки выдвигали в качестве оправдания перед мировым сообществом: мол, кровь не на нас, а на террористах.

Также списали с себя все грехи исламские авторитеты. Они снова и снова воспитывают у своих единоверцев привычку думать только о своих болячках и не чувствовать боли других. Исламские муллы толковали только об одном – о том, что террористы не имели отношения к исламу. Но бандиты-то клялись Аллахом! Почему бы это? Не стоило ли заметить эту уже ставшую навязчивой закономерность? Нет, мусульмане не желают этого замечать и делить ответственность за терроризм. Они только и знают, что жаловаться на оскорбления и причитать, что разговоры об «исламском терроризме» - это преступление. Они не несут моральной ответственности за терроризм просто потому что не знают, что такое моральная ответственность. Они не скрывают, что не любят России и русских, и готовы ненавидеть нас, как только к тому появится хоть какой-то повод. Мы же, расслабленные, уже сочувствуем своим недоброжелателям как неправедно обиженным.

Путин точно знает, что в бесланской трагедии он виноват лично. Но он не сказал этого. Он постоянно говорил «мы». И, вероятно, понимал, что никаких «мы» просто не существует. У него нет, как и не было никакой команды единомышленников. Нет и не было тех, кто в трудную минуту подставит плечо. У Путина как не было, так и нет нации, лидером которой он мог бы стать. У него под рукой не соратники, а холопы, не народ, а сброд. Политик иного масштаба и кругозора, вероятно, либо ушел бы в монастырь, либо создал бы нацию сам. А раньше – свою верную дружину. У Путина хватило сил только на изживание федерализма – да и то в основном на словах.

А слова быстро забываются – еще быстрее, чем убитые дети.

Сентябрь 2004

Эта статья, написанная сразу по горячим следам событий, содержит информацию, которая была воспринята от очевидцев. Все ее оценки полностью подтвердились. Характеристика президента – в особенности. И всеобщее беспамятство. Люди в массе своей забыли Беслан. Помнят Беслан только те, кто еще не потерян для чести. Помнят Беслан те, кто понял, что есть «мистер Путин» именно в момент трагедии. Президент забыл Беслан раньше всех. Он покрыл преступную Чечню, он покрыл преступных своих подчиненных. Он спас только чиновников и бандитов. А Россию отдал им на растерзание. Для русского человека Путин уже не может считаться русским президентом и даже русским человеком. Он – только один из чиновников, этой подлой когорты негодяев, добивающих впавший в беспамятство народ.

Войны не будет. Власть капитулировала

Беслан забыт. Ничего более не демонстрирует недееспособности власти – скудости ее идей и непрофессионализма всех звеньев его «вертикали».

Страдальческое лицо Путина, произносившего обращение к нации 4 сентября, предвещало крутые меры. Верховный главнокомандующий, а не какой-нибудь кухонный философ, заявил, что России объявлена война. Для добропорядочного гражданина это означало необходимость немедленно ответить на призыв. Страна напряглась в ожидании команды выступить на защиту Отечества. Команды не последовало.

Враг не был поименован персонально. Это у действующей власти не принято. Но состоялись «прозрачные намеки». Кто в мире может напасть на Россию? Международные террористы? Да, конечно. Но каждый знает, что у террористов всегда есть хозяева. Кто хозяева, в России знают в каждой подворотне – Америка. Напала Америка – вот что вклинилось в мозги нации. И нация не испугалась. Испугалась власть.

Отдельные представители власти – особы, приближенные к Президенту, все-таки попытались развить намеки, прозвучавшие в обращении к нации. Ведь требовалось закрепить статус «главного идеолога», «главного технолога» и проч.

Владислав Сурков подтвердил этот статус: сказал, что враг у ворот, а фронт проходит через каждый город, каждую улицу, каждый дом. «Нам нужны бдительность, солидарность, взаимовыручка, объединений усилий граждан и государства». Сурков прямо указал на Запад как источник фобий «холодной войны» и финансов для террористов. Он прямо назвал и внутренних врагов. Пусть и не по имени, но по идеологической принадлежности. Это региональные сепаратисты (опереточные суверенные регионы), фальшивые партии, объединенные либералы и нацисты. Разумеется, в контексте можно понять, что под нацистами понимаются этносепаратисты, а вовсе не националисты. Но Сурков не уточнил, и ему либеральная пресса за все другое может предъявить претензии, но только не за это. Также не было уточнено, кто же обозначен в качестве «пятой колонны» из левых и правых радикалов. Это можно понять как альянс ультра-либералов и ультра-коммунистов, а можно – как альянс просто коммунистов и просто националистов (то есть, просто патриотов). За этот пассаж его тоже трудно критиковать кому бы то ни было. Каждый волен видеть в нем союзника. А если хочет – противника...

Главный кремлевский идеолог определил, что внутренний и внешний враг стремится к разрушению России и раздроблению ее на марионеточные микрогосударства. И что же? А ничего! Ровным счетом ничего! Власть не сдвинулась с места! Соответственно и граждане не шелохнулись, а потом и вовсе стали расслабляться и забывать, что так их всколыхнула в трагические сентябрьские дни 2004 года.

А чем занялись другие сегменты власти?

Секретарь Совбеза И.Иванов просто затеял разработку очередной концепции. Это лучший способ уклониться от ответственности – потеть над очередным многостраничным документом, сделав вид, что работа над ошибками – дело совершенно не нужное. Этот специалист по тому «как организовать провал» снова намерен выяснять, что такое национальная

безопасность и привлекать для этого общественность на «круглые столы» (см. ФельдПочта №38, 2004, с. 3). Иванов, таким образом, готовит следующий стратегический провал. Президент дает ему такой шанс. Совбез остается структурой, недоступной для контроля и, по всей видимости, собравшей в своих кабинетах отставных тунеядцев и тайных изменников – соучастников разрушения страны в 1991 году. Пока это только гипотеза, но без нее трудно объяснить стратегический провал России в 2004 году – буквально по всем направлениям.

Министр обороны почему-то стал говорить о множестве террористов, прибывающих к нам из десятков стран. Кажется С.Иванов, не может оторваться от стиля мышления, привитого по прежнему месту работы – в спецслужбах. Именно поэтому он подвергается тайным насмешкам своих подчиненных, которые не могут не видеть непрофессионализма министра, который дает команду подготовить учения по отражению нападения террористов на походную колонну стрелкового полка. Им без всяких учений ясно, какой огневой мощью обладает полк в боевой обстановке, за сколько секунд он в боевой обстановке уничтожит любую группу боевиков. Правда, это в боевой обстановке. Вот если скажут, что стрелять нельзя (как было не раз в Чечне), то придется туговато.

Министр внутренних дел и директор Федеральной службы безопасности, представ перед Государственной Думой, готовы были говорить только банальности и отчитываться о сотнях предотвращенных терактов. Раньше все это называлось просто уголовщиной. Теперь - ради успокоения обывателя и в угоду политической конъюнктуре - переписывают со статьи на статью. Помнится, после убийства чеченского президента Кадырова шеф МВД предлагал формировать строительные бригады чеченцев и платить им столько, чтобы их не тянуло закладывать фугасы. Теперь про идею забыли: стало ясно, что подкладывают фугасы из «спортивного интереса», свойственного изуверам, а вовсе не от безысходной нищеты. Тем не менее о недостатке рабочих мест до сих пор толкуют все силовые министры – как будто Кавказ размещен за Полярным кругом, а не в самом выгодной климатической зоне России, где природа за труд воздает сторицей.

Генеральный прокурор с отчаянья предложил брать в заложники родственников террористов. И никто не поддержал его - не сказал, что именно так и следует поступать. Но куда важнее брать заложников еще до того как теракт начнет готовиться – усадить за решетку и заставить работать под конвоем всех потенциальных пособников. То есть, практически всех, кто в Чечне не задействован на государственной службе. Без этого головы Басаева и Масхадова не принесут на блюде, каким бы баснословным ни объявляли вознаграждение.

Помнится, в 1999 году телевизионные ролики Конгресса русских общин о готовности заплатить крупную сумму за голову араба Х. были сняты с эфира в угоду «Единству». А в 2003 году вознаграждение, объявленное «Родиной» за голову Басаева, вызвало попытку снять блок с выборов. Теперь власть сама обещает деньги. Но, отстранив от борьбы с террором

подавляющее большинство населения (а оно не может биться с террором, но оставить в покое коррупционеров), власть бессильна. Она способна только торговаться с врагами России за кулисами. И делает это, не собираясь доводить войну в Чечне до победы. Чеченские бандиты оказываются очень удобны Кремлю, чтобы всегда иметь в запасе последний аргумент – вновь установить ЧП и сорвать приход к власти патриотической оппозиции.

А с чем выступил лидер правящей партии «Единая Россия» Б. Грызлов после трагедии Беслана? Только с опрокинутым лицом! Сказать ему уже много месяцев ровным счетом нечего. Даже для протокольной съемки журналистам не удается выдавить из него более одной фразы. Прочитанные по бумажке бессмыслицы – вот все, чем оказалась богата правящая фракция в Госдуме. Никакого «врага у ворот» эта фракция не обнаружила. Она просто приступила к прежним задачам – исполнению воли либералов-ельцинистов из правительства Фрадкова. И только жалкий, корявый проект «О противодействии терроризму» прошелестел по думским коридорам.

Это власть ничтожеств. Это власть изменников. Они дали фальшивый сигнал к атаке, а сами остались в окопах. Рванувшиеся в бой за Отечество оказались в дураках. Их теперь выставляют не просто экзальтированными чудаками, а прямо фашистами. Больше всего достается «Родине». Поскольку именно эта партия реально готова биться на всех фронтах, исполосовавших нашу страну. Власть занята не битвой с врагом, ясным и всем видным, а растаскиванием последних ресурсов сопротивления – всего, что не удалось разграбить ельцинистам и что нации все-таки удается вопреки той же власти производить.

Президент в последние дни 2004 года продемонстрировал, насколько успокоилась власть после Беслана. Президент играл с прессой в забавную игру: спросите меня так, чтобы я не мог увильнуть. Кроме взволнованных слов о выборах в США, которые тоже не блещут демократичностью, Путин не сказал ничего действительно серьезного. Власть в его лице как бы согласилась с народом: беспокоиться не о чем. Раз народ молчит, то и власти не надо суетиться – особенно накануне пьяных каникул, специально выданных стране, чтобы залить глаза после самого постыдного года за весь период правления Путина.

Мы заложники власти, которая, как мы знаем, всегда от Бога. Но волей Бога нам вручена и возможность сменить ее, превратить из партии измены, зацепившейся за чиновничьи кресла, в партию национальных интересов. Мы сегодня не можем бить прямой наводкой по Путину. Как ни целься, все равно попадешь в Россию. Ведь какая-никакая, пусть самая плохонькая власть лучше безвластия, к которому нас склоняют анархисты-правозащитники, подвизавшиеся на службе олигархов.

Сурков, испытав потрясение Бесланской трагедией, сказал: «У фальшивых либералов и настоящих нацистов все больше общего. Общие спонсоры зарубежного происхождения. Общая ненависть. К путинской, как они говорят, России. А на самом деле к России как таковой. Ничего удивительного. О таких писал еще Достоевский. И сегодня все эти

смердяковы и лямшины приятно проводят время в разного рода комитетах по ожиданию восьмого года, где проповедуют целесообразность поражения собственной страны в войне с террором». Да, у нас общий с Кремлем враг. Но Кремль не стал другом патриотам России. Он просто сменил союз с одними врагами на союз с другими врагами.

Власть капитулировала. Сдался Путин, сдались его силовые министры, давно предали и продали интересы страны члены правительства. Власть отреклась от России. Но не отреклись от нее русские люди. Пока мы живы, Россия будет жить, как бы не хотелось своре негодяев, засевших на всех этажах власти, загубить ее. Придет время, все они ответят перед народным трибуналом. И каждому воздастся судом земным за все подлости, совершенные на правительственных постах, за трусость и измену, за глупость и пошлость, за ложь и подлость. Перед судом же Небесным их участь решена ужа давно.

Господь, проклявший их, ждет только нашего выбора между Добром и Злом – между осуждением Зла и соучастием в нем. Осуждением зла станет тюрьма для всех, кто ныне – в условиях войны против России – сдает ее кусок за куском. Мы вернем все назад. Но прежде русскому человеку придется убить в себе либерала, тунеядца, холопа, разгильдяя. Спаянный дисциплиной, честью, трудолюбием в единую нацию, русский народ расправится и со своими врагами – внутренними и внешними – и защитит своих братьей – коренные народы России.

декабрь 2004

Голодный бунт

Смысл

Всегда может показаться, что политическая голодовка граничит с шизофренией. Действительно, зачем люди ставят себя на грань жизни и смерти? Чтобы что-то доказать? Если своим оппонентам, то не лучше ли другие, безопасные для здоровья методы? Например, аргументы. Если же аргументы не действуют, с какой стати на бесчувственных оппонентов подействует факт голодовки? Враги могут даже пожелать вам околеть и обрадуются нелепости затеи голодовщиков.

Кажется, что еще больше аргументов в пользу оценки политической голодовки как мальчишества – неразумного расчета, родившегося пусть и с благородными целями, но обреченного на провал. Голодовкой ведь вряд ли можно чего-то добиться. Сколько уже их было… Стоит ли геройствовать, если заранее знаешь результат?

Наконец, любимый довод политического противника по поводу голодовки – ее рекламный характера. «Сколько можно пиариться! По-другому не могут обратить на себя внимание!», - так говорили в период январской голодовки «Родины» 2005 года разномастные циники.

Все эти доводы, конечно, отражают некоторые стороны политической голодовки. В ней есть, безусловно, и безрассудство, и юношеский порыв, и

прагматическая задача быть услышанными через эту акцию. Но существо дела совсем в другом.

Голодовка имеет смысл и разумную задачу, когда она проводится в нужном месте, в нужный срок и встроена в систему политических акций другого рода. За спиной участников голодовки в данном случае была парламентская фракция, партия с отделениями по всей стране. Она произошла в момент прояснения ситуации: население (поначалу только пенсионеры, военнослужащие и студенты) начало осознавать враждебность власти, совершенно откровенно немереной уморить народ, и вышло на акции протеста. Во многих случаях голодовка стала одним из символов других протестных действий и протестных настроений вообще.

Все, что можно сказать против такого метода, как голодовка, можно сказать и по поводу политики как таковой. Зачем заниматься политикой, если ты лично – песчинка, если твой комариный голос никто не услышит? Если этот голос не попадает в резонанс с настроением народа, то, действительно, все бессмысленно. Если ты вне команды, предпочитаешь сольные партии, то напрасен труд – соло в политике редко входит в моду. Можно сказать, что политикой заниматься даже неприлично – слишком много внимания требуешь к себе. Это нескромно. Или свидетельствует о каком-то эгоистическом замысле («они рвутся к власти»).

Так же и по поводу голодовки нам предлагается устыдиться ее публичности и все время оправдываться, будто мы замыслили что-то неприличное. Замысел был. А неприличного не было. Замысел – только в том, чтобы быть вместе с народом и дать ему знак: мы вместе, на нас можно рассчитывать. Тот же знак дан и власти: мы с народом, а вы, государственные мужи, с кем? Если не с народом, то против него. А значит – мы против вас. Не страшно? Ну тогда пеняйте на себя!

Вход

Обстановка в Государственной Думе в конце 2004 года была гнетущей. Безмозглость, а порой и прямое хамство руководства парламента становилось нестерпимым. Образовался альянс многочисленной «Единой России» и малочисленной, но цинично-развязной ЛДПР. Дума не думала, а парламент не обсуждал. Шелуха ненужных законов занимала месяц за месяцем. Важнейшие инициативы оппозиции рубились на корню без всяких дискуссий. Чудовищные законы, выносимые от имени президента или правительства, голосовались послушным большинством стремительно – также без обсуждений, без понимания их смысла, без расчетов последствий. Статус депутата попирался на каждом заседании.

Закон о «монетизации» льгот был одним из главных в 2004 году. Его не обсуждали. Более 900 поправок, внесенных от оппозиции, никто не читал. Их завалили в течение дня, отбрасывая оптом и в розницу. Фракция «Единая Россия» совместно с правительством намеревались затянуть не шее народа удавку, оправдывая себя либеральными догматами о «невидимой руке рынка».

Позиция «Родины» исходила из того, что льготы – наследие прежних времен – сегодня нужны только для того, чтобы люди могли выжить. Сама система могла пересматриваться, но только вместе с повышением пенсий, пособий и зарплат. Причем не на проценты (которые всегда съедала торопливая инфляция), а в разы. Соответственно, нужны были источники пополнения госбюджета. Правительству все это вовсе не было нужно. Оно делало ставку не на воспроизводство нации, а на кратковременную доходность страны – будто это одна большая нефтяная скважина, которую надо быстренько выкачать, а потом бросить. Кто обслуживал трубу, тому полагалось жить; кто в прежние годы создавал национальное богатство, должен был отойти как можно быстрее в мир иной. Эта логика правительства была содержанием убийственного закона, а вовсе стремление ввести учет и контроль, выдавая деньги на руки пенсионерам, инвалидам, ветеранам, студентам и военным.

В январе 2005 года после как будто специально придуманных правящими кругами десятидневных каникул, в которые страна упивалась «паленой» водкой, бывшие «льготники» обнаружили, что должны платить за билеты в общественном транспорте. Денег на это в семейных бюджетах – особенно после праздничных затрат – не было. Никто не знал о сути закона и не планировал затянуть ремни. И вот теперь оказывалось, что до конца января дожить будет очень трудно. Начались стихийные митинги, подхваченные по всей стране оппозиционными силами.

Партия «Родина» была застигнута этой волной социального протеста не в полной готовности – региональные отделения практически всюду находились на стадии становления, затяжные каникулы многих расхолодили. Пришлось на марше перестраиваться и мобилизоваться. Непредвиденный фактор – просто фантастическая бесталанность и безответственность высших чиновников, которые собственный закон к введению, как оказалось, вообще не готовили.

Начавшаяся сессия Думы вспыхивала дискуссиями по поводу «монетизации». Спикер систематически подавлял всякие попытки поставить этот вопрос в повестку дня, чутко слушая, что ему скажут в Кремле. А Кремль молчал – президент был в отъезде. Как только фракция «Родина» выдвинула свой проект постановления Думы по поводу бездарных действий правительства, Грызлов с соратниками создали свой проект, в котором думское большинство отмежевывалось от правительства, но предлагало (в стиле советского застоя) только «углубить и усугубить», ничего не поправляя ни в законе, ни в жизни.

Проект «Родины» стал альтернативным, но в повестке дня так и не появился. Совет Думы, до отказа набитый едросами, пошел на подтасовку, прикидываясь, что в проекте «Родины», будто бы, есть какие-то юридические казусы. Между тем, постановление – не закон, да и мелкие поправки могли быть внесены по ходу дела. Грызловцы испугались заявленных в проекте идей и дискуссии вокруг них – об ответственности правительства и, соответственно, правительственной фракции. На заседание в пятницу был

вынесен только проект «Единой России». При этом по прежнему опыту было известно, что никакого обсуждения снова не будет. Грызлов вновь воспользуется неясной нормой закона о самостоятельной выработке парламентом внутренних основ своей деятельности. Это им всегда интерпретировалось так, будто принятый регламент можно как угодно нарушать, если думское большинство захочет поменять процедуру. Поэтому вместо обсуждения, где могли высказаться все депутаты (что соответствует их статусу, закрепленному в законе), думское большинство установило, что достаточно выразить мнение фракций – по одному выступлению от каждой из них.

Дмитрий Рогозин как руководитель фракции задавал себе вопрос: нам думское большинство снова плюнет в лицо, как плюет в лицо своим гражданам правительство, а мы снова только утремся? Здесь нужен был сильный шаг. Какой? Мы уже практиковали демонстративный выход из зала. Эта мера слишком слаба и вряд ли будет оценена как поддержка требования раскатившихся по России митингов. Решение было принято: если хамский сценарий Грызлова и его компании сорвать не удастся, если наш проект отбросят, а едросовский не дадут обсуждать в полном объеме, мы не только уходим из зала, но и подкрепляем этот уход голодовкой. О голодовке объявил в своем выступлении лидер фракции.

Вся фракция в голодовке участвовать не должна. Тогда некому будет работать с избирателями в регионах, взаимодействовать с общественными объединениями и прессой. Кто-то должен был также на всякий случай быть в резерве, оказывая поддержку. Нельзя было также обсуждать эту инициативу даже в кулуарах – любая утечка информации могла провалить все дело и лишить нас преимущества внезапности (внезапность, как показала практика, не дала замолчать акцию в день ее объявления). Поэтому договоренность о голодовке состоялась между теми, кто имел достаточный запас здоровья и мужества, чтобы пойти на эту акцию и выдержать ее.

Многие потом обижались, что с ними не посоветовались или же не взяли в команду, но большинство депутатов нашей фракции такой нездоровой ревности все же не проявляли. Почти все в конце концов поняли, что обстановка не давала нам возможности заниматься согласованием действий. К тому же, у каждого был выбор, поддержать нас или отстраниться. Отстранились единицы.

Первая реакция

Эффект внезапности не дал нашим оппонентам опомниться. Они бросились к микрофонам с неподготовленными комментариями, ничего не зная о наших планах. Взбесившийся Жириновский стал рупором власти. Его запредельно бесстыдно выступление транслировалось в официальных новостях на всю страну. «Политический балаган» - это была его самая мягкая формулировка. Жирик изрыгал гнусности: «у них жир из ушей капает», «пойдите и убедитесь – никакой голодовки нет; сидят и жрут» и т.п.

К этому вспоминается один из телеэпизодов – как Жирик начал крутиться ужом, когда предложили вопрос, есть ли в мире что-то, ради чего он готов пожертвовать жизнью. Какая там жертва! Он даже соврать в этой ситуации не смог! Нет ничего такого, ради чего Жирик пожертвовал бы даже собственным завтраком.

Занятно, что в смысловом плане лидер едросов Грызлов высказался точно в том же духе: «Данный шаг Рогозина и его ближайшего окружения – самопропаганда». И в дальнейшем лидер правительственной партии не стеснялся своей роли спикера Думы, не собирался быть аккуратным в выражениях, проявляя тем самым предельное презрение к избирателям «Родины», к оппозиции в целом, к самому институту парламента. Но главное не в этом. Грызлов в интеллектуальном плане никогда не отличался большими достижениями. Здесь же он продемонстрировал себя еще и как нравственный деградант.

Нельзя обойти еще одного мимолетного эпизода с Грызловым. В момент объявления голодовки Дмитрий Рогозин стоял на трибуне, получив слово для выступления от фракции, как и другие думские лидеры. Как и другие, у него автоматически выключился микрофон, когда регламент истек. Как и другие, он попросил 30 секунд, чтобы закончить выступление. В каждом случае Грызлов давал технической группе команду: «Дайте еще 30 секунд». В данном же случае у него непроизвольно вырвалось: «Дайте еще 25 секунд». И это была не шутка. Шутить Грызлов не умеет. Это была злоба, ищущая выхода. Позднее, когда Грызлов говорил журналистов, что не может надеть на голодовщиков наручники и вывести из Думы, он хотел именно этого – иметь такую возможность.

А вот отношение к соратнице Грызлова Любови Слиске у меня слегка изменилось. Раньше я манеры этой просто не переваривал, и сейчас меня они коробят. Но оказалось, что помимо неприятных манер, есть и то, за что Любовь Константиновну все-таки можно уважать. Она пришла к нам в первые же дни, а потом и в последние дни перед окончанием голодовки. Пусть и «не как член руководства “Единой России”, а как женщина». Все равно, это был поступок. Более того, будучи связанной со своей партией в действиях, Слиска на словах фактически поддержала почти все наши требования и даже высказалась в пользу отставки правительства. Чувствовалось, что это личная позиция, а не высказывание ради исполнения партийного задания. Увы, подобные же «личные» позиции имеют многие члены «Единой России», которые за глаза клянут свое собственное начальство, но считают, что перед этим начальством у них больше обязательств, чем перед избирателями. Поэтому и голосуют так, что тошно всей стране.

Достаточно пассивно повели себя коммунисты. Они не вышли из зала вслед за «Родиной», объявившей голодовку. Они в первые дни не выразили никак своей солидарности. Более того, один из коммунистических авторитетов Виктор Илюхин высказался второпях так: «Мне это напоминает детские игры. Дима Рогозин для меня – большой ребенок, который сидит на

коленях у президента. Президент его гладит по головке и говорит: “Правильно, Дима, правильно. Не делай того, что будет раскачивать мою власть. Пузырься Дима, пузырься, надувай щеки и получай с ручки президента”. Никакого эффекта эта голодовка не даст. Сегодня надо организовывать массы, а он уже не хочет, не может. Он лег сегодня у себя в кабинете... Но ведь это же самый простой выход. И власти от этого не больно, и ему хорошо – он в тепле. А то, что похудеть ему надо – так многим надо похудеть. Эта акция - как клапан для выпуска пара. Слова-то громкие, в барабан-то ударили, а по сути дела режим-то спасают… Вышел бы Дима, вывел полмиллиона по России, тогда я бы сказал - да. А так – это пустое».

И только через неделю в помещении, где проходила голодовка, появился координатор фракции КПРФ Сергей Решульский, а затем и заявление в поддержку нашей акции со стороны ряда видных деятелей КПРФ. Увы, этот визит и это заявление казались запоздалыми вынужденными: без голосов депутатов «Родины» инициатива КПРФ по обсуждению в Думе вотума недоверия правительству пройти не могла. Слова поддержки для участников голодовки КПРФ нашла только на 11 день от начала нашей акции. А на официальном сайте КПРФ продолжала висеть гнусненькая статья о голодовке.

Любопытен инициативный визит к голодающим штатного провокатора от ЛДПР Алексея Митрофанова. Он настойчиво лез к нам посмотреть, чем это мы занимаемся. Охрана настойчиво не пускала. Вышедшему Михаилу Маркелову он сказал: «Я тут старослужащий в Думе…». На что Михаил резонно ответил: «Бываю ситуации, что старослужащий получает по морде от новобранца». Митрофанов ушел как побитый, приговаривая: «Вот это голодовка! Я вижу, какая это голодовка!»

Противодействие

Председатель комитета по регламенту едрос Олег Ковалев, просто доставший всех в Думе стилем поведения, почерпнутым на складе ветоши, установил в первые же дни, что голодовка слишком дорого обходится парламенту: «Мы вынуждены организовывать круглосуточное медицинское обслуживание. Все это делается за государственный счет. Более того, выйдя из голодовки, они, естественно, пройдут профилактическое лечение для голодающих, опять же в наших бюджетных поликлиниках и больницах». Потом Ковалев припомнил, что ему поручили быть вблизи голодающих в выходные, и пришлось гнать служебную машину с дачи и обратно. А это значит, что водителю пришлось платить дополнительные деньги.

После этой провокации мы вынуждены были отказаться от услуг думских врачей, перед которыми было неудобно, будто они в чем-то виноваты перед нами. На самом же деле все было в провокаторе Ковалеве. А следили за нашим здоровьем очень профессиональные медики с большим практическим опытом. Потом выяснилось, что к оплате расходов по нашей голодовке Дума никакого отношения не имеет. Об этом медиками было отправлено официальное письмо в Управление делами Думы. Содержание

его стало известным, но само письмо «затерялось» на столе у думского чиновника: «Только что было здесь и пропало. Не знаю, куда я его сунул».

То же касалось и расходов на машину. Михаил Маркелов предложил Ковалеву оплатить его непредвиденные расходы из своей депутатской зарплаты, но Ковалев предпочел замять вопрос. Ни копейки ему это не стоило. И никому из голодающих он здесь не был нужен. Мы пошутили меж собой: «Сказал жене, что едет в Думу, а сам поехал развлекаться. Денег с собой прихватил и на нас списал».

После этой провокации последовали другие: Под предлогом профилактики в Думе отключили интернет – на целую неделю. Думали, что наша трансляция голодовки на сайте «Родины» в режиме реального времени идет по думской выделенной линии. Ошиблись. Мы предвидели провокацию и поставили веб-камеру со связью через мобильный телефон.

Узнав о своей промашке, провокаторы не включили думский интернет, а организовали массированный налет на наш сайт. Техническими средствами организовали посещение сайта настолько интенсивное, что система вышла из строя. За час было зафиксировано более 1,5 млн. фиктивных загрузок. Война между антихакерами и хакерами велась весь срок голодовки. Капризные пользователи видели в неполадках работы наш тайный замысел: мол, отключаемся, чтобы сожрать по батону колбасы на брата.

Интернет-технологии были использованы нашими противниками для распространения от нашего имени всякого рода спама. Помимо примитивных глупостей доходило до игр со смертью: будто бы мы заявляем о своем несгибаемом стремлении умереть. Выставить нас идиотами – такова была «высокая» цель циничных пиарщиков.

Дело врачей, инспирированное провокатором Ковалевым, продолжилось, когда встал вопрос о нашей госпитализации. Один из ведущих диетологов страны, любезно проконсультировавший нас (и названный между нами «академиком»), попытался получить от министра здравоохранения и социального развития Михаила Зурабова официальное разрешение направить к нам своих специалистов. На письмо Зурабов тут же откликнулся звонком по телефону. Сказал, что по его сведениям мы, вероятно прячась под одеялом, питаемся вполне нормально. Наш «академик» ответил, что его данные, вернее – взгляд врача, фиксируют опасное для здоровья состояние. Зурабов хмыкнул, обещал перезвонить и не перезвонил.

На фоне всего этого безобразия, на фоне гнусностей в прессе, диктовавшихся чуть ли не прямо из Кремля, совсем пустяками выглядели такие неприятности, как распоряжение чиновников не пускать к нам уборщицу (пылесосить полы взялась у нас жена нашего лидера Татьяна Рогозина) или гнусный пикет молодых подонков, предлагавших Рогозину «съесть котлетку» и «закончить клоунаду».

Пустячком выглядит и вторжение в кабинет к Михаилу Маркелову, предпринятое думскими «пинкертонами» в первую ночь голодовки, чтобы сорвать вывешенные из окна флаг «Родины» и плакат. Обижаться на нарушение неприкосновенности депутатского кабинета в ситуации

полнейшего произвола, в условиях прямой атаки правительства на российскую государственность, в обстановке посягательств олигархов на саму жизнь народа, кажется невозможным.

Волна на волну

Самой большой провокацией, накрывшей не только нашу голодовку, но и многое другое, стал очередной взрыв публикаций об антисемитизме, будто бы пустившем в России глубокие корни. Депутатский запрос Генпрокурору, подписанный 20 депутатами Госдумы (среди подписей были также подписи Ивана Харченко и моя) и посвященный еврейской этнофобии, был опубликован в никому не известной газетенке. А вслед шквалом пошла волна публикаций в российской и зарубежной прессе.

Характерно, что эта волна возникла как по команде – резко, внезапно и вдруг. Комментировать никем не читанную публикацию и никем не виданный депутатский запрос бросились все, кому не лень – от пресловутого Берла Лазара до мадам Нарусовой. Последней Генпрокурор ответил в Совете Федерации: не троньте сами знаете что, чтобы оно сами знаете чего. Каждый понял прокурора в меру своего понимания.

Еще два совпадения. 5 января состоялась публикация доклада Госдепа США об антисемитизме, где «Родина» числится среди антисемитских организаций. Плюс к тому Путин как раз собрался в Краков отмечать Холокост на мете бывшего концлагеря Освенцим. Организаторы провокации, затеявшие кампанию в СМИ по поводу антисемитизма, спровоцировали его на совершенно идиотские высказывания – на фактическое признание вины за антисемитизм в России. Если Ельцин дирижировал оркестром в пьяном виде, то Путин за всю Россию каялся, будучи совершенно трезвым.

Настоящей целью провокаторов была дискредитация праздника 60-летия Победы и извращение сути поднявшегося в народе недовольства россказнями о «русском фашизме». Хулиганским выходкам юнцов придавали особый ксенофобский характер, если они касались инородцев. Возможность применять 282 Уголовного кодекса о межнациональной розни относилась только к русским. Вынесение соответствующих приговоров интерпретировалось как изобличение всех русских в ксенофобии.

Одна из побочных целей заказчиков кампании в прессе состояла в том, чтобы убить запрос Генпрокурору о фактах экстремизма в еврейских и иудейских организациях. Чтобы и впредь никому неповадно было искать экстремизм в этой среде. Гадкие слова еврейских источников о других национальностях и иных религиях должны были остаться в неприкосновенности. У евреев и иудеев экстремизма нет, как не было секса при советской власти (то есть, секс-то был, но говорить о нем публично было стыдно, запрещено нравственными нормами).

Одновременно досталось и нам – участникам голодовки. Увы, несколько подробных интервью, которые я дал разным изданиям, не вышли в свет. Они и не могли выйти, поскольку целью этих изданий была не честная дискуссия, а попытка отыскать «жареные» факты. (Я помню, как в иной

ситуации потухли глаза известного английского журналиста, пожелавшего «раскусить» меня как «русского расиста», но обнаружившего явное отсутствие «состава преступления».)

Для меня провокационный антироссийский характер всех этих публикаций был очевиден. Именно они и разжигали межнациональную рознь, вытащив в публичную сферу перевранный донельзя документ, предназначенный только для глаз Генпрокурора. Именно этими подлыми субъектами экстремизм разжигался самым беззастенчивым образом, а попытка дать правоохранительным органам задание выявить и уничтожить этот экстремизм была блокирована.

Запрос был отозван из Генпрокуратуры. И в связи с поднявшимся ажиотажем, и по причине действительно присутствия в тексте неточных и неясных формулировок, которые при публикации легко перевирались. Но это вовсе не значит, что тема закрыта. Она не может быть закрыта, пока проблемы, поднятые в запросе, не найдут своего разрешения, – сначала в непубличной сфере, в работе правоохранительных органов и ученых, потом в публичной - в открытом диалоге этнических объединений разной принадлежности. Целью такого диалога будет, разумеется, не стремление доказать непорочность всех евреев и иудеев, а честное признание вины за экстремизм любой принадлежности – по конкретным фактам, которые вовсе никто не собирается распространять на весь народ или всю конфессию.

Разжигание страстей в кампании против антисемитизма было настолько очевидным, что у Кремля нашлись все-таки профессионалы, чтобы завершить тему взвешенным репортажем в итоговой передаче «Вести недели», где слово было предоставлено некоторым инициаторам заявления в Генпрокуратуру - депутатам Собко и Крутову. Здесь были также оглашены источники, цитированные в заявлении, и признана их основательность. Было признано также, что беспокойство депутатов совершенно не беспочвенно.

Занятно, что на интернет-сайте передачи вместо материала, пошедшего в эфир, остались развязные и невежественные строки по поводу нашего запроса: «В российской политике была предпринята попытка применить древний, но от того не менее презренный рецепт – очернить евреев. Оказывается иудейская религия – антихристианская, а еврейские организации надо проверить, а лучше – закрыть. По крайней мере, так следует из письма, которое в Генпрокуратуру отправили в том числе депутаты Государственной думы: из фракций "Родина" и КПРФ. Очевидно, эти "видные богословы" забыли, что Священное писание – это и еврейский Ветхий завет. Днем позже обращение в Генпрокуратуру было отозвано. То ли авторы открыли Библию, то ли у них не хватило принципиальности».

Авторы провокации все-таки просчитались. Тема «монетизации» волновала российское общество куда больше, чем выдуманные антисемитские козни. Волна публикаций, поднятая провокаторами, отхлынула почти без последствий, лишь слегка помотав нервы участникам голодовки.

Молчание козлов и мычание козлят

Кремль потрудился, чтобы в считанные часы после начала нашей голодовки дать всюду и везде команду «молчок». На следующий день после блокада была полной. Даже в регионах почти невозможно было найти газеты, чтобы приняли интервью по телефону. Система ВГТРК была особенно проинструктирована, чтобы даже законные депутатские выступления, если они затрагивали «монетизацию» льгот, были бы надежно исключены.

Зато пресса изрыгала гнусности. Примерно в стиле пресловутого Алексея Митрофанова, кокетливо сказавшего: «Мы с Дмитрием Олеговичем наблюдаемся у одного врача. Пусть он худеет. Он неприлично полный. Впрочем, как и я».

Конечно, этот суслик стал столбиком жира и ему у врача наблюдаться нужно. Рогозин же продолжает оставаться спортсменом, крепим русским мужиком, в облике которого нет ничего от той рыхлости и вислозадости, которая наблюдается у руководства ЛДПР. Но кого это интересовало в данной ситуации? Пресса всюду ерничала: а вот пусть похудеют, от них не убудет! И через пять дней голодовки все тож: да посмотрите на их рожи! Только к концу голодовки это глумление несколько поубавилось.

Таково качество нашей либеральной журналистики, таково разложение нравов в обществе. Оно доходит до полного цинизма: мол, чтобы объявить политическую голодовку, надо сначала непременно похудеть и выставить на показ всему народу свой идеальный торс. Тогда-то со стороны команды нравственные уродов и последует, будто бы, благосклонное согласие: этот имеет право голодать.

Следуя такой извращенной логике, право на голодовку должны были иметь мы с Олегом Денисовым. Но про нас обличители кряжистых фигур и грузных торсов почему-то никогда не вспоминали. Значит дело в другом. Дело в том, чтобы придумать для черни самый примитивный довод в пользу того, что голодовка у нас фальшивая. И будь мы все как один исхудалыми, они нашли бы другой повод, чтобы наговорить гадостей. Скажем, придумали бы про нас, что мы – клуб самоубийц. И придумали, добавив ее к мифу о тотальном ожирении политиков.

Информационную блокаду нам помогали пробивать, как это ни парадоксально, европейские СМИ. Когда наши журналисты молчали, будто в рот воды набрав, канал «Евроньюс» дал о нас информационное сообщение, вместившее в минуту все, что необходимо было сказать – прежде всего, наши требования к власти. Увидели мы себя и на польском телевидении. Все взвешенно и ясно – без вкусовщины, без идиотских комментариев, которыми постоянно потчуют публику наши радетели за свободу слова. Большие репортажи с интервью Дмитрия Рогозина сняли телекамеры Би-би-си, Франспресс и другие.

Наши ягнята из СМИ, в иные времена стряхивавшие тонкорунную шкурку и обнажавшие волчий оскал, предпочитали дисциплинировано следовать указанию Кремля – не проронить ни слова. «Пробой» осуществил мужественный 3-й телеканал, дававший несколько раз развернутый

репортаж. Мельком о нас говорил канал НТВ – настолько мельком, что многое так и оставалось для зрителей неясным. Пришла помощь и от канала РЕН-ТВ («чубайсовского»). Пусть и с erническими извращениями, информация до зрителя была все-таки доведена. Выходило, что профессионализм журналистов был выше идеологических предпочтений. Профессионал в СМИ не может обслуживать власть. Получалось, что профессионалов у нас – по пальцам пересчитать.

Мы пытались прорвать информационную блокаду всеми средствами. Главным нашим адресатом был, конечно, Президент. К нему были обращены все наши требования. И он же был автором решения о блокаде. Поэтому именно к нему от нашего имени с Открытым письмом обратился Дмитрий Рогозин – на четвертый день голодовки, когда силы наши начали заметно слабеть. Мы предупреждали Президента, что он рискует судьбой России, что для него заготовлена «оранжевая революция». Но по-русски это будет кровавый бунт. Мы не хохлы, чтобы сходиться стенка на стенку, но кончать все только словесной перебранкой. Уж если сходиться, то никак не расходиться без отчаянной потасовки. Путин этого так и не понял. Будет ему, для него и с его участием потасовка. Будет!

На оглашение письма Путину прибежало множество журналистов. Они обступили нас, уже не очень твердо стоящих на ногах, со всех сторон. Они все сняли, все записали на магнитную пленку, все выслушали. И не дали ничего. То есть, совсем ничего. Смысл обращения остался известным только узкому кругу лиц, а для публики – исключительно для особо наблюдательной ее части – осталась лишь информация о том, что такое обращение было. «Известия» злобствовали: Путин не откликнется и акция голодовщиков останется бесполезной. МК злобствовал: они не знают, как выкрутиться из этой ситуации! Ага, - торжествовали злобники, - вот вам!

Кажется, дай им сигнал сверху, и все бросятся улюлюкать самым непристойным образом – примерно как эти нанятые уроды, притащившие к Думе упаковки котлет. Им наши соратники пообещали оторвать гениталии, а в ответ услышали униженный лепет оправданья и слюни страха у рта (мол, только корысти ради, а так – ничего личного!). Также и наша пресса. То вопит: какая же это голодовка! – глядите какие у них морды красные! (Где глядите-то? По какому каналу показывают?) То вдруг начинает причитать о правах человека и достоинстве личности. (Да какие же могут быть права, какое достоинство, если вы прессе отчаянно не по душе?)

Самым что ни на есть пошлым образом высказывались в наш адрес либеральные деятели самых разных оттенков. Для памяти я решил сохранить некоторые образцы.

Гарри КАСПАРОВ («Эхо Москвы»): Ну, мне кажется, это не просто пиар. Это такая новая разновидность торговли инсайдерской информацией. Мы знаем, что сейчас на российском сток-маркете чиновники из правительства, чиновники Генпрокуратуры, они могут вполне привести рынок вверх или вниз, и я полагаю, что такое сокровенное знание, оно приносит конкретные материальные дивиденды тем, кто эту информацию вовремя поставляет и на ней играет. А здесь, мне кажется, мы имеем первый случай (торговли?)

политической информацией. Совершенно очевидно, что покровители Рогозина в Кремле – Сечин, Иванов, кто-либо еще, поделились сокровенным знанием о грядущих отставках в правительстве. И как опытный политик, Рогозин не преминул на этом сыграть. Первый такой случай. Сейчас, я полагаю, надо просто заключать ставки – все ли правительство отправят в отставку, или просто каких-то отдельных людей. Но можно не сомневаться, что голодовка Рогозина это предвестник грядущих перемен в российском правительстве. Ну, что же, будем ждать. По крайней мере можно поблагодарить Дмитрия Олеговича, что вот таким экстравагантным способом он донес эту информацию до всех, кто в состоянии сопоставлять его действия с той информацией, которую он обычно получает от своих кремлевских покровителей. (…) Я не знаю, сколько дней голодовки прописали ему врачи, но, безусловно, по истечении этого срока, а мы скорее всего увидим отставку по крайней мере экономического блока правительства...

Борис КАГАРЛИЦКИЙ политолог («Новые известия») : – Голодовка депутатов выглядит довольно комично. "Родина", если она борется с политикой властей, должна как-то примкнуть к движению протеста, которое началось в стране. Но поскольку реально оппозиционной партией "Родина" не является, а выполняет заказ Кремля, то серьезно участвовать в движении протеста депутаты ни в коем случае не могут. Поэтому они изобразили свою причастность к этой борьбе символически.

Валерия НОВОДВОРСКАЯ, лидер партии "Демократический союз" («Новые известия»): – Голодовка руководства партии "Родина" – это чистая демагогия, "пиар". Монетизация льгот могла бы быть успешной, если бы ее делали не идиоты. А теперь власть будет использовать неудавшуюся монетизацию для окончательного сворачивания с европейского пути. Всю ответственность свалят на остатки либералов в правительстве, на их бледное отражение в виде Кудрина и Грефа. Реформы будут прекращены, и власть продолжит политику раскулачивания бизнеса, ссылаясь при этом на глас народа. Это произойдет уже в ближайшие дни, и я думаю, Рогозин даже похудеть не успеет.

Евгений КИСЕЛЕВ («Эхо Москвы»): …конечно, это – перфоманс, то, что делает Рогозин. Я ему желаю искренне избавиться килограмм от 10, я думаю, ресурс там имеется. Вообще-то, это замечательно, но просто, знаете, абсолютно по хорошей нашей народной пословице, что называется: «И рыбку съесть, и, - сами знаете, куда, - сесть».

Игорь БУНИН, директор Центра политических технологий («Новые известия»): – Депутаты голодают, потому что хотят заработать очки на пенсионерах. Сейчас для них главное – отметиться в потоке событий. А потом часть избирателей вспомнит, что "Родина" за нас поголодала.

По этим измышлениям можно судить о глубине мысли отцов российской либеральной демократии и тех, кто на и-нет форумах на все лады повторял то же самое, но в еще более хамской форме.

За все время голодовки ни одни правительственный чиновник не попытался вступить с нами в диалог. Молчал Кремль. Лишь в последние дни были совсем неофициальные звонки. То тюлень позвонит, то олень. Козлы молчали. Их выкормыши мямлили невнятно. Такая дребедень – на всю страну. Настоящий позор власти. Позор Путина. Потом мы выяснили, что в Кремле особенно были потрясены оранжевым цветом белья, на котором мы спали. Запуганные киевскими «оранжистами» власти решили: началось! И принялись нас глушить. И уже смешно говорить, что они страдают дальтонизмом. Это всего лишь следствие другой болезни – идиотизма.

Что такое голодовка на самом деле

С каждым днем нервная атмосфера и общее ослабление организма изматывали все больше. Каждый наблюдал признаки нарастающего утомления на лицах товарищей, видел, как все труднее они поднимаются на ноги, как незаметно немощь пригибает спины, как размываются очертания лиц, приобретающих какое-то единое для всех участников голодовки выражение.

Даже у тех, кто имел выпуклые животы, они стремительно втягивались. Мы же с Олегом Денисовым обнаружили полное исчезновение того, что называется живот. На его месте была не выпуклость, а «впуклость». Одни подтягивали ремни, другие следили, как бы при всем честном народе не соскользнули брюки тренировочных костюмов.

Некоторые ощущения от голодовки показались мне достаточно любопытными. Например, никакого чувства голода просто не было. Тот аппетит, который тянет к столу в обычное время, отсутствовал. Демонстрация пищи, которой переполнено наше телевидение (а мы все время старались следить за теленовостями и невольно подхватывали и другие передачи), с самого начала не вызывала никаких переживаний. Все эти фруктовые соки, бульонные кубики, молочные реки и кисельные берега ровным счетом ничего не значили. Единственным признаком голода, который я обнаружил, было тягостное засыпание на пустой желудок. И еще в течение дня в момент осознания утомленности возникала невольная привычная мысль: пора пойти попить чаю. Потом испуганно отрекаешься: да ведь нельзя!

От голодовки организм приобретает чувство гулкой пустоты. Можно сравнить себя с литой статуей со свободным объемом внутри. Пресное ощущение во рту – примерно как при поглощении какой-нибудь крупы, сваренной на воде без соли. Поэтому питье минеральной воды после трех дней питания простой водой, поначалу даже принесло удовольствие. Минералка, как оказалось, совершенно необходимо для поддержания в организме солевого баланса.

Уже по выходе из голодовки ощущение пресности перенеслось на все виды пищи, кроме черного хлеба, который появился в восстановительном рационе уже сильно погодя. Все эти кашки и протертые овощи (пришлось какое-то время перейти на детское питание) все равно казались пресными. А хлеб имел вкус. Причем именно черный хлеб – вековой кормилец нашего народа.

Еще одно любопытное самонаблюдение – легкая эйфория, которая появилась где-то после пятого дня голодовки. Особенно на ногах казалось, что слегка выпил: замедленная реакция, затруднение с речью, нестойкая походка. Потом врачи объяснили, что это следствие не общей слабости, а химических изменений в организме. Понятно, почему в состоянии голода случаются безрассудные порывы и страшные бунты. Голод приводит толпу к состоянию, будто ее опоили. А слабости (как физической неспособности) до последних дней не было. Я спокойно отжимался на пальцах по 30-40 раз.

Интервью постоянно теребящим нас журналистам давать стало трудно, потому что сбивалось дыхание и губы немели как на сильном морозе. Все эти признаки, как говорили врачи, вполне укладывались в условия голодовки – шло общее отравление организма внутренними токсинами и изматывание повседневным стрессом.

Те, кто проходил лечебные голодовки по медицинским рекомендациям или по собственной воле, с одной стороны, более живо понимают переживания, которые выпали на нашу долю. Но в то же время и более спокойно относятся к этим переживаниям, зная, что ничего особенного в них нет. И это правильно. Ничего особенного – просто иное состояние организма. (Предполагаю, что и ощущение смерти – тоже что-то совсем не впечатляющее. Как говорили древние, когда смерть есть, тебя уже нет.)

Обнаружилось, что кризисные дни (3-й и 7-й день голодовки), обещанные специалистами, как-то пролетели не замеченными, смазались. Возможно, забылись за делами. Тяжесть голодовки последовательно нарастала день ото дня. И все больше сказывались особенности организма. У некоторых начинало к концу дня нестерпимо резать в глазах. Постепенно проявились старые травмы и годами затихшие болячки. Иногда возникали судороги в мышцах, давящее ощущение в груди, затруднения в пояснице.

Не состоялся и всплеск энергии, который практики лечебных голодовок предсказывали после недельного воздержания от пищи. Вероятно, мы его израсходовали в повседневной политической работе. Но, может быть, тут дело и в другом.

У каждого организм устроен по-своему. Одни вполне могут раз в месяц бегать марафон, другим лучше даются средние или короткие дистанции, а кто-то и ходит-то с трудом. Марафонцам голодовок, вероятно, свойственно «второе дыхание», а нам – любителям – этого не дано. Новички в этом деле проходят своего рода отбор: если не тянут, то никогда не становятся «марафонцами». А состоявшиеся «марафонцы» смотрят на любые потуги голодающих с высоты своего опыта – им все кажется пустяками. Для среднего же человека голодовка – далеко не пустяки. И пусть она не столь мучительна, как ожидается, испытание это достаточно серьезное. Из праздного любопытства или без должной подготовки никому не советую повторять наш опыт.

Борьба с телесной немощью

Опыта голодовок ни у кого из нас не было. Поэтому у каждого были свои методы борьбы с надвинувшейся усталостью. Олег Денисов вставал до света и тихо в темноте начинал делать простые физические упражнения. Днем же, выбившись из сил, читал книги, откинувшись в кресле. Михаил Маркелов от усталости начинал еще больше суетиться: звонить, говорить с друзьями, строить новые планы и заниматься деталями текущих задумок. Иван Харченко предпочитал не суетиться, а экономить энергию: от упадка сил переходил на телефонное общение в лежачем положении или засыпал. Я старался переломить вялость залповыми нагрузками: то отжимался до

изнеможения, то размахивал руками и ногами, как привык это делать на тренировках. Дмитрий Рогозин черпал энергию из политики: новый прилив сил наступал у него после очередного жесткого интервью.

После истечения недели голодовки все эти ухищрения действовали все слабее. Их все больше начал заменять юмор.

Например, мы смеялись над своими мечтами по поводу диалога с властью, представляя фантастическую картину: распахиваются двери и входит Путин со свитой и со словами сочувствия. Ясно, что ничего подобного представить себе было невозможно. Путин предпочитал открывать другие двери и выражать сочувствие людям иного склада.

В другой раз Олег Денисов разыграл перед Иваном Харченко и мной ужас от того, что мы перешли с «Боржоми» на какую-то другую минеральную воду, которая отличалась не вкусом, а цветом бутылки. Он начал говорить что-то об изменении кривизны кишки, а когда мы обомлели и готовы были уже убирать бутылку со страшной жидкостью, Олег вдруг оборвал себя с улыбкой: «Ну что, поверили?»

Рассказывают, что голодовка сопровождается раздражительностью. Ничего подобного в нашей группе не было. Даже за ночной храп особо упорных храпунов только добродушно журили. Все время в ходу были малые жесты внимания: налить водички, подать зазвонивший мобильник, осведомиться о самочувствии… Эта атмосфера взаимной поддержки нас незаметно укрепляла.

Столь же незаметной поначалу показалась поддержка со стороны иеромонаха Никона, который дважды приезжал к нам – исповедал и причащал. Ослабленный организм не очень-то готов был простоять в молитве даже и полчаса. Но исповедь как будто разлила по всему телу тепло.

Особенно важно было, что причащал нас отец Никон, с которым нас связывает дружба с 1993 года. Троих из нашей пятерки батюшка знал и помнил с тех времен, включая страшные дни октябрьского расстрела парламента.

Увы, иерархи Церкви никак не обозначили своего сочувствия не то что нашей акции, а нашему положению. Вероятно, в Московскую Патриархию в таких случаях тоже принято звонить из Кремля. Как ни пытался отец Никон и другие наши друзья настоять, что должен быть хотя бы сочувственный звонок, все, чего удалось добиться, это согласия, чтобы наш лидер позволил важному митрополиту.

Странность такого предложения состояла в том, что митрополит был достаточно знаком с Дмитрием Рогозиным, чтобы не чваниться по поводу рангов и званий. Ведь отец Никон не ждал, когда ему позвонит кто-нибудь из знакомых депутатов и лично испросит совета и помощи.

Звонка из церковных верхов не было, но нам достаточно было благодушия, которое источал наш друг отец Никон. Ему мы все благодарны. А митрополит не нужен. В этой ситуации он сам себе отказал в какой-либо роли.

Некоторые итоги голодовки: потеряли в весе Денисов – 5 кг., Савельев – 6 кг., Маркелов – 10 кг., Рогозин – 8 кг., Харченко – 10 кг.

Игры со смертью

Голодовка сама по себе – игра со смертью. Но игра чуткая и уважительная. Толком никто не знает, где граница и насколько близко ты к ней подходишь. В повседневной жизни смерть может проскользнуть где-то рядом, и ты ее не заметишь. Во время голодовки ты понимаешь, что каждый день тебя приближает к пропасти. Неясно где она, может быть еще очень далеко, но знаешь, что идешь именно к ней.

Конечно, медикам виднее, насколько далеко зашла голодовка. Но участнику голодовки это понять трудно. Особенно когда налицо явные изменения в собственном облике и самочувствии: по худому телу можно изучать анатомию, торс приобретает юношеский вид, а лицо, напротив, стареет.

Политическая голодовка отличается от лечебной постоянным стрессом и продолжением интенсивной работы. Кроме того, лечебная голодовка имеет свои заранее просчитанные вместе с врачами сроки, стадию подготовки. Лечебная голодовка предполагает спокойствие, отсутствие раздражителей, выключенный телевизор, ограничение любых интеллектуальных нагрузок. В политической голодовке ничего этого нет. Напротив, работа интенсифицируется, отнимая все силы. Рабочий день удлиняется, в нем исчезают перерывы на чай, на обед. Нет момента, когда утро отсекается от дня завтраком. Никогда не наступает время ужина. Ты на работе, как только открыл глаза. И пока не «вырубился», ты остаешься на работе.

Представьте себе: через неделю голодовки депутатов «Родины», когда наступает самый жестокий физиологический кризис, перед их окнами образуется пикет молодых негодяев из молодежного движения «Единая Россия». Оркестр играет похоронный марш, несут большой портрет лидера «Родины» Дмитрия Рогозина, на подушечках – ощипанную курицу со свернутой головой и вилку с ложкой. Они так шутят. Они тоже играют со смертью. Но, не понимая, куда идут – не видят пропасти поперек дороги.

Физически эти ребятки, получившие свои сребреники за карнавал с плясками смерти, кажутся здоровыми. Но они надорваны духовно. В них уже есть червячок, изъедающий не только душу, но и тело. Они думают, что защищены своей молодостью, и огромный пласт времени отделяет их от смерти. Тут их и ждет пагуба. Вместе с теми, кто своими выступлениями в прессе подстрекал нас к самоубийству, упрекая обстоятельством, что умереть нам не дадут. И с теми, кто от нашего имени рассылал сообщения, что мы готовимся к смерти.

Наш маленький мирок участников голодовки – людей не слишком привыкших к частым посещениям церкви, но все же верующих во Христа, - оказался защищенным и от оскорбления карнавалом, и от случайной смерти. Безносая махнула своей косой, но прошлась рядом – угодила в толпу наших противников, выбрав ближайшего по алфавиту. Не Дмитрия Рогозина, как

оказалось, хоронили с оркестром напротив Думы, а депутата фракции «Единая Россия» Кирилла Рагозина, который в тот день мчался по речному льду на снегоходе и тоже, вероятно, не думал о смерти. Предательская полынья пересекла его маршрут. Депутат утонул.

Этот мистический урок – возможно, и есть кульминация нашей голодовки, в которой вскрывается ее связь с миром горним. Мы не отринули эту связь и вспомнили о Спасителе. Каждый из нас не раз за эти дни обратился к Богу с молитвой. Пред иконами у нас лежали Молитвослов, Псалтирь и Евангелие. И дети-инвалиды, работающие в изостудии, подарили Дмитрию Рогозину замечательно выполненную икону.

Уже на выходе из голодовки мне приснился сон о конце света – будто на город стремительно несется стена пыли и грязи, а люди ходят по улицам как ни в чем не бывало. Я пытаюсь обратить их внимание, что через несколько минут здесь все снесет. Люди вяло откликаются, видят поток, но ведут себя безвольно, как сомнамбулы. Я пытаюсь затащить нескольких в какой-то бункер. Но там полно какого-то агрессивного народу, духота – явно не прожить и нескольких суток. Выскакиваю наружи и пытаюсь встретить смерть стоически. Опускаюсь на колени, закрываю глаза, читаю «Отче наш». Но какая-то сила вновь поднимает меня, и я тащу людей на верхние этажи какого-то дома. Потом просыпаюсь.

Получается так: не стремись вниз, не закапывайся как крот, не принимай смерти пассивно. Спасение возможно только ближе к Небу. И для народа, и для отдельного человека.

Проверка боем

Такой поддержки от простых людей, которую мы получили в тысячах писем, телеграмм и телефонных звонков, мы не ожидали. Послания в наш адрес сыпались в таком объеме, что канцелярия Думы в какой-то момент перестала их регистрировать. Все стены в помещении фракции «Родина» были залеплены тестами обращений. Потом их уже некуда было пришпиливать.

С участием наших региональных отделений по стране прошли десятки митингов и пикетов. И пусть о них ни слова не говорили ни в центральных, ни в региональных СМИ. Мы знали, что едины с этими людьми и они поддерживают нас. Поддержку своей позицией и организацией массовых мероприятий оказали нам народно-патриотическое объединение «Родина» и дружественные профсоюзы.

В десятке регионов наши соратники-депутаты региональных парламентов объявили свои голодовки. Мы были против - достаточно и нашей акции. Если она игнорируется властями, то на местном уровне протест будет спрятан от граждан еще более надежно, а осмеян еще более пакостными словами. Но сам факт голодовок солидарности дорогого стоит.

Огромную поддержку нам оказали коллеги-депутаты из нашей фракции «Родина», работавшие весь срок нашей голодовки в регионах. Всеми силами поддерживал нас и аппарат фракции, а аппарат партии.

Особенно ценна была поддержка таких известных депутатов из независимых, как Светлана Горячева, Геннадий Селезнев, Михаил Задорнов, Оксана Дмитриева, отчаянный борец с наркоторговцами Евгений Ройзман.

Приходили к нам депутаты других фракций. Совершенно неожиданным было изменение позиции верного жириновца депутата Алексей Островского, который поначалу высказался в телеинтервью в духе своего патрона, а потом, навестив нас после пяти или шести дней голодовки, заговорил по-другому. Ему довелось убедиться, что мы не прячем бутерброды под подушкой. И он сказал в эфире НТВ, что речь идет уже не о похудании, а о здоровье участников акции.

Отрадно было получить телеграмму с поддержкой нашей акции от яблочника Сергея Митрохина, который был в прошлой думе деятельным депутатом, потом на дебатах не постеснялся ответить выродку ударом на удар, а теперь солидарного с нами в отношении к правительству и закону о «монетизации» льгот.

Самое живое участие в нашей акции принял такой авторитетный и талантливый человек, как редактор газеты «Завтра» Александр Проханов, только недавно перешедший из стана наших противников в стан сторонников. Он посвятил голодовке два номера своей газеты, назвав нашу акцию «прямым действием».

Косвенно нам помогло также выступления давнего нашего врага - мэра Москвы Юрия Лужкова. Он крайне резко отозвался о методах «монетизации», уровне профессионализма правительства и потребовал проверки всей деятельности, сопутствующей экстремистским инициативам правительства по подключению к реформам близкородственных страховых фирм.

Неожиданна была поддержка со стороны нелюбимого мной Глазьева, который не только переступил через свои обиды и пришел к Рогозину сказать два слова в поддержку, но и при обсуждении вопроса на фракции, когда вдруг разгорелись страсти и возникли сомнительные трактовки со стороны, казалось, вполне надежных товарищей, однозначно принял сторону участников голодовки.

Как оказалось, темными делишками министра Зурабова занимался не только наш соратник тележурналист Михаил Маркелов, исследовавший в своей предновогодней передаче заинтересованность родственников министра в получении заказов на поставки «льготных» лекарств, которые по цене оказывались выше «нельготных». Другой журналист и также депутат Александр Хинштейн, всегда казавшимся мне весьма далеким от патриотических позиций, тут выступил на высоте - нашел свой путь к тайнам зурабовских махинаций с земельным участком (семь гектар «под ведение дачного хозяйства»). Его журналистские расследования были также для нас важным фактом поддержки.

Наша голодовка была оправдана уже тем, что мы смогли увидеть, кто для нас в принципе может быть другом или союзником, а кто, прикидываясь таковым, либо смотрит в рот начальству, либо способен только в бессилии

разводить руками. Мы как бы просканировали всю политическую среду – собственную партию, союзные организации, политических лидеров, СМИ. Всюду прояснялись границы разлома. Иногда они проходили внутри той или иной организации (например, в союзной с нами партии «Народная воля»), внутри редакции газеты (например, «Трибуна»).

Нам запомнилось, как тянул одеяло на себя лидер КПРФ Геннадий Зюганов в передаче «Времена» 1-го канала телевидения. Он говорил о «монетизации», но не обмолвился о голодовке. Он представлял дело так, будто кроме коммунистической оппозиции нет никакой другой. Примерно также вел себя Сергей Бабурин в ток-шоу мерзкого Млечина по каналу ТВЦ. Он говорил о своей партии «Народная воля», он критиковал монетизацию. Но не обмолвился о голодовке, не назвал партию «Родина». Потом оправдывался тем, что прямой эфир шел на Зауралье, а на остальную территорию все обязательно вырезали бы. Да и пусть бы вырезали! Лишь бы не было сомнения, что мы играем в одной команде. Получается, что не в одной.

Это было не первое и не последнее подтверждение нашим подозрениям о частных задачах некоторых народовольцев. Обсуждение на фракции, которая в конце концов приняла решение о прекращении голодовки, оказалось неожиданно бурным. И главным стал вопрос, на который жизнь вроде бы уже дала исчерпывающий ответ: «Зачем вам это было надо?»

Накануне тяжких для страны испытаний, по капле выдавливающей из себя ельцинизм, люди делились на своих и чужих. Отношение к голодовке стало для всех тестом. Его результаты еще предстоит изучить, а некоторые последствия теста еще не наступили, обещая в ближайшее время дальнейшее размежевание: за «Родину», с «Родиной» или против «Родины». Кто-то стал отпадать от «Родины», становясь лишь случайным попутчиком, а кто-то, наоборот, понимал, что это и есть та самая сила, которая может спасти страну, если мы соединим свои усилия.

Жизнь в бреду

Нет, не у нас начался бред, когда мы ощутили первые симптомы ослабления организма. Бред начался у прессы. Их интересовали наши ощущения от запаха жареного лука из вентиляции (потом оказалось, что тянуло из помещения фельдегерской службы, где привыкли готовить себе ужин во время дежурства), в каких тапочках мы ходим и почем белье, на котором спим.

Но это еще мягкая форма бреда. По-настоящему пресса бредит, когда имеет заказ либо от власти, либо от черни. Газетчики под прикрытием власти всегда готовы говорить то, что никогда не сказали бы очно, рискуя получить по физиономии. Тем же отличаются завсегдатаи интернет-форумов, скрытые под придуманными никами. У тех и других – полная неспособность отвечать за свои слова и удивительная готовность к подлости. Бредовые идеи им позволены свободой слова, понятой как возможность нести околесицу.

Рекордсменом в негласном соревновании лжецов участники голодовки признали газету «Жизнь». Смазливенькая корреспонденточка отметилась своим визитом. Я сразу послал это издание куда подальше, невзирая на скромное личико юницы. Уже встречался с такими типажами, осваивающими вторую древнейшую. Уж каких только пакостей ее газета потом не исторгла! Эти образцы достойны увековечивания. Просто фантасмагорическое вранье – вполне в духе издания, не гнушающегося откровенной порнографией.

«Жизнь» о Дмитрии Рогозине: «Тучный, аки откормленный на убой кабанчик, он поверил оракулам, обещающим скорую смену режима, и решил взять власть измором. Собственным».

«Жизнь»: Как стало известно "Жизни", никто из региональных представителей "Родины" не собирался поддерживать акцию, пока этого не потребовал Рогозин. И теперь у Дмитрия Олеговича просто разрывается телефон: регинальщики хотят знать, сколько еще продлится голодовка. Вчера он получил тревожную весть из Челябинска: несколько человек намереваются выйти из партии. Дмитрия Олеговича оставила даже супруга: Татьяна, которая раньше круглосуточно находилась в Думе, уже двое суток не появляется там. А Комитет по регламенту и этике ГД намерен поднять вопрос о поведении депутатов фракции на пленарном заседании. Голодовка затронула даже охрану Госдумы: сотрудников ФСО, отвечающих за пропуск в здание, вызывали к начальству. Оказывается, двое голодающих - Маркелов и Денисов - по ночам выходят гулять во двор Думы через черный ход. Руководство интересовалось, не передает ли кто-нибудь им еду.

«Время новостей»: «Вполне возможно, что акция поможет депутатам избавиться от излишнего физического веса и приобрести дополнительный вес политический».

«Трибуна»: «В общем, как показывает опыт, для успеха в политике иногда бывает достаточно вовремя бросить ложку и отвернуться от кастрюли с наваристыми щами. Да и в старом революционном гимне начала прошлого века неспроста пелось про голодных и рабов, которым по силам разрушить всё «до основанья»».

«Московский новости»: Визуально не срастается. Взголодал бы, допустим, вице-премьер Жуков или спикер Грызлов - может, и поверилось бы. Корми их не корми - все одно аскеты. И светотень скорбную им ставить не надо, и грим не требуется. Но уверовать в то, что именно лицо "Родины" оказалось поражено внезапным приступом дистрофии...

«Новые известия»: Голодовка депутатов приобретает все более юмористический оттенок – вчера изгнанные из молодежной «Родины» активисты публично издевались над Дмитрием Олеговичем, Зюганов тоже, а по Думе продолжали ходить слухи, что г-на Рогозина заставят что-нибудь съесть в законодательном порядке.

«Страна.ру»: В моду входит произвольная смесь политики и театра (а иногда и цирка шапито). Одно из таких представлений устроил лидер "Родины" Дмитрий Рогозин. Решив в буквальном смысле слова пожертвовать собственным телом ради народного блага, он объявил бессрочную голодовку прямо в Думе с требованием отставки правительства и отмены монетизации льгот. Оваций в обществе и всенародной благодарности это ему, однако, не принесло.

«Ведомости»: Если многочисленные голодающие депутаты все равно не могут добиться своего парламентскими методами, стоит ли вообще тратить бюджетные деньги на их содержание, служебные машины, бесплатный проезд и прочие атрибуты несуществующей власти? Голодать умеют и простые граждане, а сэкономленные деньги можно было бы пустить на компенсации льготникам.

К исходу недели от начала голодовки тон газет изменился. Там все больше давали информации и больше не ерничали. Может быть, стыд у

пишущей публики проснулся, а может быть сыграл роль фактор постоянства народного недовольства, который, как ожидало правительство и журналисты, рассосется сам собой, а он норовил стать постоянным признаком жизни. К тому же, помимо ужасов монетизации, задевших в большей степени пенсионеров, к концу января вся страна обнаружила, что коммунальные услуги резко подорожали. Задело это всех.

Выход

Никто из нас не собирался кончать жизнь самоубийством из-за Зурабова. Совсем не было стремления к тому, чтобы быть выбитым из активной жизни на многие месяцы и покалечить свое здоровье. Поэтому выход из голодовки нами планировался и рассчитывался (в отличие от входа). Прежде всего, из расчета, что реабилитация занимает по сроку вдвое больший срок, чем сама голодовка. С каждым днем голодовки мы понимали, что еще на два дня увеличивается время пониженной трудоспособности. Это удручало.

Мы должны были выйти из голодовки и по причинам политического характера. Нас убеждали в этом сторонники и союзники, нас просили об этом в обращениях из всех регионов. С этим к нам обратился в своей резолюции митинг сторонников «Родины», прошедший близ Кремля. Этого потребовала от нас партия «Родина» в решении своего Президиума. Наконец, об этом настоятельно попросили нас соратники по фракции. Все доводы в наш адрес были разумными и понятными, и мы нашли момент, когда выход из голодовки был целесообразен с политической точки зрения и необходимым для сохранения здоровья.

Начало выхода мы поначалу стали планировать через 7-10 дней. При этом должен был состояться переезд в одну из московских городских больниц – под наблюдение врачей. Конечно же не в ЦКБ, где продолжение голодовки стало бы посмешищем для прессы. И тут возникло неожиданное препятствие. Договориться о приеме на лечение не удавалось даже через дружеские связи, даже на коммерческой основе. Всем московским клиникам медицинским начальством было строго предписано не иметь с нами дело. Нас готовы были принять только через скорую помощь. Но в этом случае нас либо везли бы в ЦКБ, либо в горбольницы, но раздельно, разбивая группу. Это нас устроить не могло.

Разумеется, о сроке нашего выхода из голодовки никто не должен был знать. Иначе утрачивался бы эффект давления на власть, которой было известно о бессрочном характере голодовки. Да мы, впрочем, и сами толком не знали, когда политическая ситуация позволит нам завершить испытание: когда власть пойдет на попятный или проявит хоть в чем-то уступчивость или когда медицина скажет свое слово. Мы планировали только порядок выхода и лишь примерно намечали сам момент прекращение голодовки. Первым этапом дожжен был стать исход из Думы в стационар под наблюдение врачей.

В конце концов, нам удалось найти клинику, которая готова была нас принять и имела возможность разместить всю группу вместе. В пятницу 28 января (после 7 суток голодания) мы решили, что будем переселяться в больницу не все сразу. Авангард выдвинется туда поздно вечером, а остальные присоединяться в понедельник. В авангарде были намечены Иван Харченко и я – вероятно как люди с самыми несчастными на тот момент физиономиями. Кроме того, у меня проявилась недавняя болячка, возникшая от ушиба печени. Стало трудно сидеть – как будто в животе образовался чувствительный комок. А Иван жаловался на тяжесть в сердце и позвоночнике.

Накануне подготовленного переезда Иван вдруг стал отказываться, ссылаясь на то, что там он будет от всего и от всех отрезан – среди москвичей у него нет круга знакомых и родственники далеко в Краснодаре. Здесь лучше – присутствие гуще событий. Сюда, в Думу могут приходить соратники и друзья, оказавшиеся проездом в Москве. Так в авангарде остался я один. В понедельник ко мне должен был присоединиться еще кто-то. А остальным нужно было дождаться реакции наших думских коллег, прибывающих в Москву после перерыва в думских заседаниях.

Больница, куда меня доставили поздно вечером, была достаточно скромной. В палате на двоих я оказался пока один. Тут же меня принялись не только обследовать, но и лечить. Пришлось долго отбиваться от капельницы, которую мне готовы были поставить даже насильно. Пришлось сначала предупредить о возможности серьезного физического сопротивления, а потом подписать в журнале отказ от процедуры. На следующий день пришел главврач и убедил меня, что капельница все-таки нужна, иначе пропадает смысл размещения в стационаре. Его вкрадчивый тон, лишенный всякого напора, вынудил согласиться. И зря. Капельница уложила меня на весь день и отозвалась сразу начавшейся тупой болью в левой части груди, рассосавшейся только к следующему утру. Тогда же мне впервые в жизни явственно пригрезилось, что душа на какую-то секунду отделилась от тела. Я испугался и очнулся от тяжкой дремы.

После капельницы с глюкозой анализ крови фиксировал резкую смену от недостатка сахара, естественного для голодовки, к переизбытку. Болезненное состояние побудило меня начать выход из голодовки, который поначалу мало чем отличается от самой голодовки – пять раз в день по полстакана морковного сока, разведенного с пополам с водой.

Так авангард превратился в арьергард. К тому же мои товарищи, как оказалось, приняли решение остаться на месте. «Пока мы в Думе, мы у них как кость в горле», - сказал Дмитрий Рогозин. Почему это так, мне понять было невозможно – переговоры по телефону мы минимизировали, почти наверняка зная, что нас прослушивают. (В Интернете появились материалы поддельного дневника Дмитрия Рогозина с некоторыми деталями ситуации, выяснить которые без прослушки было бы крайне сложно.)

С утра понедельника 31 января прессу к голодающим в Думе было решено не пропускать - нужно было переходить на постельный режим.

Переезд в стационар был признан нецелесообразным – продолжать голодовку в больнице уже не было сил. Исчерпывались и политические результаты от этого самоистязания.

Моя голодовка, продлившаяся 8 суток, прекратилась. Но, чтобы не подвести товарищей, я должен был лечь на дно и не высовываться. Остальные лежали пластом в Думе на надувных матрасах. Мне оставалось участвовать в акции в качестве летописца – писать эти заметки. Сам же выход показался мне почти беспроблемным – как будто после погружения в воду с задержкой дыхания. Просто делаешь два-три жадных вдоха и все.

Как оказалось, я отстал от товарищей на трое суток. Они продержались в Думе до собрания фракции и закончили голодовку через 11 суток.

Выводы

В 2004 году Путин заложил предпосылки своего краха как политика, который мог бы остаться в истории России хотя бы как уважаемая фигура. Он не вынес испытания властью – не смог действительно властвовать, будучи пораженным как личность внешними атрибутами президентства. Его, как в свое время Ельцина, прельстили банкеты и паркетные шарканья на международных форумах. Ему доставляло удовольствие играть с прессой и народом в несерьезную игру затяжных пресс-конференций и телемостов. Он пошел по пути Горбачева, которому показалось, что он просто так, сам по себе придумал те слова, которые ставят его наравне с выдающимися историческими фигурами. Обаяние Путина сродни обаянию Горбачева – оба бесплодны.

Путин начал как защитник государства – побил чеченские банды из всех видов оружия, придушил сепаратистов по всей стране, восстановил порядок в выплатах пенсий и зарплат бюджетникам, в короткие сроки добился существенных результатов в международной сфере. Потом растерял все. Социальная система рухнула в 2004 году - сейчас это стало явным и отозвалось в каждом кошельке. Тогда же Путин сдал китайцам «за спасибо» нашу землю (повторив в точности аналогичное преступление Ельцина), сдал Грузию и Украину, окончательно рассорился с Белоруссией, превратил СНГ в полную фикцию. Обнадеженные было соотечественники (Конгресс 2001 года) снова брошены и забыты. Чечня снова стала фактически бандитским анклавом. Терроризм расплескался по стране. Сепаратизм стал реальностью на Кавказе, в Поволжье, в Приморье. Путин никого не привлек к ответственности за Беслан. Он прикрыл собой бездарность и коррупцию в правительстве.

Своей голодовкой мы сказали всем, кто намерен этим методом добиваться чего-то от этой власти: голодовки больше не нужны. Необходимы активные формы политической борьбы. Надежда на взаимность власти умерла, надежда на Путина умерла. Больше нет того Путина, которого с восторгом увидели граждане в 1999 году и за которого без тени сомнения проголосовали в 2000. Нет и того Путина, который был на голову выше всех,

допущенных до президентских выборов 2003 года оппонентов. Теперь он наравне даже с ними.

У Путина был выбор. Может быть даже он еще что-то может выбирать. Но мы ждать уже больше не можем. Страна на грани катастрофы. 2005 год – момент перелома. Мы оказываемся по разные стороны того горного хребта, что вырос между властью и народом. Представить, что Путин перепрыгнет этот хребет трудно. Даже если он сделает это, не мы придем к нему, а он – к нам. Пока же партия «Родина» теперь объявлена в Кремле главным врагом. У нас больше нет иллюзий. У Путина их тоже быть не должно. Нам больше не о чем просить, не о чем разговаривать. «Родина» идет против этой власти, идет на смену ей.

Наши действия будут достаточно аккуратны, чтобы не подорвать и без того разоренную Путиным и его окружением государственность. Мы не будем слушать провокаторов, которые предпочитают подзуживать к драке на безопасном расстоянии. Таких хватает и среди ультра-патриотов, и среди либералов, и среди леваков. Они одинаково ненавидят и Путина, и «Родину» и Россию. Им подавай великие потрясения. Нам с ними не по пути.

Мы знаем, что народ не захочет жить при этой власти и не станет при ней жить. Либо уберет эту власть, либо сам умрет. Мы предложим ему первое. Силой же, смещающей негодную власть, станет партия «Родина».

По данным опроса фонда "Общественное мнение", опубликованным в конце января, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, за Путина проголосовали бы только 42% опрошенных. Это меньше, чем в начале 2000 г., когда он вступил должность. Очевидна тенденция снижения этого показателя по сравнению с пиком популярности главы государства, который пришелся на март 2003 года. Напомним, тогда за Путина на выборах проголосовали 65% избирателей. Снизился и рейтинг доверия к президенту. Только 24% респондентов сказали, что доверяют ему. В начале прошлого года Путину доверяли до 41% опрошенных.

ПОЛЕТ СВИНЬИ
или как я на самом деле
бил Жириновского

Все-таки телевидение ограничено во вранье. Картинка говорит сама за себя. Конечно, если все удачно вписалось в кадр. И если зрителя не отвлекают «рассуждалками». Тогда видно все, как есть.

Иное дело пресса. Тут извираются как только могут! Но об этом ниже.

Эпизод моего столкновения с шайкой Жириновского – яркое свидетельство загаженности информационного пространства враньем. За редким исключением, писанина в газетах и на интернет-сайтах имела мало общего с тем, что было на самом деле. Могу констатировать, что пресса позорит Россию покруче Жириновского. Журналистика предпочитала не верить своим глазам, лепить свое раньше, чем будет получена информация, и не слышать прямой речи. Переврано все. Именно поэтому я решил дать информацию от первого лица.

Итак, об эпизоде, который на время приковал внимание публики в последние дни марта 2005 и на праздник смеха 1 апреля.

Но сначала о том, почему «полет свиньи». Я придумал этот термин для того пируэта, который Жириновский проделал в воздухе при моей поддержке. Думаю, что эта новация у мастеров боевых искусств должна быть принята хотя бы по той причине, что внимание публики к ней было

чрезвычайным. Заинтересованный зритель мог проследить «полет свиньи» несколько раз за день в течение двух суток. И, вероятно, увидит еще не раз в повторах. Такой массовый мастер-класс мало кому удается.

30 марта 2005 года заседание Думы не предвещало никаких особых событий. Я запасся интересными документами, связанными с украинскими событиями и намеревался прочесть их в то время, пока в зале будут идти традиционные препирательства по повестке дня. Читать пришлось «под грохот канонады» - практически вся фракции ЛДПР записалась на выступления, но ее депутаты говорили (или галдели) вовсе не о повестке, а только о том, что в Ямало-Ненецком автономном округе на выборах были чудовищные нарушения законодательства. Мол, поэтому список ДЛПР сняли с дистанции. Нарушения, конечно, были. Как нам сказали здесь же в Думе прямо с места председателя, так теперь ведется «политическая борьба за власть».

Ничего нового в истерике Жириновского, поддержанной его соратниками (впрочем, не умеющими так надсадно вопить), не было. И в ругани, где слово «бандиты» - самое мягкое, тоже. Объявление о выходе из зала фракции ЛДПР в знак протеста против нарушений избирательного законодательства меня тоже мало трогало – за год с лишним работы в Думе я навидался подобных спектаклей. Знал, что все это шумиха – не более того. Жириновский власть никогда не подводил и никогда ей не противостоял.

Так вот. Жириновский, изрыгая проклятия по самым разным адресам, двигался по проходу так, чтобы как можно дольше затянуть процесс, попадая в телекамеры во всех подробностях. На жалко – эта физиономия еще не самое гнусное, что показывают по нашему телевидению. Я продолжал чтение своих бумаг.

Перед тем, как окончательно выйти из зала, группа во главе с Жириновским остановилась - аккурат напротив места, где я сидел со своим чтением. Жириновскому надо было проораться до конца. Или разогреться перед запланированным мероприятием.

Тут в эпизод вплелась наивная и совершенно спокойная реплика моего соседа – депутата Ивана Кирилловича Викторова. Он произнес в направление спины Жириновского: «А что же вы, Владимир Вольфович, смеялись, когда «Родина» заявляла о нарушениях в Воронежской области?» Растравленный собственным ором Жириновский тут же обернулся к Викторову и стал вопить, брызгая во все стороны слюной. Текст ора был бессвязен. Что-то вроде: «Вы, «Родина» - бандиты! Вас для этого и придумали! Подонки! Суки!»

Воздух вокруг меня наполнился смрадными брызгами и затхлостью грязной подворотни. Я брезгливо прикрылся от Жириновского своими бумагами и произнес, не повышая голоса: «Хватить плеваться! Убери слюни!»

С этого момента все внимание Жириновского сосредоточилось на мне. Он побледнел еще больше, глазные яблоки приобрели багрово-фиолетовый оттенок. «Я тебе морду разобью, сволочь!!!» - что-то подобное изрыгнула

пасть. Я опустил бумаги и, как в прошлом инциденте (во время избирательной кампании 2003 года, когда я только обозначил возможность удара ботинком в ухо, но все считали, что этот удар все-таки достиг цели), спокойно предложил: «Попробуй». И еще иронично покачал головой: эко тебя разбирает… Вероятно, моя невозмутимость увела Жириновского за грань. Его психоз прорвало, точно гнойный нарыв.

Задохнувшись ненавистью, Жириновский плюнул в меня что есть мочи. Его стремление набрать во рту как можно больше слюны, позволило мне среагировать. Листы бумаги, которые я держал в руке, мне удалось подставить под плевок. Вонючая аэрозоль отразилась Жириновскому в его собственное лицо.

Дальше я смог восстановить последовательность телодвижений только по видеосъемке. Но и она не отразила всего, поскольку мне, как включенному наблюдателю, кое-что было виднее.

Мой удар в скулу Жириновского последовал вовсе не сразу за его плевком. Мне еще надо было встать с кресла, уклониться от захвата, которым Жириновский и его приспешник, бывший телохранитель депутат Абельцев хотели стащить меня в проход. Иван Викторов перехватил нечто похожее на удар со стороны Жириновского («вялой рукой, не знавшей лопаты», как передал потом свои ощущения Иван Кириллович). Абельцев пытался захватить меня за галстук, потом – тоже произвести нечто вроде удара. Только после этого я наградил Жирика оплеухой.

Жирик пытался отпрянуть, поэтому мой удар шел вдогонку и не был сильным. Не было возможности вложить в удар корпус – стесняла позиция за депутатским столиком, не позволявшая сделать даже полшага или наклониться слегка вперед. Впрочем, я тот момент я инстинктивно ощущал, что причиненный мне ущерб ничтожен – его недостаточно, чтобы ломать Жирику череп. Достаточно обозначить шлепок по физиономии.

Знаю, что многие оспорят это суждение, считая, что я должен был его зашибить чуть ли не насмерть. Но я не убийца и не живодер. Тем и отличаюсь от той шпаны, которую олицетворяет собой Жириновский. К тому же моя профессия мыслительная, а занятие боевыми искусствами – факультатив. Меня больше бы устроило внимание к моей ученой книге в 800 страниц, которую я получил из издательства накануне потасовки. Но ею пресса не заинтересовалась, а с ней – и публика.

После оплеухи Жирику, на меня бросился грузный Абельцев, пытаясь заблокировать в той щели рабочего места, которую я занимал. Он оказался удивительно неловким для охранника. Я просто пропустил мимо себя его вялый удар и уложил на столик рядом выше. Он растянулся как жаба. А я еще придавил его шею предплечьем; потом вывернулся со своего места и встал в проходе на ступеньках, удерживая Абельцева. Снизу ко мне подскочил сынок Жирика – нескладный, но мосластый депутат Лебедев. Он кинул вперед кулак. Я увидел этот удар и легко его сблокировал. Лебедев отскочил как ошпаренный, ожидая более удобного момента для атаки и пропуская других своих соратников вперед. Но те не рискнули.

Затем я ударил в челюсть развернувшегося ко мне лицом Абельцева. Он ведь вовсе не хотел сказать мне, что я не прав. Удар был без размаха и без вкладывания плеча – на ступеньке не особенно развернешься. Одновременно меня же атаковали снизу – Лебедев и еще кто-то. Тут ли я получил по носу, сказать не могу. От атаки я отступал вверх. Кажется, удар Лебедева пришелся мне в плечо, и я отпрянул на две ступеньки.

Вот тут и состоялся «полет свиньи». Жирик, совершенно потерявший человеческий облик, полез по спинкам депутатских кресел и бросился на меня сверху в тот момент, когда я сделал шаг назад, отступая перед наседающим противником. Жирик намеревался захватить за ворот моего пиджака и натянуть его на мою голову, чтобы устроить «темную» - как это принято у шпаны. Не рассчитал – я поймал теряющее равновесие тело Жирика и, сбрасывая с себя пиджак, уронил его на ступеньки себе под ноги. Если бы не лестница, это был бы очень тяжелый удар оземь. А тут Жирик коснулся тверди ногами раньше, чем спиной, чем и смягчил удар.

Картинка была еще та. Подо мной лежал жалкий Жириновский, принявший позу эмбриона и трепетавший в ожидании удара. На какой-то миг я придержал этот удар. И снова ударил Жирика несильно, но больно. Добивание могло быть с вкладыванием всего тела. Но передо мной была беззащитная тварь. Я только обозначил удар, чтобы не было сомнений – оплеуха состоялась.

Возможно, второй удар был бы более жестким. Но атаки жириновцев посыпались отовсюду. Если Жирик был жалок, то воспитанная им биомасса напирала с агрессией, стараясь всунуть кулак или ногу в любое открывшееся пространство. От этого у меня на лице осталось две заметные ссадины. Первый удар ботинком по лицу я получил от депутата Островского – одного из близких партнеров Жириновского. Потом он удрал с места событий. Не зная о его авторстве большой ссадины на собственно лбу, я потом обнаружил Островского в думскому туалете, где смывал кровь с лица. Я сказал довольно мирно: «Хорошо я влепил твоему шефу». Думал, что для Островского это новость. И удивился, когда тот по кафельной стеночке безмолвно выскользнул в коридор. По моим данным, потом он хвастался своему патрону, как он врезал мне «с оттяжкой». Возможно, мой разбитый нос – тоже на его счету. Футболист хренов…

И все же рубец на лбу, ссадина на скуле и кровоточащий нос можно считать сущими пустяками в сравнении с видом трепетавшего Жирика.

Итак, жириновцы облепили меня со всех сторон, пытаясь свалить на ступеньки. Удалось устоять, хотя из носа текла кровь, а по спине «ласково» прохаживались коллеги Жирика (по пленке видно, что лютовали все те же Абельцев и Лебедев). Потом Жирик будет кричать в телекамеры, что кровь на его пиджаке – «коричневая» - это его, что он истекал кровью. Я бы не возражал, чтобы это было так. Но кровь была из моего носа. Не стану перечить и в том, что эта политическая рухлядь носит в себе не алую, а именно коричневую кровь.

Биомасса нависла надо мной как шатер. «Где этот чертов Малышкин!», - звал на помощь своего вышибалу Жирик. Я прикрыл лицо от ударов снизу. Досталось мне немного – я уже чувствовал, что жириновцев начинают растаскивать наиболее подвижные депутаты, оказавшиеся поблизости (спасибо им – настоящие мужики). Поэтому когда я почувствовал, что могу заехать правым локтем в чей-то подбородок, решил не делать этого – мог покалечить своего. То же и с чьими-то пальцами, которые я захватил и готов был уже порвать ладонь по средней линии, но тоже отпустил. Биомасса остывала. Через секунду я выскользнул из ее объятий вверх по лестнице.

В конце заседания Думы Жириновский снова попытался спровоцировать драку – пришел с кучей своих приспешников в зону размещения фракции «Родина» и стал вопить свои гнусности, ожидая, когда можно будет юркнуть за спины «братвы». Мы встретили его хамство хладнокровно. Тем более, что было видно – жириновцы явно трусят. Вопил только их главарь, остальные, что-то вякнув, старались отвести глаза и не привлекать к себе внимания. Проорав, что нас всех перестреляют из автоматов, Жириновский вымелся из зала заседаний.

Вот и вся незамысловатая история.

Для Думы это был позор страшный. Особенно после того, как руководство «Единой России» решило все спустить на тормозах, представив дело тек, будто силовая разборка в зале российского парламента – частное дело ее участников. Грызлову, как мне известно, замять дело дал указание лично Сурков, а тому – Путин. Поэтому предложение о лишении Жириновского поста вице-спикера, выдвинутое при активной поддержке руководства парламентского большинства, после перерыва в заседании рассосалось. Сколь же жалкой является власть, готовая подличать ради трех десятков голосов всякой шпаны! Торжество шпаны – вот что паскуднее всего. Жириновцы весело аплодировали решению Грызлова и его соратников не лишать их лидера государственного поста.

Сатисфакций, которую имеет на сегодня страна, – две увесистые (пусть и не убойные) оплеухи, которые Жириновский получил публично. Первую видели все, о второй могли догадываться. Мне не удалось встретить ни одного человека, который бы не воспринял эти оплеухи как совершенно заслуженные. Вменяемому человеку очевидно, что Жириновского следует проучить и, по возможности, вообще не допускать до политики. Место ему – либо в психушке, либо в тюрьме. Но очевидность, как оказалось, - ничто для политиков и журналистов. Действительно, персонажи гоголевских «Мертвых душ» перед нынешними политическими типами и газетными вралями – просто тряпичные куклы.

Среди политиков рекордсменом лжи стал глава думского комитета по регламенту Олег Ковалев, который и во всех предшествующих думских сюжетах отличался подчеркнутой карикатурностью поведения, каждый раз цинично выворачивая действительность в пользу начальства. В иные времена его погнали бы от политики палками и подняли бы на смех. Но тут не до смеха – Ковалев стал важным фактором политики. Его лицо – лицо

современной власти и образ современного Плюшкина одновременно. Калейдоскопом по этой физиономии скользят наиболее гнусные типажи великой русской литературы, изображающие порок.

Так вот Олег Ковалев, сначала бурно последовавший за начальством в своих требованиях примерно наказать Жириновского за организацию драки и даже лично написавший проект постановления Думы об отрешении драчуна от должности вице-спикера, внезапно сменил позицию. За два часа перерыва в заседаниях он уже переметнулся туда, куда начальство только стыдливо бросило взгляд. Он заговорил, что видеозапись показала невозможность оценки случившегося без вмешательства правоохранительных органов, а в конце даже прибавил, что по его мнению «виноваты оба». То есть Жириновский и я. А куда девалась куча народу, которая бросилась на меня? Да разве Ковалеву отвечать на эти вопросы! Он уже запрыгал впереди несущегося к позору паровоза с Путиным во главе. Грызлов еще останавливал его, предлагая не давать торопливых оценок, а Ковалев уже знал, что Грызлов станет на его позицию, а то и двинется дальше.

Ковалев дал всем пример бесовской издевки над действительностью: «Когда я детально изучил стенограмму и просмотрел видеозапись, у меня возникли большие сомнения в адекватности такого наказания. Ударил-то первый Савельев, а не Жириновский! Мы несправедливо поступим, если накажем только Жириновского. Поэтому я и предложил не рассматривать сегодня постановление, дать время разобраться».

В общем, как в детском саду – а кто первый начал? Как будто двое решили разобраться в песочнице на кулачках. А как же другие персонажи? Да плевать Ковалеву на реальность! Он ее сам создает такой, какую заказывает помысел начальства. Грызлову этакой пакостью заниматься неудобно, так займется Ковалев – всегда на подхвате! Он ведь и в собственную физиономию плевок примет как должное, считая возможным думскую переплевку… Жириновскому можно плевать в Ковалева совершенно безопасно.

Когда Дума отклонила постановку вопроса о санкциях против Жириновского, Ковалев сказал журналистам: «Довольно сложно определить, кто виноват в большей степени - кто спровоцировал ситуацию, или кто первый распустил руки». «Я посмотрел материал - Савельев говорит Жириновскому "Кончай брызгать слюной". Жириновский плюет, Савельев - бьет. Сложно определить, кто виноват в большей степени: кто первый плюнул, или кто первый распустил руки».

Через три дня Ковалев, даже зная, что Генеральная прокуратура начала опрос свидетелей инцидента, предпочел открыто заявиться со своим мнением: во всем виноват Савельев! «Мы пришли к выводу, хотя Жириновский известный человек, и драку связали именно с его именем, но вторая сторона не менее, а может быть и более виновата в происшедшем». Потому мол, что Савельев сказал Жириновскому: «Не плюйся! Уходи отсюда!» «Не знаю, как поступил бы каждый из нас, если бы ему бросили такие слова», - сказал Ковалев. Поэтому Ковалевым оправдан и плевок

Жириновского (если говорят «не плюйся», надо же обязательно плюнуть!), и нападение банды жириновцев, последовавшее сразу за плевком. Вот если бы Савельев плюнул в ответ – тогда другое дело, тогда все было бы «адекватно».

Примерно в том же духе высказалась потом и мандатная комиссия во главе с замшелым депутатом Геннадием Райковым, который, как показал подписанный им текст, вообще был не в курсе дела. Ну да на него Дума даже не обратила внимания – что ж размахивать бумажками, когда история уже быльем поросла!

В этой истории с защитниками Жириновского, занявшими позиции послушного персонала в «партии власти» меня изумляет уродливость человеческих типажей. Разве Гоголь или Салтыков-Щедрин могли бы описать нечто подобное в мире своих персонажей? Им бы такой полет мысли – истинно свинский – не мог бы прийти в голову. Свиньи летают через политический эфир только в путинской России. Там, где настоящая «Родина», свиньи шмякаются оземь сразу, как только намереваются взмахнуть копытами.

Ковалев угадывал движения души начальства уже по тому, как Грызлов реагировал на картину драки, развернувшуюся перед его глазами. Грызлов: «Мужчины, давайте не уподобляться другим парламентам... (пауза в полминуты). Мужчины я вас попрошу... (еще длинная пауза). Мужчины я вас попрошу охладиться в холле... Владимир Вольфович, пожалуйста, выйдите из зала». Как истинный любитель футбола, Грызлов не мог придумать для журналистов ничего умнее, чем удостоить Жириновского угрозы «показать красную карточку». Еще нежнее высказалась мадам Слиска: депутата с таким стажем, как у В.Жириновского, такое поведение не красит. Сильно сказано: «не красит».

Перед этой когортой лицемеров Жириновский выглядит просто милейшим негодяем – негодяем с артистическим даром лгать без тени сомнения и каждый раз по-разному. «Разумеется, я никого не трогал. Все видели, как он меня дубасил, а я еще и виноват. Совесть надо иметь!». За ним столь же артистичное вранье сдавал «Ведомостям» ближний соратник Жирика депутат Митрофанов: «Мы выходили из зала, Савельев начал хамить, задевать Жириновского, а потом все вспыхнуло как порох! Депутаты из "Родины" попытались оттеснить нас от Жириновского, народ психанул, мы увидели, что Жириновский упал, на него набросились, и наши кинулись на помощь». Журналисты все это печатают, не сомневаясь, что Митрофанов мог быть там, где его точно не было – он прибежал, что называется, к шапочному разбору и не видел и не знал ровным счетом ничего. Он и не понял, что рядом с Жириком из «родинцев» был я один, а остальные просто не поспели – практически вся фракция сидела к событию затылками.

Если государственные мужи врали и подличали, то что оставалось делать журналистам? Они вгоняли в подлость своих читателей с не меньшей энергией, чем политики.

Особенно богатым на глупости, пошлости и подлости был первый заряд «информации», выданный в эфир. Ведущие информагентства, обгоняя

друг друга, валили в кучу, что попадя. Писали, что мы с Жириновским не поделили Ямало-Ненецкий округ. Савельев, мол, выразил несогласие Жириновскому, а потом спор перерос в потасовку, а парный поединок – в массовую драку. Писали, что в массовой драке сцепились фракции ЛДПР и «Родина», а фракция «Единая Россия» их разнимала. На деле никакой массовой драки не были – было нападение группы бандитов семеро (или больше) на одного. А разнимали не по фракционной принадлежности, а кто рядом оказался и не струсил.

Коллекцию вранья особенно радостно собрало агентство Волга-Информ. Но не меньше отличился и солидный «Росбалт», повторивший практически те же глупости и добавив к ним, что я являюсь «мастером спорта по каратэ». Весь сюжет свелся к тому, что я «опрокинул вождя ЛДПР на пол и стал бить по лицу».

Другие агентства легко перевирали мою фамилию или имя, имя лидера фракции «Родина» и другие детали, в которых журналистам ошибаться разрешено, поскольку не запрещено. Вспоминали о потасовке во время выборов 2003 года на эфире НТВ, где меня не было. Говорили, что был. Это «Газета.ру». Тот же источник сразу написал, что у меня сломан нос. Разницы между слегка разбитым и сломанным носом для журналистов не существует. Как и разницы между потасовками на НТВ или на РТР.

И ведь дал же я пояснения по горячим следам! Как ни слушали журналисты, что я им говорил, все равно все пропустили мимо ушей. Я говорил, что Жириновский втянулся в словесную перепалку с депутатом Викторовым, а писали, что это я обратился к Жирику первым («Новые известия»). Мне приписывались самые удивительные слова, которые я в принципе не мог произнести. ИТАР-ТАСС сообщил, что я «пытался "загородиться документами, однако бой был неравный». Ну и что же, что это не произносилось. Зато знатное агентство первым вывалило свой вранье в эфир.

А вот выдумка агентства «Регнум»: «Фракция ЛДПР …по дороге побила депутата от фракции "Родина" Андрея Савельева. От плевка Андрей Савельев закрылся листком бумаги, а затем встал и ударил Владимира Жириновского по лицу. Тот нанес ответный удар». Не было никакого «по дороге», не было и ответного удара – Акелла промахнулся. Но затем не было того, о чем написал ироничный Максим Соколов – не было никаких депутатов «Родины», которые накинулись бы на него. Только я. Напротив, «Родина» не поспела мне на помощь, поскольку парадоксальным образом потасовка катилась не вниз, а вверх по лестнице, удаляясь от мест «Родины» в зале. Да и пробиться ко мне сквозь груду тел было совершенно невозможно уже через полминуты с момента начала шума, на который стоило обратить внимание.

Полный идиотизм был в сообщении «МК» (Марина Озерова), где написали, что я похвалялся «специальным каратеистским приемом», которым завалил «старшего коллегу. Тот же бабский дух проявился и в сообщении «Стрингера», где наши счеты с Жириком были отнесены к 1993

году, когда не теледебатах «они подрались, и Жириновский был немного поколочен молодым лихим Андреем Савельевым (мог бы и пожалеть пожилого заслуженного политика)». А теперь «вождь напал на Савельева. И был тут же ужасно побит молодым и борзым Савельевым. Их разнимали все новые и новые люди, и сами становились участниками драки. Образовался целый клубок дерущихся политиков». И тут ни слова правды!

«Коммерсант» (Сюзанна Фаризова) повторил глупость, про спор вокруг ЯНАО, который к делу отношения не имеет, и приплел сюда информацию о моем разорванном пиджаке, который в действительности был совершенно цел. Тут же в сюжет была включена депутат Тамара Плетнева, которой и близко там не было. Ей приписали чуть ли не роль заслона против Жириновского. Малышкина же, также бывшего где-то далеко от своего хозяина, эта бабская сплетня поместила в центре событий: «Боксер в это время плечом к плечу с остальными членами ЛДПР использовал против депутатов "Родины" вполне рядовые удары кулаком в лицо». Таких ударов не было, как и самого Малышкина.

Еще один бабский выверт – на Утро.ру (Евгения Чубаха), где материал с коллекцией вранья назвали просто: «Жириновский набил морду "Родине"».

Некие борзописцы решили подлить масло в огонь, выдав как достоверную информацию: мол, Жириновский в 2003 году на выборах «получил в ухо за отказ от еврейских корней». Теперь эту байку подхватил популярный ведущий НТВ В.Соловьев. Он не раз подкатывался к своим жертвам с намеком: «Так это тот Савельев, который подписал то самое письмо». Теперь «то самое» письмо принято называть «антисемитским». Только потому, что так решили журналюги и лидеры еврейских общин. На самом деле никто из них письма не видел и не читал. Точно также НТВ могло от меня слышать, что «депутаты фракции ЛДПР позволили себе оскорбления в адрес одного из депутатов "Родины"» и, якобы, это послужило причиной схватки. Не было ничего подобного! Я не мог говорить о себе в третьем лице! И тот факт, что я не высказываюсь о евреях исключительно как о покойниках – только самое благостное! – никак не тянет на антисемитизм.

Я отношусь к редкой категории граждан, которые принципиально не смотрят телевизор. Поэтому не могу комментировать придумки Соловьева и ужимки его приятелей, которых он вполне обоснованно приглашает в эфир, исходя из общности задачи – общей борьбы с антисемитизмом. «Крыша съехала» у него именно под этим углом. Разумеется, и мне по этой причине досталось – съехавшим углом. И, думаю, еще не раз придется отвечать на идиотские вопросы, подобные тем, которые задает Соловьев в своих передачах. Наверняка он спросит меня, «за что ты ударил старого человека?» В том смысле, почто обидел милого Жириновского? И тут же подскажет: так именно потому что он еврейских кровей!

И все же рекордсменом вранья стала газета «Жизнь». Ей не впервой. Газета умудрилась саму себя опровергнуть на соседних страницах, не стесняясь разительных противоречий. Как и другие издания, события в зале заседаний российского парламента, «Жизнь» интерпретировала как драку

Жириновского и Савельева. Все видели, что это не так, что было групповое нападение на меня, но журналистам такие детали понять не под силу. А вот все остальное в «Жизни» - удивительная смесь выдумок. Абельцев мечет в меня стопку бумаги. Не было. Правой рукой я, будто бы, поставил блок на руку Абельцева, а другой «засадил» в Жириновского. Не было. Или было, но совсем не так. Потом еще один удар «цки» в грудь. Не было. Будто бы после голодания я вешу 70 килограмм. Вранье – почти 80! Будто бы депутат Овсянников ударил меня в грудь так, что я перелетел через три ряда. Вранье. Он не бил, я не перелетал. Будто я тренируюсь в ЦСКА три раза в неделю. Вранье. В общем, какой-то беспредел вранья. И опять все это прошло по бабской линии. Автор – некая Тальяна Тоберт.

Меня очень удручил Сергей Бабурин, отправившийся на теледебаты с Жириновским, от которых я отказался, предлагая тогда уж сразу заказывать мордобой в прямом эфире. Бабурин предпочел появиться перед телезрителями на канале Рен-ТВ, где был обозвал «жирной свиньей», а на вялую попытку напомнить о возможности «дать по морде» - заявление, что его «тут же пристрелит охрана». (Как охрана двух вице-спикеров начала хвататься за пистолеты, в эфир не дали.) Наглотавшись запредельного хамства, Бабурин снизошел до подписания общего заявления депутатов «Родины» и КПРФ с призывом бойкотировать любые передачи с Жириновским. Нельзя без ущерба заниматься полетами через телеэфир совместно с Жириновским! Тут место только для свиных стай.

Не знаю, что там показывали за рубежом, но один из моих друзей написал мне, что новости по одному из популярных каналов ФРГ начинались весь день не со Шредера, а с Савельева. В Америке НТВ транслировало все с той же интенсивностью, что и в России. А по американским каналам без комментариев показали думскую свалку, указав, что в России все еще хуже, чем у американцев. Там тоже все это очень любят.

Поток вранья по поводу думских боев прервался, как только умер Папа Римский. Не так часто приходится хоронить Папу, чтобы забить эфир чем-то более приличным, чем то, чем он забит постоянно. Новое шоу сменило прежнее.

Как и страну, меня удовлетворяет общее эмоциональное переживание, в котором мне довелось сыграть важную роль. Влепить Жирику по морде – это дорогого стоит. Вдвойне дорого сделать это публично, втройне – знать, что это событие увидели миллионы людей. Кроме того, из этого эпизода и позиции Кремля, я могу теперь сделать достоверный вывод о том, что ВВЖ – просто другая сторона ВВП. В Жириновском власть обнажает свое существо, свои спрятанные от общества психозы.

Множество слов поддержки, услышанных мной за два дня, пробуждают надежду, что в обществе еще не все потеряно. Если Жириновского можно бить перед телекамерами, значит шпану, заполнившую страну, можно и нужно бить повсеместно. И гнать отовсюду – из власти и вообще с белого света – куда-нибудь с глаз долой.

Так думают все приличные люди. Но у неприличных политиков своя солидарность. Как раз в период, когда Генпрокуратура решала, что же делать с моим заявлением против банды Жирика, фактически было объявлено, что ЛДПР теперь имеет статус «партии власти». На заседании Государственной Думы Борис Грызлов отчитался перед депутатами о том, что исполнение поручения Президента начать сотрудничать с оппозицией состоялось. Как напомнил Грызлов, накануне в эфире государственного телеканала выступили со своими оценками торжеств 9 мая Зюганов и Рогозин, "а нас с Жириновским там не было". Таким образом, как оказалось, оппозицией Грызлов числит только КПРФ и "Родину", а свою партию и союзную ей ЛДПР - как правящие. Тот факт, что Жириновский продолжает обслуживать Кремль, можно считать еще раз подтвержденным. И это объясняет все – в том числе и результаты работы прокуратуры по эпизоду «Полет свиньи». Затеянная жириновцами драка квалифицирована как мелкое хулиганство, а сопротивление нападавшим расценено как соучастие в организации драки.

Срам Генпрокуратуры, разумеется, был заказан Кремлем. Следователь по особо важным делам Лосева (заметим, что здесь понадобилось разбирать именно «особо важное» дело, а не мелкое хулиганство) сделала свою часть работы отменно. Но выводы за нее написали в Кремле – мол, нет повода для возбуждения уголовного дела.

В Думе все было готово, чтобы оградить Жирика даже от ответственности за мелкое хулиганство. Грызлов не заседании Думы не дал никому рта раскрыть – сразу поставил на голосование подготовленный проект «закрытия» дела.

Выполняя задание своего аморального начальства спикер Думы Б.Грызлов сам пошел на аморальный поступок и склонил к нему весьма нестойких и готовых обмануться О.Ковалева, председателя Комитета ГД по регламенту и Г.Райкова, председателя Комиссии ГД по депутатской этике. Оба они, способствовав закулисному разрешению вопроса и уравнивая всех участников потасовки, цинично попрали неписанный моральный закон и отныне должны считаться аморальными типами. Грязное пятно на репутации получили все голосовавшие под давлением Грызлова, Ковалева и Райкова депутаты «Единой России». Они не смогут оправдаться тем, что спасали меня от преследований прокуратуры. Меня спасать не нужно было, надо было спасать свою репутацию.

Депутаты «Единой России» сделали вид, что в истории моего столкновения с группой бандитов фракции ЛДПР, скрывшимися под личинами народных избранников, не все ясно. Для общества никакой неясности нет - каждый мог оценить, что тогда произошло в Думе, поскольку событие транслировалось многократно и вызвало бурный интерес. Даже беспросветное вранье прессы не исказило отношение людей к происходящему: «Наконец-то негодяй получил по физиономии!»

Отказавшись обсуждать представление Генпрокуратуры о лишении депутатской неприкосновенности группы во главе с Жириновским и меня, думское руководство нарушило законодательство о статусе депутата и

совершило моральное преступление. Состоялся тихий позор государственной власти.

Полагаю, что в истории, проявившей глубокую моральную деградацию власти (начиная с Кремля), всем очевидно, что Жириновский и его банда были стороной нападающей, а я - стороной обороняющейся. Жириновский планировал оскорбить и унизить меня, но все сложилось не по его сценарию. Изменение сценария было не в интересах власти, и власть, вопреки очевидности, пошла на подлог. Слабину дал и Генеральный прокурор Устинов. Кто теперь поверит в искренность его слов против преступности, произносимых порой с такой страстью?

Кремль просто продемонстрировал, что Жириновский - его любимое дитя, в свое время принятое властью с рук на руки сначала от КГБ, а потом от Ельцина. Подлость Жириновского - это, собственно, и есть сущность сегодняшней кремлевской шайки. Путин, Грызлов, Жириновский, Кудрин и прочие - это просто разные лица с одной и той же подлой сущностью. Жириновского не сдали именно потому, что это ИХ человек. Своих Кремль не сдает. Он предпочитает сдавать Россию - всюду, где только удается.

С такой властью, с этими моральными уродами Россия выжить не может. Значит, она либо умрет, либо приведет к власти людей с иными моральными установками.

Кому эта мерзость не по душе остается только одно – идти сражаться за Родину! Как? Как совесть подскажет.

Бусидо
и русский путь

Восточные единоборства не могут представлять опасность для русского духа, для русской веры и русского национального самосознания, если только не превращаются в манию или тему для досужей болтовни. Манией восточных единоборств страдают так же, как и манией парапсихологии, колдовства или НЛО. Обычно такие маньяки всерьез не в состоянии заниматься единоборствами – на это у них просто не хватает духа. То же касается и разного рода обыденных представлений о Востоке, часть из которых профанно оценивает восточные боевые искусства как некую тайну, вокруг которой много судачат, но всерьез коснуться этой тайны не желают.

Православие – мировая, а не этническая религия. Именно поэтому русским православным людям есть дело не только до собственного культа, но и до всех культурных достижений человечества. С православной точки зрения можно судить обо всем. Поэтому православный человек не ослабеет в вере, если будет заниматься боевыми искусствами всерьез – как защитник Отечества, собственной семьи и правды Божией. Противостоять злу – в этом смысле боевых искусств. Смысл освоения восточного опыта – в познании боевых систем, выверенных веками.

В русской истории не было таких условий, как в Японии, где внешняя агрессия отсутствовала веками, а военный опыт приобретался преимущественно на чужой земле и в столетиях дуэльных поединков в среде воинского сословия. Именно эти условия позволили родиться школам боевых искусств, династиям мастеров, филигранно оттачивающих свое искусство, исходя из опыта своих учеников и последователей. Почему же для нас в этом опыте нужно видеть только вред, если у нас не было таких условий и школы боевого мастерства просто не появились? Традиция, закрепленная веками, достойна уважения, на какой бы национальной почве она ни утвердилась. Во всех Традициях есть нечто общее, а значит, есть повод для «диалога культур», в котором каждая из сторон может почерпнуть нечто для собственного национального достояния.

Гордость Востока перед дикостью Запада

У одного из самых популярных в Европе японских писателей Рюноске Акутагава (1892-1927) есть рассказ «Носовой платок». В рассказе европеизированный профессор размышляет о бусидо как о вкладе Японии в мировую культуру, а мотом разговаривает с женщиной, только что потерявшей своего юного сына – ученика профессора. Голос женщины не дрожал, на лице порой даже мелькала улыбка. Но поднимая случайно упавший веер, профессор случайно заметил в руках женщины платок, который она изо всех сил комкает дрожащими пальцами. «Дама лицом улыбалась, на самом деле всем своим существом рыдала». Профессор воспринимает это как образец бусидо японских женщин. Но по законам жанра профессору на глаза тут же попадаются строки европейского театрального критика, в которых он называет дурным вкусом «двойную игру», когда на сцене героиня улыбается, комкая в руках платок.

Попытка расширительно толковать бусидо может приводить именно к таким казусам – трагичное может показаться смешным или глупым, гордость – напыщенностью и чванством, учтивость – заискиванием, ярость – психозом. Это именно та опасность, которая подстерегает русского человека, пытающегося поверхностно взглянуть на восточные боевые искусства.

Запад играет «двойную игру» не только на сцене, но и в жизни, и смеется над собственными штампами и похожей на глупости чертами чужой жизни. Восток имеет другие штампы и собственное чувство юмора. Но бусидо – не штамп, над ним смеяться – значит быть дураком. То есть, повторить обывательскую издевку в отношении непонятного явления – смешного, глупого, дикого в представлениях обывателя Запада, не забывающего посмеяться и над собственной героической историей, оболгать и извратить ее, обругать героев прошлого, которые никак не вписываются в «демократические ценности».

Из непонятного самурая досужий европеец лепит персонаж попкультуры – туповатого супермена, демонстрирующего скорее акробатику, чем способность к реальному бою. Между тем, бусидо понимается не обыденным сознанием и, скорее всего, не философским рационализмом. Бусидо – это и техника боя «глаза в глаза», и рафинированный дух аристократического служения господину – этика верности. Имея в виду иерархию, поднимающуюся до Господа, мы не можем пренебрегать уроками долга и служения, которые дает нам история самураев и этика бусидо. Понять бусидо – это понять подвиг. А подвиг тиражировать невозможно. Особенно, когда он связан со смертью.

Самураи – аналог русских дружинников, позднее - дворян. Изначально слово «самурай» означало служение «великому человеку» своим мечом. За службу самураи наделялись уделами – как изначально и русские дворяне. Только для самураев служба оставалась до конца существования этого сословия главным источником жизни. Никакой «вольности» самураи не получали, праздности в родовых поместьях не предавались и всегда оставались служилым сословием со строгой внутренней иерархией и ритуалами почтительности низших к высшим и высших к низшим.

Слово «буси» - не синоним слова «самурай». Его можно трактовать по означающему иероглифу как «воин, способный остановить копье». Значения этих слов совпадают в реальной практике воинской службы и соответствующих этических установках. Самурай – вон. Он же – буси. Но не просто солдат, а еще и творец – для него меч и перо равнозначны. Даже смерть свою самурай, знающий Путь (то есть кодекс бусидо), предпочитает встречать поэтическим сочинением.

Культура Японии во многом заимствована от ближайших соседей. Это относится и к боевым искусствам. Так, культурный облик самурая означал непременное знакомство с китайской литературой и поэзией, а боевое искусство сложилось из элементов китайских и корейских боевых искусств. Южное княжество Рюкю (Окинава) до XIX имело двойное китайско-японское подчинение. И именно там прошли становление школы боевых

искусств, а сегодня – сохранились школы единоборств в наименее измененных видах, менее всего искаженные спортивными задачами текущего дня.

На севере японцы многое восприняли от *айну* – не только боевые навыки, но и обряд ритуального самоубийства *сэппуку* (известного европейцам чаще как *харакири*). Напротив, некоторые обычаи у японцев умирали. Можно привести пример обычая, сохранившегося только у жителей южных островов Амами, которые эксгумировали захороненных соплеменников через три года, омывали кости и складывали их в общих пещерах – точно как принято в православной святыне на горе Афон.

Все эти внешние заимствования в Японии «проварилось», превратившись в национальную воинскую культуру, которая и вошла в сокровищницу мировой цивилизации, оставив иные элементы японской культуры в качестве фольклорных причуд, занятных, но не приемлемых для других народов. При этом исходно китайские боевые искусства были избавлены от того эзотерического тумана, который и теперь для европейцев интересен скорее как досужий вызов рациональной науке и многозначный ребус-иероглиф для профана, объяснение которому могут дать только воображаемые наследники великих мастеров древности.

Самурайская этика в ее изначальном варианте серьезно отличается от русской традиционной этики, но в современности противоречия сглаживаются. Многое из японских (в целом – восточных) боевых искусств для нас – бесценный источник, пополняющий нашу национальную Традицию. В то же время представляется глубоким пороком всякая увлеченность восточной «эзотерикой», без которой, якобы, познание боевых искусств невозможно. Этот порок возникает из заблуждений, переносящих на японских аристократов и воинов прошлого наши собственные представления о мастерах современных восточных единоборств.

Воинское сословие – признак любого общества. Особенность Японии – исторический разрыв, когда после эпохи сплошных гражданских войн 1490-1600 (век войн, эпоха Сэнгоку) наступил длительный мир, установленный династией *сёгунов* Токугава. В «век войн» воинское сословие потеряло устойчивые границы – каждый умелый воин, независимо от происхождения, мог подняться по ступенькам воинской иерархии и стать видным самураем. Междоусобицы породили огромные армии «бесхозных» воинов-*ронинов* – самураев, потерявших хозяина и готовых к наемной службе или выбору хозяина. Война привела к гибели множества знатных фамилий и образованию новых могущественных кланов. И только *сёгуны* Токугава прекратили размывание японского общества и снова замкнули воинское сословие, прекратив распри. Гражданские войны провели отбор наиболее склонных к воинскому служению и дисциплине служения. Эпоха Токугава дала этой группе смысл служения и систему подготовки к нему.

В затяжных войнах между кланами воинский дух сам собой распространился во всех сословиях, а этика самурая стала понятной и доступной всем слоям японского общества. Но не всякий готов был стать

самураем и рисковать жизнью. Определенный «консенсус» сложил традицию, в которой каждому было понятно, что самурайские привилегии (крайне скудные у подножия сословной пирамиды) обусловлены жертвенный служением – смертоносный меч защищал жизнь, честь и мир.

В эпоху Токугава понятие бусидо приобрело более ясные очертания (первое его употребление относится к VIII веку). Разного рода трактаты (начиная с XVII века) стали руководством к действию сословия самураев, которое теперь в основном было занято государственной службой. Боевые искусства сконцентрировались в школах, позволявших поддерживать дух воинского сословия и готовность к войне.

Век войн оставил в самурайской этике неизгладимый отпечаток. Главным для воина была храбрость, но не верность господину. Ведь господин мог погибнуть, его армия могла потерпеть поражение и быть рассеянной. Поэтому формализация кодекса верности была особенно актуальной для периода мира. Вместе с тем, как считалось, подвиги прежних мастеров меча прощали им непоследовательность в служении господину и несоответствие некоторым положениям позднее разработанного этического кодекса. Коль скоро мир не давал самураю случая повторить подвиги предков, он обязан был концентрироваться не на их критике, а на достижении собственного достоинства – компенсировать отсутствие военных достижений демонстрацией верности господину и другим правилам поведения. При этом правила поведения менялись от века к веку – чем дальше в глубь времен отодвигалась эпоха войн.

Кодекс бусидо изначально включал в себя учение *дзэн* (с рубежа `XII-XIII вв.), доступное воинам в силу своей простоты по части ритуальной практики и полезности с точки зрения военного искусства как средство медитации, концентрации и самоконтроля. Вместе с тем, наиболее прагматичные школы боевых искусств предпочитали «не повторять древних слов» и давать конкретные технические навыки, тактические и стратегические умения для ведения войны, сражения или поединка. Этим объясняется разнообразие школ боевых искусств, каждая из которых выбирала свою меру духовных практик и их приложения к техническим приемам владения мечом или схватке без оружия.

Кодекс верности господину оказывался средством консолидации воинского сословия, но в то же время затруднял контроль *сёгуна* за своими вассалами, между которыми то и дело вспыхивала вражда, а отношение между самураями постоянно балансировали на грани кровавых схваток, возникающих здесь и там по любому поводу. Переход от удельной к общенациональной консолидации состоялся только в XIX веке, когда давление внешних сил вынудило Японию к открытию для международных контактов и потребовало сплочения против иностранной экспансии. Императорская власть, служившая многие века только своеобразным украшением жизни и данью древней традиции, вдруг стала важнейшим элементом японского государства.

Бусидо стал консолидирующим принципом, соединяющим разнородные провинции в японскую нацию. Сословие самураев пребывало во главе реставрации власти императора и, отдав все жизненные силы общественной трансформации вместе с удержанием Традиции, превратилось в общенациональную аристократию. Самурайский дух и кодекс бусидо позволили революции стать национальной, а не только социально-политической, - то есть, настоящей реставрацией.

Кажется, что кодекс бусидо потерпел поражение во Второй мировой войне. Между тем, это было поражение перед лицом превосходящей технической мощи – точно так же русские моряки, демонстрируя беспримерное мужество, были разгромлены в Цусимской битве с японским флотом, построенным лучшими европейскими мастерами и вооруженным принципиально более могущественными средствами, которым русским в тот момент нечего было противопоставить.

Япония не смогла противостоять военной мощи США и атомной бомбардировке. Бусидо бросал в бой тысячи героев, но большинство из них погибало, так и не добившись результата. Летчики-камикадзе только на некоторое время сдержали наступление американских авианесущих флотов, но не смогли их остановить. Ядерному оружию не мог противостоять воинский дух, имевший на вооружении только средства доядерной эпохи. Воинский дух одинок и бесплоден, если лишен технической мощи, созданной трудом ученых, промышленников и рабочих, если солдат не накормлен, офицер не знает ценностей национальной культуры, а генерал лишен представлений о современной стратегии.

Послевоенное возрождение Японии связано с новым проникновением бусидо во все слои общества. Общенациональная трагедия дала возможность трактовать бусидо как кодекс чести любого гражданина, готового защищать Родину, подражая подвигам ее защитников. Самураем мог быть каждый, даже не обращаясь к воинской службе. Мужчина должен быть самураем, чем бы он ни занимался. Это соответствовало древней трактовке бусидо, когда в эпоху гражданских войн доблесть ценилась выше знатности.

Один из талантливых интерпретаторов принципов бусидо Дайдодзи Юдзан (1639-1730) писал: «Наша страна отличается от всех остальных земель тем, что даже последний из людей, крестьян, ремесленников и торговцев всегда хранит какой-нибудь заржавленный клинок, в чем и проявляется воинский дух Великой Японии».

Мастер меча Миямото Мусаси (1584-1645) также на склоне лет черпал вдохновение для своих мыслей в простых профессиях, полагая, что принципы бусидо присутствуют в любом мастерстве, ибо и плотник – тоже самурай. Любая профессия открывает Путь.

Дикий Запад не может проникнуть в смысл бусидо, чтобы почерпнуть в древних принципах Востока нечто полезное для себя. Русским не стоит идти по этому пути – либо отбрасывать Восток как наскучившую диковинку, либо увлекаться им до одури, забывая собственные национальные ценности. Мы вполне можем отделись вредное для нас от полезного и воспринять

последнее, приняв восточную мудрость и превратив ее в собственное достояние.

Сказочные герои японцев

Японский народный эпос лишен того героизма, который мы знаем по русской и европейской традиции. Примитивные легенды о происхождении вещей – чуть ли не самые красочные в японской мифологии. Самураи из этой мифологии вряд ли могут вызвать интерес у европейца и служить нравственным примером. Борьба культурных героев с фантастическими существами изобилует жестокостью (например, в легенде, согласно которой «герой» в качестве приманки для бога грома использует хладнокровно убитую к этому случаю девушку). Подобные ужасы встречаются в европейских сказках, но не в русских.

Легендарные герои добиваются успеха и совершает подвиги вовсе не так, как русские богатыри, предпочитающие честный бой. Японский принц Ямато Такэру в одном случае убивает двух опасных преступников, проникнув к ним в палатку переодетым женщиной, в другом – расправляется с разбойником, вложив ему в ножны деревянный меч, а потом предложив помериться силами. В русском былинном эпосе подобные «хитрости» встречаются только в неравном бою. Русской богатырской мощи хитрость претит, она требует открытого боя.

Японский эпический герой – силач и добряк Бэнкэй в юности был буддийским священником, но закрутил роман с красавицей, потом украл огромный колокол из соседнего монастыря, и наконец, вовсе решил стать чем-то вроде Соловья-разбойника из русской сказки – сидел у моста, который трудно было миновать, и убивал самураев, коллекционируя их мечи и мечтая набрать не меньше тысячи. От этой затеи, когда осталось отобрать у очередного соперника последний меч для коллекции, его избавил другой мастер меча Минамото Ёсицунэ, победивший разбойника ловкостью и вынудивший его стать своим вассалом. Исторический персонаж Ёсицунэ был убит по приказу своего единокровного брата Ёритомо (факт, относимый к 1189 году). Отсеченную голову Ёсицунэ принесли брату в лаковой шкатулке, заполненной *сакэ*. И это было проявлением уважения к убитому за его знатность и заслуги.

Простонародное восхищение силой переходит у японцев и в аристократическую моральную норму: «Путь лежит в более высоких пределах, нежели праведность». Высшее предназначение самурая вне праведности – эта установка эпохи гражданских войн позволяла многим самураям одолевать врага коварством. Позднее японцы стали ценить добродетель больше, чем доблесть. И все же доблесть вызывала уважение даже без добродетели: самураи прославлены молвой за участие во вздорных потасовках, гораздо реже - в битвах и поединках.

Кодекс бусидо гласит, что самурай, чей долг состоит в преследовании грабителей и воров, не должен подражать путям этих преступников. И все же

многое в повадках средневековых самураев, описанных в японском эпосе и литературном наследии, для нас трудно отделимо от повадок разбойников.

Неоднозначность японских героев в полной мере может быть прослежена и в восприятии японцами исторических персонажей.

Задира Миямото Мусаси

Уже упомянутый нами Миямото Мусаси (1584-1645) – достаточно характерная личность для переходной эпохи, когда еще требовались лихие рубаки для участия в битвах, но воинский дух все чаще демонстрировался в дуэльных схватках.

Судьба Миямото покажется любому европейцу изломанной, подобной судьбе какого-нибудь «джентльмена удачи». Он с ранних лет проявил невероятную агрессивность и уже в 13-летнем возрасте вступил в драку, которая закончилась для его противника смертью. В дальнейшем Миямото путешествовал, затевал потасовки или вызывал на дуэль знаменитых фехтовальщиков. На его счету более 60-ти только дуэльных побед, подавляющее большинство их которых закончилось смертью противника.

Миямото периода своей бурной юности – чрезвычайно отталкивающая личность. В нем нет ни жалости, ни уважения к противнику. Он как будто намеренно жил так, чтобы вызывать к себе омерзение у благородных самураев – ходил немытый и нечесаный, а свои победы норовил одерживать самым оскорбительным для противника образом, противника добивал, когда тот был повержен и беспомощен.

Точно не известно, чем досадила Миямото семья Йошиока, но он последовательно вызвал на поединок трех братьев и убил их. Последний пришел расправиться с Миямото в сопровождении слуг. Но Миямото ответил своей «военной хитростью» - напал на противника из засады и зарубил его, а от слуг отбился и убежал.

На поединок с Сасаки Кодзиро, автора техники меча «пируэт ласточки» Миямото вышел после большой попойки и с обломком старого весла, который был лишь слегка обструган по дороге на место схватки. Этим веслом Миямото убил прославленного воина. Удар меча Сасаки Кодзиро лишь рассек повязку на голове задиры и пояс. Не обращая внимания на свалившиеся штаны, победитель устроил дикую пляску над телом поверженного противника. С тех пор Миямото предпочитал забивать своих противников насмерть деревянным мечом.

Не раз Миямото менял своих хозяев, участвуя в битвах гражданской войны и порой воевал против того, за кого выступал еще совсем недавно. В юности он воевал на стороне могущественного клана Асикага, а позднее – на стороне клана Токугава в войне против Асикага.

В пятидесятилетнем возрасте Миямото удалился от мира, занявшись исключительно совершенствованием в искусстве меча. Он жил в пещере, не соблюдая элементарных норм гигиены, что для средневекового самурая было делом совершенно невозможным. Миямото отказался даже от привычной самураю ванны – чтобы не дать себя застигнуть без оружия. На склоне лет

Миямото создал свою боевую систему. Его трактат «Книга пяти колец» («Горин-но Сё») дает лишь некоторые намеки на суть этой системы, но для японцев до сих пор служит хранилищем мудрости – рецептом жизни, аналогичным боевым умениям.

Миямото Мусаси не обращался к этическим наставлениям, но все искусство меча обращал к убийству. Лишь иногда он напоминал своим последователям, что Путь смурая должен основываться на превосходящем человеческое. Молва также приписывает Миямото искусство каллиграфии, живописи, поэзии, оружейного дела. Вероятно, это было следствием моды на предание об универсальном самурае и отчасти объясняется готовностью безвестных авторов к подделкам, превращавшим их произведения в ходкий товар.

Герои резни в Эдо

Резня в Эдо (современный Токио) 1702 года исходным событием имела нападение Асано Наганори на престарелого церемониймейстера при дворе *сёгуна* – Кира Ёсинака. Асано прямо в покоях *сёгуна* обнажил свой меч, набросился на старика, рассек ему лоб, а потом погнался за ним и еще дважды достал плечо своей жертвы. Асано с трудом скрутили. Наказанием за безобразие во дворце *сёгуна* была избрана *сэппуку*, клан Асано распускался, а владения конфисковались. Так власть расправлялась с теми, кто пытался сохранить старинный обычай мести за всякие пустяки, смысл которых утрачен и, кажется, не имел особого значения и для самих мстительных самураев. Только театральные «версии» придумывают, почему Кира «плохой» – то ли соблазнил жену Асано, то ли выставил его неотесанным дурнем перед послами императора. Но это такие же версии, как и современные газетные интерпретации событий.

Для русского человека диким покажется и сцена погони за стариком по коридорам дворца – без причины и смысла, и жестокость наказания не только зачинщика безобразия, но и его слуг. Японский менталитет, напротив, не ищет в событии никакого смысла или оправдания. Для него месть оправдана сама по себе – в особенности, когда ее осуществлению препятствует смертельная угроза, а мститель пренебрегает ею и даже не собирается от нее каким-то образом уклониться. Удивительно, но перед этим уважением к мести бледнеет даже позорные для самурая промахи меча Асано – он лишь три раза слегка зацепил Кира. Вероятно по причине того, что вынужден был применить короткий меч *вакидзаси*, а не длинный боевой меч, который в помещениях дворца носить было запрещено. Данное обстоятельство толком не разобрано в японском предании, поскольку оно ровным счетом никого не интересовало.

Итак, с казни Асано начинается история «резни в Эдо» или «история преданных вассалов». Если месть 47 самураев, служивших Асано, власти считали верхом безумства и произвола и даже запрещали упоминать имена преступников в традиционной японском театре Кабуки, то народная молва, напротив, сохранила эту историю как образец самого достойного поведения –

преданности господину. Преданность выразилась в том, чтобы сначала обмануть внимание властей, разбредаясь по стране и ведя распутный образ жизни, а потом неожиданно собраться вместе и ворваться в покои своей жертвы... Нет, не *сёгуна*, казнившего хозяина, а несчастного Кира Ёсинака!

Кстати, *ронинам*, осуществлявшим месть, пришлось переступить даже через уважение и любовь к своим семьям, которые оставались без средств к существованию. Противоречие между *гири* (верность господину) и *ко* (принцип сыновьей почтительности) разрешается «Верные самураи» перебили слуг Кира – некоторые сражались весьма стойко – и отрезали голову самому Кира. Затем принесли эту голову на могилу Асано и отправились пить *сакэ*, ожидая ареста и неизбежной смерти. Ждать им пришлось недолго – все они были приговорены к *сэппуку* и последовали вслед за своим хозяином.

Осуждение «преданных вассалов» в общественном мнении не состоялось, хотя во время разбирательства им предъявляли претензии нравственного порядка – за то, что они не совершили *сэппуку* сразу после мести, за то, что они не попытались отомстить непосредственно после смерти своего хозяина, и др. В целом месть выглядела скорее заранее спланированным мятежом. Общественное мнение лишь смягчило приговор: не казнь, а *сэппуку* – почетное подобие самоубийства самурая.

Интересна типология самурайского героизма, затмевавшая собой реальных участников «резни в Эдо». Одни из них – грубоватые рубаки. Другие – воины-интеллектуалы, третьи – старики, внезапно демонстрирующие чудеса фехтовального искусства. Физическая немощь, субтильность, приобщенность к небоевым искусствам для японцев служат скорее камуфляжем для силы духа и мастерства воина. Объединяет все эти типажи невозмутимость – безразличие к своим подвигам. Самураи оставляют победу в поединке над очередным врагом без внимания. Поверженный противник для них не интересен. Самые любимые самурайские персонажи – мягкие и обходительные, мастера каллиграфии и музыканты, чьи обыденные черты как бы скрывают виртуозное владение оружием. Грубая сила никогда не встречала у японцев одобрения. Утонченная хитрость или коварство – вот чем самураи одолевали силачей.

Деталировка боя в описаниях подвигов «преданных вассалов» отсутствует – все авторы ограничиваются метафорами. Характерно, что и в трактатах по боевым искусствам детали исчезают. Умение владеть мечом подобно чуду – часто встречающаяся метафора при описании схватки: «боги появляются, демоны исчезают».

Личные переживания для самурая считались чем-то постыдным. И только перед смертью им положено было писать пронзительные своей краткостью и образностью стихи, выражая последнее чувство перед небытием – своеобразные завещания. Главный их мотив – спокойная готовность к смерти, сквозь которую все же пробивается щемящая тоска по жизни.

Эта достаточно убогая и совсем не романтическая история, с точки зрения русского человека, для японцев оказывается источником вдохновения – целого культурного пласта, выраженного в устных рассказах (на специальных уличных «шоу»), представлениях театра Кабуки, в изобразительном искусстве и т.д. – вплоть до наших дней. В ней, правда, нет ничего, проливающего свет на боевые искусства. Зато есть определенный этический стандарт, демонстрирующий удивительное для нас сочетание бунта и покорности, коварства и самоотречения. Одно мы можем принять, другое обязаны отвергнуть. Для русского в этой истории неприемлемы все мотивы поступков «верных самураев», но сами поступки – имей они иные мотивы – могут быть образцом воинского стоицизма, верности и долга.

Мятежный герой Сайго Такамори

Европейцу трудно представить более противоречивую фигуру, чем Сайго Такамори (1827-1877), который стал в Японии признанным национальным героем. Происходя из низшей категории самураев, он верно служил сыну *даймьё* провинции Сацума Симадзу Нариакира и немало сделал, чтобы поддержать его против Хисамицу - незаконнорожденного претендента на этот пост. После смерти своего господина Сайго пытался покончить с собой. Но не ритуальным образом - путем *сэппуку*, а утопившись в море. Эта попытка не удалась. Друг Сайго, разделивший его намерение, захлебнулся, а Сайго все-таки удалось привести в чувство. Удивительное дело, но после тяжкой ссылки и забвения, ему удалось занять весьма важное место при Хисамицу и утешать себя тем, что его долг служения господину продолжается в служении его преемнику.

Тем не менее, это служение было не столь верным, как следовало бы из самурайской этики – Сайго очутился среди сторонников восстановления власти императора и отмены системы *сёгуната,* а потом и сословия *даймьё*. При этом он же был одним из организаторов разгрома «легитимистов» княжества Тёсю, пытавшихся отбить дворец императора у сил *сёгуна*. И тут же смягчил участь Тёсю, добившись переговорами того, что полагалось выбивать из княжества вооруженным путем – выдачи нескольких зачинщиков восстания и контрибуции.

Затем, поворот событий привел Сайго в лагерь тех же самых «легитимистов» в качестве командующего силами Сацума, действовавшими в коалиции против сил *сёгуна*. Победа (1868 г., революция Мэйдзи) поставила Сайго на вершину вновь создаваемой государственной иерархии. Но участие в создании новой бюрократии тяготила Сайго, и он отправился в отставку и уехал на родину, где всем своим видом демонстрировал скептическое отношение к реформам государственного устройства – то есть к тому, за что он боролся многие годы. Он не принял ликвидацию самурайского сословия, хотя это и было прямым следствием восстановления власти императора. В 1877 году Сайго возглавил самурайское восстание – с формальной целью прибыть в столицу и потребовать отчета у правительства. Реально это было выступление против императорской власти.

Восстание сильно запоздало и явно не было рассчитано на военную победу. Отмена самурайских привилегий состоялась еще в 1872 (введение закона о всеобщей воинской повинности), и боль утраты в бывшем воинском сословии в значительной мере притупилась. Восставшие самураи скорее намерены были продемонстрировать свою волю к смерти, чем превосходство над армией императора. Они не продумывали системы снабжения своих войск и достаточно быстро лишились возможности применять огнестрельное оружие. Подавление восстания превратилось в разгром национальной армией средневековых отрядов непокорных самураев, сражавшихся почти исключительно одними мечами. При этом восстание под предводительством Сайго оказалось одним из самых кровавых за всю историю Японии.

Облик Сайго – далеко не типичный для Японии. При росте около 180 см. он весил 120 кг. и считался богатырем среди низкорослого населения. От этой нездоровой полноты Сайго часто болел, что для самурая было унизительным и нетипичным. В то же время типичной среди самураев была его частная жизнь – достаточно равнодушное отношение к семье и детям, но страсть учить чужих детей; пренебрежение супружескими узами и нескромные отношения с любовницами. Сайго совершенно не смущало (и японцев, кажется, тоже), что одна из его любовниц, с которой отношения открыто продолжались многие годы, звалась за свои крупные формы «королевой-свиньей». Все эти детали частной судьбы отступили как несущественные перед мифом, превратившим Сайго в героическую фигуру.

Посмертно Сайго был оправдан и превратился из мятежника в героя и образец добродетели. Смерть повстанцев прославила самурайскую традицию и ввела ее в качестве неотъемлемого элемента в современное японское общество. Именно это и является причиной прославления Сайго, вопреки его крайне путаной биографии и непоследовательной политической позиции. Его образ был мифологизирован и стал национальным идеалом, связующим разные исторические эпохи в фигуре скромного, милостивого, честного и отважного «последнего самурая». Восстание, во главе которого он стоял, было не против императора, а против коррупции и несправедливости правительства и неравноправных договоров с иностранными державами.

Сайго Такамори для японцев стал для японцев почти божеством. Японский герой, как считала впечатлительная японская публика, перевоплотился в Марс. Его божественное восхождение подтверждало и наблюдение за появившейся к стати кометой.

Размытая граница между дольним и горним миром – признак японского менталитета. Грозный при жизни противник мог вернуться на время в среду живых и расправиться со своими обидчиками. Легендарный Сайго, как считалось, мог к тому же вовсе не погибнуть, а ускользнуть в Китай или даже в Россию, где тайно собрать новую армию, чтобы рассчитаться с негодным правительством.

Легендарная слава и разнообразные страхи и домыслы привели к тому, что через 12 лет после смерти культ главаря восстания стал официальным, а все преступления Сайго против государства были прощены. Негативная

антиправительственная мифология превратилась в позитивную и стала одним из факторов национальной консолидации.

Русскому человеку в подобных жизнеописаниях трудно найти для себя нечто привлекательное. Но есть в них немало поучительного. Прежде всего, урок достойной смерти, стирающей все грехи и обращающей многие недостатки в своеобразные черты героя. И наиболее значительный урок – принятие национальной истории во всей ее полноте, позитивная мифология для национальных героев, консолидация нации вокруг государственного культа этих героев.

Жуткая повседневность самурая

Кровавые обычаи японских самураев, сохранившиеся вплоть до конца XIX века, сопоставимы разве что с европейскими средневековьем.

Обычай отрубания голов – обыденность японского эпоса и всех схваток самураев. Голову врага, особенно если это была важная персона или сильный воин, преподносили своему господину. После сражения кучи голов, отрубленные у павших солдат противника, демонстрировали как свидетельство победы и важную часть трофеев. Голова как подарок повелителю была доказательством преданности самурая и его превосходства над другими, менее успешными в бою вассалами. (Кстати, не слишком щепетильные по отношению к врагу древние египтяне предпочитали в качестве доказательства победы приносить повелителю руку своего противника, но не голову.)

Самурайская школьная система *годзу* имела свои страшные черты – не только корпоративная замкнутость каждой школы и враждебность к другим школам, но и жестокие «игры», придуманные для детей, начиная с 5-6 лет - именно с такого возраста мальчик получал от отца короткий меч *вакидзаси,* толком еще не понимая, когда и для чего его можно применять. Стойкость духа воспитывалась в *годзу* коллективным избиением одного из учеников. С раннего возраста будущие самураи учились драться чуть не до смерти деревянными мечами *боккэн*. Для юношей устраивались своеобразные соревнования *хиэмонтори* – после казни преступника участники состязания набрасывались на труп и стремились наперегонки откусить или оторвать у него ухо или палец. Победителю доставалось право попрактиковаться на трупе своим мечом. Этот обычай сохранялся до середины XIX века.

Убийство у средневековых самураев не было самоцелью, но иные законодатели нравственных принципов рекомендовали шлифовать искусство меча, отрубая головы у осужденных преступников. Мол, очень полезно нарубить десяток голов за раз.

Немало скажет нам о самурайской этике допустимость в среде самураев гомосексуальных отношений. Такие отношения расценивались как вполне приемлемые, если заявлялись серьезно и на длительное время. Гомосексуальная семья считалась почти такой же, как и гетеросексуальная. Все этические нормы для гетеросексуальной семьи переносились на гомосексуальную. Если эти нормы соблюдались, никакого морального

порицания быть не могло. Допустимость гомосексуальности проявлялась также во внешнем виде: выбритый лоб (ранее это делалось для удобства надевания шлема) означал готовность к сексуальным отношениям не только с женщиной, но и с мальчиком. Длинная челка – либо асексуальность, либо пассивный гомосексуализм. Гомосексуализм был обычным делом в школах *годзу* для детей самураев, и беспокойство этим фактом возникло в японском обществе только в конце XIX века. До этого гомосексуальность считалась либо нормой, либо даже продолжением отношений воинского братства: отдавать свою жизнь во имя другого человека — вот основной принцип мужеложства. Если он не соблюдается, это позорное занятие, - внушали самураю. Если же он соблюдается, у тебя не осталось того, чем бы ты не мог пожертвовать во имя своего господина.

Ихара Сайкаку, один из законодателей бусидо писал: «Подросток без старшего любовника — все равно что женщина без мужа». В средневековом кодексе бусидо говорилось, что молодой человек должен проверять старшего в течение, по крайней мере, пяти лет. Если за это время он ни разу не усомнился в его хороших намерениях, тогда он может ответить ему взаимностью. С непостоянным человеком невозможно установить хорошие отношения, потому что он скоро изменит своему любовнику.

Самурайская повседневность ничему доброму нас научить не может. Да ведь и в собственной повседневности мы по большей части видим вовсе не уроки нравственного поведения, а скорее поводы для стыда за свой народ. Иные поводы создаются подвижниками и героями, позитивной национальной мифологией. Поэтому копировать повадки простонародья или повседневных привычек средневековых самураев (а средневековье в Японии было отменено только революцией Мэйдзи в 1868 году) – сущая нелепость. Нелепо обрядиться в *хакаму* (традиционная японская юбка-штаны) и расхаживать по улицам современного города, нацепив самурайский меч и намереваясь пустить его в дело по самому малозначительному поводу. Вряд ли кому придет в голову, что для полноценного овладения самурайским духом надо непременно срубить кому-то голову и предаться содомии.

В то же время многое из японской традиции (опять же далеко не все) вполне приемлемо на *татами*, где воспитывается определенный духовный настрой и подкрепляющая его техника боевого искусства. Даже ритуальный поклон в адрес *сэнсэя* и портрета основателя стиля. Ведь в этом ровным счетом нет никакого религиозного чувства или преклонения перед чуждыми ценностями. Воспитание русского духа пригодными для него японскими методиками – дело достойное, но пока, увы, недостаточно оцененное в православной общественной среде.

Символизм и искусство меча

Меч дарован японцам Небом – так гласят их легенды. Но владению мечом им, согласно тем же легендам, обучили странные существа *тэнгу* («небесные собаки») – лесные жители полулюди-полуптицы с огромными носами. Это явно образ тех, от кого плосколицые японцы научились

многому. Эти чужаки с признаками совершенно иного антропологического типа не были враждебны и жестоки к японским племенам – *тэнгу* незлобливы и любят пошутить. В то же время любят похищать людей, летать с ними по воздуху и возвращать домой напуганными чуть не до смерти. Это самое неприятное, чем досаждали японцам *тэнгу*.

Японская поговорка гласит: «Выходя из своих ворот, веди себя так, как если бы в твоем поле зрения находился враг». Средневековые приверженцы меча порой доходили до того, что надевали тупой или деревянный меч даже когда принимают ванну. Жесткие правила иерархии эпохи Токугава позволяли носить два меча только самураям. Всем остальным дозволялся только короткий меч.

Миямото Мусаси писал: «Искусство меча, если его практиковать как будто оно пригодится в любую минуту, может пригодиться тысячи раз». Можно добавить, что это искусство для современной жизни может многократно пригодиться даже порой совершенно незаметно – не только разрешением какой-либо конфликтной ситуации, но и созданием условий, когда конфликт не возникает. Оружие дисциплинирует, когда оно связано с искусством – обучением, приближающим к совершенству. Дисциплина дает уверенность в себе, а уверенность уважаема – не всякий рискнет проверить самурая в деле, которое может обернуться смертельной схваткой.

Трактаты средневековых мастеров без обучения у тех, кто способен их интерпретировать, мало что дают к пониманию искусства меча и боевых искусств в целом. Тем не менее, отдельные важные принципы из этих трактатов можно почерпнуть. Например, Миямото затронул некоторые важные стороны боевых искусств, которые зачастую ускользают из систем обучения, где есть увлеченность либо деталями техники, либо приближенными к боевой ситуации поединками.

Психотехника. Миямото пишет о невозмутимости, отсутствии ярости в душе - состояние сердца должно быть неизменно в мире и войне. Ничем не переполняй сердце с избытком, не привязывай сердце к телу. Даже если торопишься, сердце должно быть спокойным. Стань «телом скалы»: ничто не сможет поразить тебя.

Другие японские авторы, напротив, говорят о необходимости нести в себе дух агрессии, чтобы сознание было привязано к смерти. При этом следует сохранять спокойствие снаружи и боевой дух изнутри. И даже свое тело превращать лишь в приманку для меча противника.

Одни школы искусства меча (включая самого Миямото) в значительной мере предполагали пренебрежение обороной: «просто заруби его!» Иные (например, школа Синкагэ, основатель Ягю Мунэнори, 1571-1646), напротив, исповедали оборонительную тактику и искусство противодействия агрессии с минимальным ущербом для себя и для противника. Здесь предпочитали для тренировок бамбуковую имитацию меча, формальные упражнения *ката* и принцип *муто* – противостояния вооруженному противнику без оружия, а также принципы дзэн-буддизма. Оба варианта приемлемы в современности – одна для подготовки спецназа,

другая – для «полицейских» или гражданских ситуаций, когда не ставится задача непременно убить или покалечить противника.

Тактика. Миямото замечает необходимость поймать ритм схватки и войти в него, как бы разрушая ритм противника – внедряясь в промежутки между его действиями. Надо заставить противника потерять свой ритм и не дать опомниться. Если ты будешь только отвечать ударом не удар, получится только звук мечей. Ты должен наносить удар, когда противник еще только замахнулся, а если он ударил, то, отразив удар, не дать ему ударить вторично. Имитируй атаку и узнаешь уровень противника и его замыслы. Покажи расслабленность и вялость духа, а потом внезапно атакуй, уловив слабину в противнике. Угрожай позой, мечом, голосом. Делай то, что противник не ожидает. Любой ценой захватывай инициативу. Не повторяй один и тот же прием.

Техника. Миямото предлагает для мастеров высокого уровня разнообразие типов технических приемов – мягких и жестких, быстрых и медленных. Сильный удар медленнее слабого. Длинный меч силен, но медленнее короткого. Промедление вредно, но и быстрота не идет в прок, если не совпадает с ритмом вещей. Мастер выглядит неспешным, но действует своевременно.

Высшая стадия владения боевым искусством наступает, когда все уроки мастеров перестают действовать. Потому что план боя разрабатывают сознанием (в процессе обучения), а исполняют духом (в бою). Согласно принципам бусидо вы начинаете с учения и достигаете той точки, где учения уже не существует. Освоив формы, вы избавляетесь от них, уже не зная, где прибывает ваш разум. Поняв все принципы, не дайте ни одному из них задержаться в вашем сознании. Отсеките их один за другим, сохраняя сознание пустым, чтобы действия направляло естественное сознание, которое ничто не в состоянии застать врасплох. Движение исчезает из сознания и вы делаете все правильно бессознательным образом. Разум движется за миллионами образов – следует за движениями противника, не задерживаясь ни на одном из них.

Трудно знать искусство меча единственно с помощью навыков владения мечом. Обретая принципы, от них следует отстраняться. Освобождаясь, ты обретаешь чувство ритма - естественно наносишь удар (вразрез с ритмом противника) и естественно защищаешься.

В этих установках, имеющих значение не только в боевых искусствах, угадывается буддийский принцип пустоты и неизмененного сознания. Восточная мудрость гласит: есть логика в низвержении того, что достигло своего предела. Так и обучение любому мастерству достигает своего предела, за которым кончается ученичество у мастеров и начинается обучение у самого искусства, где уже нет предела совершенству. Ясность сознания – это его естество. Так следует судить любому русскому человеку. Единственное отличие от японских принципов состоит в том, что русский никогда не должен считать ученичество законченным. Если японский мастер может почувствовать достижение предела, то русский должен понять ложность

этого чувства. В современных восточных единоборствах также считается, что предел практически не достижим. Строгое ученичество – бесспорный удел подавляющего большинства мастеров единоборств, и только единицы позволяют себе вольные трактовки освоенного стиля. Согласно бусидо, человек осознает бесконечность проникновения в глубины избранного Пути и никогда не думает, что добился совершенства.

Искусство меча для японцев – основа общих представлений о жизни. Тезис «*ян*» и антитезис «*инь*» встречаются и в боевых искусствах – их нужно принять и совместить в процессе обретения мастерства. Движение – *ян*, покой – *инь*. *Инь* и *ян* должны проявляться раздельно снаружи и внутри, но объединяться в понимании Пути. Также и искусство мира и искусство войны – как два колеса повозки, которая без одного из них опрокинется. Если меч постоянно обнажен, то человек станет размахивать им; люди побоятся к нему приближаться, и у него не будет союзников. Если меч постоянно находится в ножнах, он заржавеет, лезвие затупится, и люди будут соответствующего мнения о его владельце.

Искусство меча, бесспорно, уважалось в Японии, но не до такой степени, чтобы противопоставлять его общим установкам на служение и почитание. Что бы самурай ни делал, он всегда будет помнить о чем-то одном: в отношении господина — преданность; в отношении родителей — сыновнее почитание; в отношении боевых искусств — смелость. Всегда следует вести себя так, гласит бусидо, словно нет никого, кто превзошел бы тебя в воинской доблести, всегда считать себя лучшим и постоянно укреплять в себе храбрость. Ты должен быть уверен, что если тебя убьют в бою, то твой труп будет обращен лицом к врагу.

Все исходит из Пути, а путь – в одержимости. На Пути не нужно ни преданности, ни почитания, а нужна только одержимость. Преданность и почитание придут вместе с ней. Что касается боевых искусств, то и здесь смелость, решительность – важнее техники меча. Отчасти это верно. Современные мастера иной раз забывают о психологической подготовке. Поэтому их ученики часто терпят поражение в уличных схватках и не готовы к смертному бою.

Одержимость не противоречит рассудочной подготовке к бою. Воин должен готовиться ко всему заранее. Даже в повседневных делах проявляется глубина души. В искусстве войны также необходимо тщательно готовиться. Кто хорошо продумывает свою стратегию, избегает сражения. Кто хорошо воюет, никогда не умрет.

Русскому воинскому символизму не хватает образа национального оружия. Если скифам была дарована булава, упавшая с неба, японцам – меч, то какое оружие дано русским как символ их связи с победами предков? Символу следует придать официальный статус – не только в символике силовых ведомств, но и в обучении военному делу, и спортивных вариантах национального единоборства – наподобие японского *кендо*.

Этика самурая

Самурайская этика требует подлинности намерений и воплощения их в деяниях. Сами намерения тоже, впрочем, ценны. Приверженцы бусидо считали: если людей разборчивых будут считать интриганами, людей дальновидных будут считать трусами, людей с грубым поведением будут ошибочно принимать за настоящих воинов, то эти представления совершенно неправильны. Последнее особенно важно. Грубость всего лишь скрывает духовную немощь.

Дайдодзи Юдзан (Сигэксэ) в своем собрании наставлений на воинском пути («Будо сёсин-сю») писал: «Тот, кто не храбр, будет лишь на вид предан и почтителен к своему повелителю и родителям, не имея никакого искреннего намерения таковым оставаться. Безразличный к правилам своего хозяина и склонностям родителей, он будет слоняться без дела там, где ему не быть не следует, занимаясь тем, чем не должно, во всем ставя на первое место собственные желания. Он любит спать и утром, и в полдень, и особенно не любит учиться. Что касается воинских искусств, то он не знает все из них, но ненавидит из практиковать, лишь хвастаясь о своем умении и о том, чего в действительности не может, переполняемый стремлением удовлетворить какую-нибудь свою пустую страсть. Он тратит любые деньги на роскошные пиршества, выбрасывает на ветер свое содержание и сбережения, не заглядывая в будущее. Но там, где ему действительно следует потратиться, он прижимист».

Дайдодзи предостерегает от следования словам героев. Ведь оправдать слова можно только делами: «Были хвастуны старых времен, люди, совершавшие великие дела. Сегодняшние же хвастуны – это те, кто никогда не надевал кольчуги, кто проводит свое время, сидя с друзьями и знакомыми, обсуждая недостатки управления своего хозяина, указывая на неудачи советников и посланников и, безусловно, не упуская случая вспомнить промашки своих товарищей, подчеркивая в то же время свое превосходство. Такие пустословы живут в совершенно ином мире, чем храбрые хвастуны прошлого, и их совершенно правильно определяют как злословящих или трескучих глупцов».

Японское предание гласит, что в Китае когда-то был человек, который любил драконов, и поэтому украшал свою одежду и мебель их изображениями. Но когда перед окнами его дома появился драконий бог, китаец умер от страха. Бусидо напоминает, что есть много людей, которые почитают себя полноправными воинами на том лишь основании, что занимаются боевыми искусствами и набирают себе учеников. В сравнении с истинными самураями это жалкие люди. В то же время в современной России мы имеем еще более глубокую формулу упадка: воинский дух у нас порой связывают с предельной наглостью, развязностью манер, сквернословием (которое пропитывает армейскую среду сверху донизу), немотивированным насилием и запредельной жестокостью.

Тот же результат сравнения получается, если сопоставить самурая, всегда готового к смертельному бою, и того, кто по-разному ведет себя в

общественном месте или в собственной спальне, на поле сражения или на *татами*. Он не находится в состоянии полной готовности. В то же время, подвиги на *татами* тоже немало значат – здесь проявляется та же доблесть, которая необходима в бою. При этом следует различать состояние мира и состояние войны. Не всегда храбрость на *татами* будет означать храбрость в сражении. И мы знаем, как герои сражений в послевоенное время порой становятся стяжателями почестей, привилегий и материальных подачек от власти.

Храбрость сама по себе понятна самураю как основа его жизни. Самурай должен держать в уме днем и ночью, что ему предстоит умереть. Тогда он сумеет прожить долгую жизнь, достойно, без болезней и смущений. И на поле боя тот, кто стремится спасти свою жизнь, потеряет ее; тот же, кто готов отдать свою жизнь, - сохранит ее. И в обыденной жизни, когда забывают о смерти, склоняются к нездоровым излишествам и умирают неожиданно рано или живут, мучая близких своими болезнями. Когда самураю приходит время умирать, целью его должно быть пасть при исполнении какого-либо доблестного подвига, который потряс бы и его друзей и врагов и сделал бы его смерть причиной грусти для его хозяина и командира и оставил бы его имя в памяти поколений.

Этика самурая (в приемлемой для русских форме) учит нас стоицизму в трудном деле подготовки к исполнению долга, пренебрежению личной славой, трудолюбию и верности. Здесь русскому есть чему поучиться. В том числе и готовности большинства японцев испытывать себя на *татами*, а также способности правительства организовать национальное образование так, чтобы воинский дух становился неотъемлемой частью личности будущего гражданина.

Отношение к смерти

Самурай должен жить так, как будто он уже умер. Не только накануне битвы или поединка, когда надо готовиться к смерти, но и в повседневной жизни. И даже более того. Когда у самурая есть выбор умирать или не умирать, то лучше ему умереть.

Бусидо напоминает самураю о чем-то очень знакомом русскому человеку: независимо то того, высокого люди рождения или низкого, богаты или бедны, стары или молоды, умудрены жизнью или неопытны, - всех их роднит то, что они умрут. Мы точно знаем, что когда-нибудь умрем, но все равно живем, будто день смерти никогда не наступит. Зная, что умрем, мы в то же время думаем, что все остальные умрут раньше нас, и что мы уйдем последними. Смерть кажется далекой. Но она пугает, когда с ней сталкиваешься лицом к лицу. Это понятно не только японцу и не только самураю.

Путь смурая замечателен тем, лежит через каждодневное переживание смерти. Он должен размышлять о том, в каком месте может подстерегать его смерть, представлять, какая смерть наиболее достойна, укреплять в себе мысль о неизбежности смерти. Внушая себе мысль, что ты уже умер, ты

делаешь свое дело и исполняешь свой воинский долг. Русские люди точно также готовились к смертельной схватке, надевая перед боем свежую сорочку. Идя на битву, русский человек не задумывался о том, как выжить в ней. Здесь самураи нас ничему неожиданному не научат. Но беда в том, что и русские русских перестали учить переживанию смерти, памяти о личной смертности. Самураи могут нам об этом напомнить – как пророки из чужого отечества. Но обучаться мы можем у собственных пророков, о которых надо только вспомнить.

Для самурая почетная смерть – вспороть себе живот и в тот же момент получить от друга удар мечом, отсекающий голову. *Сэпуку* – смерть ради посмертной чести, ради славы доброго имени и почитания потомками. Как еще ускользнуть от позора, с которым нестерпимо жить? Для самурая *сэппуку* – универсальный выход. Ведь для него смерть бесполезна, если другие люди думают о тебе плохо. Совершив *сэппуку*, самурай уверен, что о нем уже никто не подумает плохо.

Когда ты стоишь перед необходимостью выбрать жизнь или смерть, то достигаешь ли ты своей цели или нет, уже не важно, - утверждает кодекс бусидо. Именно поэтому Сайго Такамори не стремился к победе, а только к посмертной самурайской славе. Накануне битвы, исход которой был предрешен, Сайго играл со своими соратниками в *го*, шутил, вместе с другими смертниками пел песни и сочинял стихи. Главное для него было – доказать, что самурай умирает с достоинством и отвагой, «не оставить потомкам причин для стыда». Это тот способ изменить смысл смерти, часть воспринимаемой как только физическое явление, и придать ей духовное значение – через принцип добродетели. Если в физическом пространстве человек бессилен против смерти, то в духовном он способен ее победить.

Готовность к смерти для самурая - лишь идеал. Ни резня в Эдо, ни сражение последних сторонников Сайго Такамори на склонах горы Сирояма не означали, что все, кого долг должен был подвигнуть к последней битве, участвовали в ней. В Эдо часть «верных вассалов» выпала из истории, отказавшись от участия в мести. А перед битвой на горе Сирояма часть сторонников Сайго, не жалевших умирать, были отпущены по домам. Идеал эти факты вовсе не принижают, поскольку он остается образцом, призывом к честной жизни и к мужеству. Так и для русского человека грехи человеков не могут служить поводом для поругания Веры, Царя и Отечества.

Есть ли у русского смертный долг? Это вопрос, аналогичен другому: может ли русский быть самураем? Именно самураем, но по-русски, а не японцем – чем-то вроде «русского самурая». Вряд ли есть надобность в японском термине, но есть надобность в ясной воинской этике и этике гражданина-воина. Бусидо показывает, что такая этика возможна и во многом нам знакома. Скорее незнакомым и удивительным для нас является власть и доминирование нынешних моральных разложенцев, изменников, казнокрадов и мздоимцев. Русский человек всегда готов к тому, чтобы смести всю эту нечисть. Но современный русский пока слишком бездеятелен

и радикален только словом. Самурайское напоминание о смертном долге ему вполне полезно.

Русская литература дает нам огромный материал о смерти, который нет надобности переводить в краткие формулы для заучивания. И русская беда только в том, что великое русское литературное наследие находится в забвении. Подменить его самурайскими призывами не получится. И русскую армию не вывести из состояния позора, пока в ней не будет офицеров, любящих Россию не той, которую они знают по своему быту, а той, которой она была, каковой отразилась в русской литературе. В русской классике есть все, что нужно образованному русскому человеку и русскому офицеру знать о смерти. В ней есть простой перевод вопросов веры на светский язык поучительных сюжетов и образов.

Русская армия не возродится, пока в ней не станет русского солдата, мыслящего и живущего по-христиански. Нет иного способа быть русским и не знать русского исторического наследия, как только быть православным человеком. Простота веры – первый шаг к национальной культуре, а к этике православия короче всего путь через воинское служение. Вера и армия должны совместиться, православие – стать государственной религией, воспитательным стержнем всей образовательной системы. Тогда армия будет знать за что и как умирать на полях сражений, а вне армии гражданин будет готов к тому же – противостоять злу во всех его проявлениях.

Долг смерти – это все, что может уравновесить смертный грех, который лежит на нашем народе, ставшем клятвопреступником и соучастником цареубийства. Перед ликом святого Государя Николая II наше покаяние в том, чтобы спасти Россию от погибели и восстановить ее в той исторической форме, в которой она стала величайшей Империей. Здесь мы можем увидеть намек на собственный долг в том, что случилось в Японии, которая через тысячу лет вернула своему императору власть и стала современным государством – одним из самых динамичных. Японию не сломило даже поражение в мировой войне. И только сейчас, когда весь мир одолевает американизм и «общечеловеческие ценности», Страна восходящего солнца теряет темп, исчерпывает «японское чудо» и катится к упадку. Именно потому, что забывает свой смертный долг, свою самурайскую традицию. Мы же должны вспомнить свою Традицию, свой смертный долг.

Самурайская этика, напоминающая русским о долге смерти, полезна именно как напоминание о том, что и у других народов есть свое достойное представление о смерти. И у нас оно есть, если только отбросить негодный багаж «общечеловеческих» фальшивок, которые вместо долга смерти подбивают нас ценить свою жизнь (только свою частную!) превыше всех ценностей на земле.

Месть и победа, долг и честь

Месть для самурая ценна сама по себе. При этом она беспричинна и порой почти необъяснима - как случайная вспышка гнева. Самурай мог зарубить простолюдина за нескромный взгляд. И даже самурая низшего

ранга (в особенности из сельской местности) можно было зарубить на месте, рискуя лишь тем, что придется дать властям убедительное объяснение, показывающее, что поведение убитого было непочтительным.

Большие дискуссии в японском обществе вызвала упомянутая выше история, произошедшая в Эдо, когда «верные вассалы» ворвались во дворец обидчика своего хозяина, изрубили охрану и обезглавили его самого. А потом были принуждены почетной смерти – *сэпуку*. Никто в Японии толком не знает и знать не хочет, что же это была за обида, чтобы за нее положить невинные жизни слуг обидчика и отдать свои?

Бусидо рекомендует: даже если поражение кажется неизбежным, мсти. Ни мудрость, ни опыт не имеют к этому никакого отношения. Настоящий мужчина не думает о победе или поражении. Он безрассудно бросается вперед – навстречу неизбежной смерти. Поступая так, ты очнешься от своих грез, - говорит бусидо. Если же речь все-таки заходит и о победе, то для самурая ее этическая цена не существует. Главное – победить, а там пусть говорят все, что угодно. Воина могут обозвать собакой или зверем; главное для него – победа. Сначала выигрывай, сражайся потом – гласит один из принципов бусидо.

Бусидо видит воинскую доблесть скорее в том, чтобы принять смерть за своего господина, нежели чем в том, чтобы сокрушить врага. Людям с расчетливыми сердцами не достает чувства долга. А тот, кто не имеет чувства долга, не уважает себя. Так бусидо осуждает излишнюю расчетливость, которая скрывает неготовность к исполнению своего долга и ищет благовидные предлоги, чтобы отложить должный поступок или вовсе пренебречь им.

С иной точки зрения, в рамках того же бусидо победа и поражение – это вопрос временных обстоятельств. Чтобы избежать позора, нужно избрать иной путь – смерть. Этика самурая – в безрассудстве, в жизни данным моментом, за которым внезапно может наступить смерть. Продуманной и подготовленной резне в Эдо противопоставляют внезапно вспыхнувшую резню в Нагасаки, когда самураи перебили друг друга, сразу схватившись за мечи - только потому, что одного из них случайно забрызгали грязью. От самурая требуется действовать, повинуясь требованиям момента. Когда наступает момент, нет времени для раздумий. Воин – это человек, который все делает быстро. Путь самурая – это прямой путь, не допускающий промедления. Главное – действовать сразу. Если человек проявит решимость, он может сдвинуть небо и землю по своему желанию. Уже тем, что человек отказывается отступить, он приобретает силу двух человек. Думай только о цели, и для тебя не будет невозможного.

Долг самурая демонстрируется его мгновенной реакцией. Поистине, - говорят принципы бусидо, - нет ничего, кроме единственной задачи текущего момента. Вся жизнь человека – это последовательность отдельных моментов, перетекающих друг в друга. Если человек полностью осознает текущий момент, больше ему ничего делать не нужно и не к чему больше стремиться.

Противоположностью этим мыслям о месте и безрассудстве служит позиция, близкая к буддийским ценностям. Быть одержимым мыслью о победе – это недуг. Тот же, что и одержимость мыслью о насилии. Желание избавиться от недуга также может перерасти в недуг. Естественное состояние сознания то, где уничтожаются все недуги. Тогда ты можешь смешиваться с недугами, но не имеешь их (не пускаешь в себя). Если вы сознаете, что держите меч, когда его держите, вы не можете ровно направлять лезвие меча. Настоящее мастерство естественно, оно – часть жизни, повседневность. Естественное состояние сознания – одно и то же с мечом или без меча. Именно поэтому долг выше, чем победа. Победа хороша, когда она следует за должным. Но и поражение не позорно, если оно следует за должным действием. Противник всегда может оказаться сильнее. Долг может состоять в том, чтобы принять неизбежное поражение, но не отступиться от своих принципов, не уступить врагу.

Изо всей этой мешанины русскому человеку стоить выделить главное: долг выражается в действии, которое готовится годами подготовки и ученичества, превращающими подвиг в нечто обычное и естественное. «Естественное сознание» не образуется само собой, а воспитывается и тренируется как внешнее бесстрашие. Ситуация текущего момента может быть освоена только когда душа ясна и проста, а ясность и простота не даются сами по себе.

Конечно же, русскому человеку нет никакой надобности принимать самурайские принципы мести. Месть неблагородна. Благородна защита личной чести и чести того, кто не может постоять за себя. Не выступивший в защиту чести другого рискует и своей честью. Смертный бой у барьера – русская традиция дуэлей XIX века.

Для русского человека победа превыше всего, если Отечество под угрозой. Но подлость никогда не приближает победу. Русская Победа всегда благородна, ибо она есть не победа над личным врагом, а над врагом Отечества. Такая победа не может быть нравственно порочной. Ведь порок победителя ложится тенью на Отечество. В этом разница русского представления о чести и долге в сравнении с японским.

Долг службы

У средневекового самурая есть только почтение к родителям и долг перед господином. Культ родителей был заимствован в Китае, из Китая же пришел и ритуал почтительности, но все это в Японии получило развитие и образовало этическую систему. В ней все начинается с семьи и воспитания. Почтение к родителям – урок для будущей службы и почтительности к господину. Непочтительный сын будет порицать и хозяина, а порицая хозяина – не упустит случая отбросить свою верность в случае опасности.

У средневекового самурая нет Отечества. Его отечество – господин, его родина – родители. Японские острова слишком поздно вошли в соприкосновение с другими странами и народами, чтобы ощутить свою общность. Японцы до XVIII века предпочитали идентифицировать себя по

провинции и по клану, которому служили. И только к концу XIX века поле революции Мэйдзи возникла современная японская нация.

Характерно, что воинская доблесть самурая была связана вовсе не с битвами, где он терялся среди вооруженных масс, и даже не с дуэльными поединками. Его честь и слава была в мести. Наскочить сзади и отрубить голову – это честь. Ворваться в покои обидчика и погибнуть под ударами мечей его охраны – это честь. Самурайская этика молчит о чести погибнуть «за други своя» или за Отечество. Этому японцы русских научить не могут. Русский долг ставит служение Отечеству выше верности какой-либо персоне (исключая Царя, который персонифицирует Отечество и принцип государственной защиты православной веры).

Мастер меча Миямото Мусаси писал: «побеждая в поединке один на один или в сражении со многими противниками, самурай упрочает свое имя ради повелителя и себя самого». Чем это отличается от старорусского «искать себе чести, а князю славы»? Только тем, что честь безымянна и безвестна, она – коллективное достояние дружины. Для самурая есть честь клана и слава повелителя, но также и свое имя – часть славы самурай стремится разделить со своим господином, возвысившись при этом над другими членами клана и получив одобрение хозяина.

Беспредельная преданность господину сочетается с таким явлением, как бесхозный самурай – *ронин*. Самурай, по какой-то причине потерявший место, вынужден искать себе хозяина. Память о прежнем хозяине может мучить его, но он найдет утешение в службе новому господину – в особенности если он наследует предшествующему. Статус *ронина* не всегда уважаем: высшие слои самураев считали, что самурай без клана и без лошади — не самурай вообще. Тем не менее, *ронин* оставался самураем и мог искать себе личной славы. Такая возможность предоставлялась ему преимущественно в периоды гражданских войн и междоусобиц, когда набирались самурайские армии.

Самурайская этика предписывает настоящему хозяину быть подобным солнцу и луне, которые освещают траву и деревья по всей земле. То есть, денно и нощно с состраданием в сердце печься о вознаграждениях и наказаниях для своих вассалов – далеких и близких – и даже о тех чиновниках, которые отделены от него морем и горами; всех этих людей он должен использовать в соответствии с их талантами. Достойный господин – вот тот, кому следует верно служить. Плохого господина можно просто бросить и поискать более щедрого и доброго.

Русскому достаточно примеров исполнения долга в собственной истории. Тем не менее, проблема долга для русских остается чрезвычайно острой. Чувство долга в нашей национальной традиции нестойко, а в современных условиях практически утрачено. Именно поэтому общество размывается, а не структурируется в устойчивую конструкцию. Коль нет долга перед своим профессиональным кругом, нет понимания ответственности за тех, кто подчинен тебе, и нет понимания долга перед тем, кому подчинен ты, частные амбиции становятся главным мотивом

деятельности. Славу начинают искать не для «князя», а для самого себя. Забывая при этом о чести и долге.

Японское представление о долге должно напоминать нам о русском понятии долга и чести. Японское «внутри — шкура собаки; снаружи — шкура тигра» вполне годится и для русского. Вера, верность и отвага – вот принципы русского долга.

Знание или умствование

Есть три слоя представлений японцев о знании – плодотворном и бесплодном.

Первый связан с долгом службы господину - самураю полагалось много знать о ритуалах, правилах хорошего тона и о том, как быть добросовестным слугой. И в этом присутствует строгая рациональность, обеспечивающая стабильное место в социальной иерархии.

Второй слой представлений опирается на доктрину Пути, где вера должна вести самурая вопреки всякой рациональности. Бусидо гласит, что с помощью здравого смысла не добьешься великих вещей. Просто перестань думать и стань безумным. Путь самурая не приемлет рассуждений; рассуждающий воин не добьется успеха. Чтобы следовать Пути, не нужны ни преданность, ни почитание, - нужно лишь стать отчаянным. В отчаянии проявляется и почитание, и преданность. Достаточно стать одержимым и быть готовым расстаться со своей жизнью.

Когда человек шествует по Пути самурая, он не должен искать других идеалов. То же самое касается самого Пути. Поэтому неправильно изучать Путь Конфуция или Путь Будды и говорить, что это — Путь смурая. Если человек понимает это, он будет слушать проповеди о других Путях, но при этом с каждым днем все больше постигать свой собственный.

Молодому самураю негоже интересоваться буддизмом. Это огромная ошибка. Причина этого в том, что он будет смотреть на все с двух точек зрения. Если воин 24 часа в сутки несет на одном плече преданность своему господину и почтительность к родителям, а на другом – мужество и сострадание, он будет самураем. Как написано в одном из трактатов, «ни Шакьямуни Будда, ни Конфуций, ни Кусуноки, ни Сингэн никогда не были слугами господина Рюдзодзи или господина Набэсима. Поэтому мы вправе утверждать, что излишнее почитание этих будд не входит в традиции нашего клана». Что же касается книг, то самурая рекомендуется, прочтя книгу или свиток, лучше всего сжечь их или выбросить прочь. Говорят, что чтение книг — дело императорского двора, тогда как дело самурая из рода Накано — крепко сжимать дубовую рукоять меча и стяжать воинскую доблесть.

Наконец, третий слой связан с интеграцией в воинском сословии этики монашества и этики ученых мудрецов. Бусидо требует, чтобы монах стремился достичь мужества воина, а воин – обрести сострадание монаха. От воина также требуется книжное знание – изучение трактатов древних. Один из главных принципов бусидо можно перефразировать так: слева - книга, справа – меч, впереди – путь воина. Книги – это ворота к постижению Пути.

Миямото Мусаси писал, что самурай должен знать, что защищать. Если он не знает, что верно, он не может быть назван самураем.

Русская страсть к знаниям и воля к истине – отличительная черта нашего «золотого века», но современность этой страсти уже не знает. Поэтому искать уважение к знаниям и учености нам полезно, в том числе и на примерах этики бусидо. Удивившись присутствию знаний и искусств в обычной жизни суровых самураев, мы легко найдем все то же и в собственной национальной традиции – настоящий талант шире своего профессионального предназначения, настоящий воин обязательно должен быть и поклонником искусств и знаний – сам не чужд творчеству и широкой образованности. Грубый вояка, «сапог» в обществе не уважаем. От воина ожидают высшей морали и высшего знания – настоящего лидерства не только в армейской жизни и не только в войне.

В самурайской этике отражается та часть восточной мудрости, которая проще всего воспринимается и более всего подходит для практического применения. При этом заумные стороны буддизма и избыточные регламенты конфуцианства остаются в стороне. Именно этим бусидо полезно русскому человеку, если он хочет коснуться тайн Востока, не подвергая себя соблазнам чужеродного тайнознания.

Различие между важным и второстепенным – интересная для нас часть восточной мудрости. Она гласит: когда твой разум блуждает, перескакивая с одного предмета на другой, рассуждения будут бесплодны. Используя настойчивость, свежий подход и ощущение настоятельно необходимости, ты примешь решение в промежуток, равный семи вдохам и выдохам. Это вопрос решимости и желании достичь результата.

Результат же лежит не в повседневной суете и не в уповании на силу. Бусидо говорит самураю: не одалживай силу у другого, не полагайся на собственную силу; отбрось мысли о прошлом и будущем и не живи повседневными заботами. Тогда Великий Путь открыт перед тобой. Таким образом, речь идет о стяжании Истины. По-русски: не в силе Бог, а в Правде.

Правда естественна, а потому должна быть проста, как дыхание. Бусидо подсказывает, что к делам большой важности следует относиться легко, а к делам маловажным следует - серьезно. Небрежение мелочами может нанести непоправимый ущерб большому делу, излишнее отвлечение на мелочи ведет к тому же. Даже в мелочах можно увидеть глубины сердца, правильность и неправильность подхода проявляется в мелочах. Понятно, что здесь восточная мудрость побуждает к смелости в больших делах и тщательности в мелочах, когда дело касается великого. Чтобы Правда стала естественной, нужно учиться и переживать личный опыт ошибок и разочарований. Величие Правды познается через мелочи жизни.

В боевых искусствах и в прочих делах бусидо рекомендует учиться у других, не преувеличивая значимости своего мнения. Беседа с человеком – это первый шаг к тому, чтобы превзойти его. Интересуясь мнением других, ты развиваешься и превосходишь их. То же касается и внимания к дурным поступкам. Наблюдая за плохим человеком, надо исправлять собственные

ошибки. Вместе с тем, нельзя настолько увлечься наблюдением за дурным. Ведь человеческая природа заключается в том, что хорошему научиться трудно, а привыкнуть к плохому легко, и поэтому люди постепенно уподобляются тем, кто их окружает. Предпочитать следует общество людей, которые превосходят тебя, и избегать людей, которых превосходишь ты, - вот мудрость доброго человека. Однако, не сомневаясь в правильности вышесказанного, не следует, тем не менее, быть чересчур привередливым при выборе людей. Ведь человек, который ни разу не ошибался, опасен.

Чему у Востока следует поучиться, так это культу предков. Бусидо говорит нам, что молитвы потомков должны быть поминальной службой по его предкам. И даже так: Чем подражать хорошим качествам других людей, лучше подражай своим несовершенным родителям. Важны все высказывания твоих родителей, даже те, которые ты ранее находил раздражающими или совершенно неприемлемыми. Хотя уважение к предкам все же заключается в том, чтобы поступать таким образом, чтобы повторялись хорошие качества предка, а не плохие.

Неплохо также рассчитывать собственную жизненную перспективу – не торопиться постареть и не думать, что старости можно избежать. Преждевременная старческая немощь проявляется в том, что человек делает только то, к чему он больше всего склонен. Но когда человек полностью выкладывается в молодости, чем тогда он будет думать в старости?

Человеку следует разделить свое сознание на три части: он должен избавиться от дурных мыслей, усвоить мысли хорошие и установить доверительные отношения с собственной мудростью. Это значит, что человек должен развивать в себе способность различать в собственных поступках дурное и хорошее – давать оценки самому себе. По-русски, это значит, что надо каяться в своих грехах, распознавая их в своем поведении. Также и в кодексе бусидо русскому следует различать важное для себя от ненужного или совершенно неприемлемого.

Вместе и недалеко от христиан

Душа от рождения христианка. Это достаточно доказано фактами истории – не только русской. Японская история – не исключение. Проникновение христианства в Японию могло дать этой стране новую веру. Ведь традиционные японские верования носят скорее философский и этический характер.

Христианизации Японии не произошло в силу того, что выбор христианской веры требовал пересмотра социальных отношений. Феодальная знать не могла этого допустить и закрыла Японию для христианского миссионерства – слишком навязчивого и амбициозного в католическом варианте. Подавление христианства вызвало среди японцев отчаянное сопротивление. Известно восстание Симабара 1638 года, когда 50-тысячная армия *сёгуна* много месяцев штурмовала старую полуразрушенную крепость, которую защищали христиане-повстанцы.

Несмотря на подавление и изгнание христианства, оно пустило в японском обществе глубокие корни, отразившиеся и на принципах бусидо.

Почти прямой цитатой из Екклесиаста является строка одного из популярных самурайских трактатов: «Поистине, этот мир – суета. Люди всегда об этом забывают». Отсюда следует установка на вечное или же сиюминутное. Вечное вне суеты, а сиюминутное совпадает с суетой лишь на мгновение. Если жить вечным (то есть, помнить о смерти), то избегаешь суеты. Если жить моментом, то суета не угнетает своей неупорядоченностью – разорванность логики существования не переживается, если каждый момент проживается отдельно от другого.

Понятие любви к ближнему знакомо самураем по той любви к родителям и правителям, которую они воспринимают как высший долг. Бусидо гласит: все, что ты делаешь, ты должен делать во имя своего хозяина, родителей и человечества, а также во имя своих потомков. Это и есть великое сострадание. Мудрость и смелость, которые приходят вместе с состраданием, — это подлинная мудрость и подлинная смелость. Сострадание – это мать, вскармливающая судьбу человека. Настоящая мудрость и храбрость рождаются из сострадания. А сострадание побуждает прийти другому на помощь, не думая об отрицательных последствиях. Это называется здравым смыслом внутри ошибки. А ошибка внутри здравого смысла – это эгоизм, навязывающий свой «здравый смысл» вопреки тому, что он несет потенциальную угрозу жизни другого человека.

Долг службы для самурая выше любви к ближнему. Но эта любовь не отброшена. Самураю говорят: самое главное – отдаться служению своему господину и душой и телом. И если еще спросили бы, что важно кроме этого, то ответ был бы таким: развивать свой ум, поощрять в себе человечность и укреплять храбрость. Чтобы проявлять человечность, нужно делать все ради других, ставить себя на их место и учитывать в первую очередь их интересы. То есть, не делай другому того, что не хотел бы для себя.

То же можно сказать и о милости к падшим. Для христианина вполне подходит отношение к чужим грехам, высказанное в кодексе бусидо: если смотреть глазами сострадания, то нет людей, которые не нравятся. Того, кто согрешил, нужно жалеть еще больше.

Воинская доблесть самурая в некоторых ракурсах выглядит вполне по-христиански: когда этика предписывает самураю видеть в искусстве меча не средство, чтобы зарубить противника, а средство, чтобы убить зло. Не поразить врага, а покорить зло – вот в чем честь самурая.

Христианину невозможно принять ритуальное самоубийство самурая. Вместе с тем, в данном случае мы сталкиваемся с определенного рода заблуждением. *Сэпуку* не совсем самоубийство. Как не совсем самоубийство оставить себе последнюю пулю и предпочесть смерть позору плена. Этот выбор достаточно понятен русскому офицеру. Но только для ситуации смертельной схватки с превосходящим врагом. Если учесть, что самурай должен был жить как бы все время на войне, то позор для него оказывался несовместим с жизнью. Причем только в том случае, если долг выполнен до

конца и его последней фазой становится *сэпуку*. Или же когда долг не может быть выполнен до конца, и тогда *сэпуку* снимает это нравственно нестерпимое положение. У русских есть множество средств пережить позор, но и не пережить его, пожертвовав жизнью – тоже русский путь, в чем-то совпадающий с путем самурая.

Бусидо рекомендует: ходи осторожно, ибо все мы ходим под Небом. Христианин тоже знает, что все мы под Богом ходим. Самураю напоминают: если сердце твое неправедно, то будь осмотрителен, ибо, молишься ты или нет, Небеса покинут тебя. И христианин знает, что опасен не грех, а упорствование в грехе. Молитва станет ложью, если грех не переживается со стыдом. А лжеца Небеса покинут, будь он синтоистом или христианином.

Бусидо гласит: родившись человеком, следует поклясться превзойти всех, помогая людям, отдавая всего себя ради других, и именно в этом находить радость до конца своих дней. Пускай кто-то ни разу не молился Будде или ни разу не совершил паломничества к гробнице, но если он чист сердцем и полон сострадания, то и боги и Будда не будут судить его строго. И христианин подтвердит, что вера без дел мертва, и что лучше предъявить добрые дела, а не молитвы.

Единожды солгавшему у христиан нет веры. И у самураев привычка ко лжи дезавуирует все добрые дела. Знай, - говорит самураю кодекс бусидо, - что если кто-то сомневается в твоей честности, это может стать позором на всю жизнь. Ведь ложь и неискренность недостойны, потому что предназначены для извлечения собственной выгоды. Для воина нет большего позора, чем приобрести репутацию стяжателя и эгоиста.

Не все золото, что блестит, - это понятно всем народам и цивилизациям. Поклонение золотому тельцу, как знают христиане, кончается очень плохо. Самураи же приходят к тому же иным образом, выражая ту же нравственную установку: небольшой кусок золота может стоить очень дорого, но, когда он попадает в глаз, наступит тьма.

«Не собирайте богатств земных». Это христианская заповедь близка самураям, которым бусидо рекомендовало не развивать «хватательных и держательных» свойств характера. Чтобы смотреть смерти в лицо, необходимо было не привязываться ни к чему материальному. Для самурая поле боя – обычное жилище, а прочие жилища – лишь временное место для ночлега.

Старая японская пословица гласит: относись к другим так, как ты желаешь, чтобы относились к тебе. Христианин увидит здесь полное тождество собственной вере.

О единоборствах

О восточных единоборствах мы часто судим по европейскому опыту соревнований на *татами* или по показательным выступлениям современных мастеров, часто подобных фокусам (например, при разбивании твердых предметов) или спортивной гимнастике (более всего сходство с гимнастикой прослеживается в спортивном *ушу*). Но в жизнеописаниях законодателей

стилей ровным счетом нет ничего героического или замечательного, кроме самих этих стилей. Порой описание показательных выступлений мастеров выглядят почти комично. Современные мастера умеют значительно больше и исполняют боевые трюки для публики куда эффектнее.

Надо сказать, что все боевые искусства, несмотря на древнюю историю, очень молоды. Общий интерес европейской цивилизации к Востоку, возникший на фоне затухания собственного культурного творчества в модернистских и постмодернистских лабиринтах западного мировоззрения, породил современную мифологию восточных единоборств. В действительности восточные единоборства как системы, открытые для распространения, возникли лишь на рубеже XIX-XX вв. и были откликом на европейскую экспансию в культуру Востока. Таинство боевых искусств под напором европейской пытливости превращалось в спортивные стили и школы. Незаметно для себя европейцы начали осваивать сохранившиеся на периферии древних цивилизаций и невостребованные долгие века знания. К сожалению, эти знания до сих пор сильно замусорены разнообразной псевдодуховной шелухой, устаревшими объяснительными схемами и методиками. Европейцам казалось, что здесь таится нечто, неизвестное им – тайна Востока. Но и в Европе были свои боевые искусства – учителя фехтования, английского бокса или вольной борьбы. Увы, они не оставляли за собой школ. Восток ворвался в Европу именно в тот момент, когда началось строительство массовых армий, и для них возникла необходимость в массовом производстве солдат, обученных рукопашному бою. Восточные системы многим казались настолько разработанными, что их стали внедрять повсеместно.

В советской России тоже появились мастера, создавшие великолепную боевую школу самбо. Их заслуги в формировании массовой школы боевых искусств, безусловно, значительно выше, чем заслуги мастеров из Японии, Кореи и Китая. Система самбо имеет интегральный характер и способна к совершенствованию в самых разных направлениях. Увы, Советская власть предпочитала присваивать личные достижения и стирать авторство из памяти поколений. Именно поэтому школы самбо имели территориальный характер, не привязываясь к именам мастеров. То же касается и европейского бокса, борьбы, фехтования. В сравнении с ними восточные школы кажутся особенными – в них сохраняются имена мастеров-основателей и цепь преемственности, а также сочетание боевой подготовки с чисто спортивными приложениями.

Спортивные единоборства стали суррогатом боевых искусств, выбирая лишь отдельные элементы таким образом, чтобы единоборство не кончалось смертью или тяжкими телесными повреждениями. Определенным образом они дают введение в боевые искусства, оставляя лакуны в действиях бойца. Суррогатом боевых искусств являются и специальные упражнения – *ката* и *бункай*, которые, тем не менее, закладывают определенную схему поведения в бою и чувство антропомеханики собственного тела и тела противника.

Возвращение боевых искусств в Европу оказалось повторением пройденного в войнах через спорт. Люди востока, как оказалось, вовсе не имеют преимуществ перед европейцами в боевых искусствах – таких, к примеру, какие в силу своей антропологии имеют в боксе африканцы. Уравнявшись с дальневосточными мастерами в массовости и методиках, европейцы явно одержали верх. Кажется, и в боксе европейские методики постепенно перевешивают длиннорукость африканцев, которые без тех же методик вряд ли смогли бы на собственной национальной почве создать конкурентоспособные команды бойцов. В восточных единоборствах преимущества азиатов очень достигнуто только за счет государственного протекционизма. Этому мы должны поучиться у Востока.

В спортивных единоборствах европейцы быстро заняли ведущее положение, оставив японцам, корейцам и китайцам лишь те заслуги, которые те стремились сохранить за собой вместе с национальной гордостью (для чего ограничивали участие европейцев в соревнованиях, применяли заведомо предвзятое судейство или заведомо проигрышную для европейцев систему весовых категорий, где большинство из них скапливалось в тяжелых и сверхтяжелых категориях). Даже в достаточно нелепой, с точки зрения европейца, и неудобной для его антропологии борьбе сумо, европейцы оказывают серьезное сопротивление монголоидам. Некоторые элементы европейских видов борьбы, введенные в сумо, делают традиционно подготовленных спортсменов беспомощными перед эффективными средствами противника. В видах единоборств, приближенных к боевому применению, монголоиды выглядят явно слабее европейцев. В таких стилях, как, например, *дзюдо* и *кудо*, лишь выдающиеся мастера восточных школ составляют конкуренцию наследникам индоевропейского менталитета и обладателям навыков, воспитанных европейскими мастерами.

Защита Отечества в современной России все больше превращается в наемную службу и выходит из очевидного перечня естественных обязанностей гражданина. Возникает поколение мужчин, не способных постоять за себя и не имеющих элементарных знаний в военном деле. Это поколение не в состоянии противостоять высокотехнологической войне, угрожающей нам с запада или войне массовых армий, возможной для нас на востоке. Продолжение бездумной «штамповки» чахлых солдат, занятых в основном строевой подготовкой и подметанием плацев, превращает русскую армию в легкую добычу для диверсионных групп вероятного противника, который вооружает свою «пехоту» эффективной спецподготовкой.

Современная война вновь возвращает в строй воина-профессионала, спецназовца, более всего приспособленного к ведению боя в малочисленных, но хорошо оснащенных и подготовленных подразделениях. На стратегию оказывает влияние уже не масса, а малые группы, где подготовка отдельного бойца предопределяет ход военных операций. Но и малые группы могут быть многочисленными и противостоять как массовым армиям, так и диверсионным группам – если гражданское общество будет готово к тотальной обороне, а ядерная агрессия все еще будет невозможной в силу

неприемлемого ущерба для обеих сторон. Это означает необходимость возвращения систематичного преподавания боевых искусств не только в армии, но и в системе образования и воспитания – формирования поколения русских граждан-воинов, которые в любой профессии сознают свой долг и следуют православной вере.

Кодекс бусидо для русских – не руководство к действию, а только лишь напоминание о собственном историческом долге, о чести гражданина и славе Отечества. Боевые искусства для русских – насущная необходимость. Учиться им у Востока не стыдно, а необходимо. И создавать свои национальные школы, стили и виды единоборств. Ребенок, юноша должен пройти через *татами*, чтобы избавиться от страха физической боли и приобрести навыки воина, чтобы, став взрослым, преодолеть страх смерти и стать защитником Отечества и народа на войне и в мирной жизни.